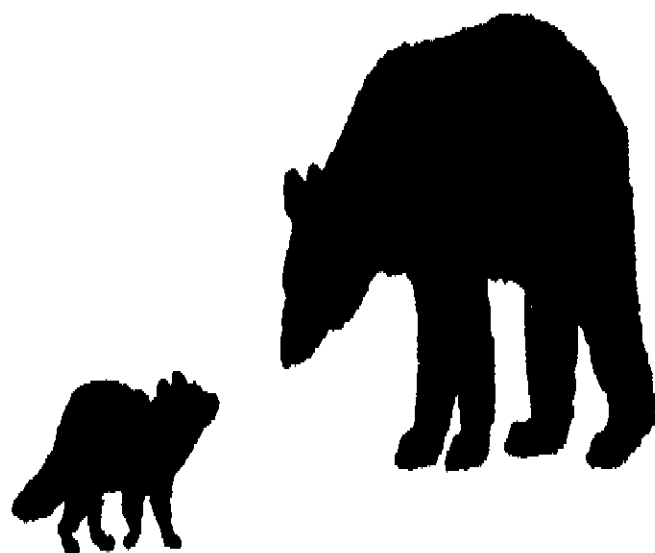
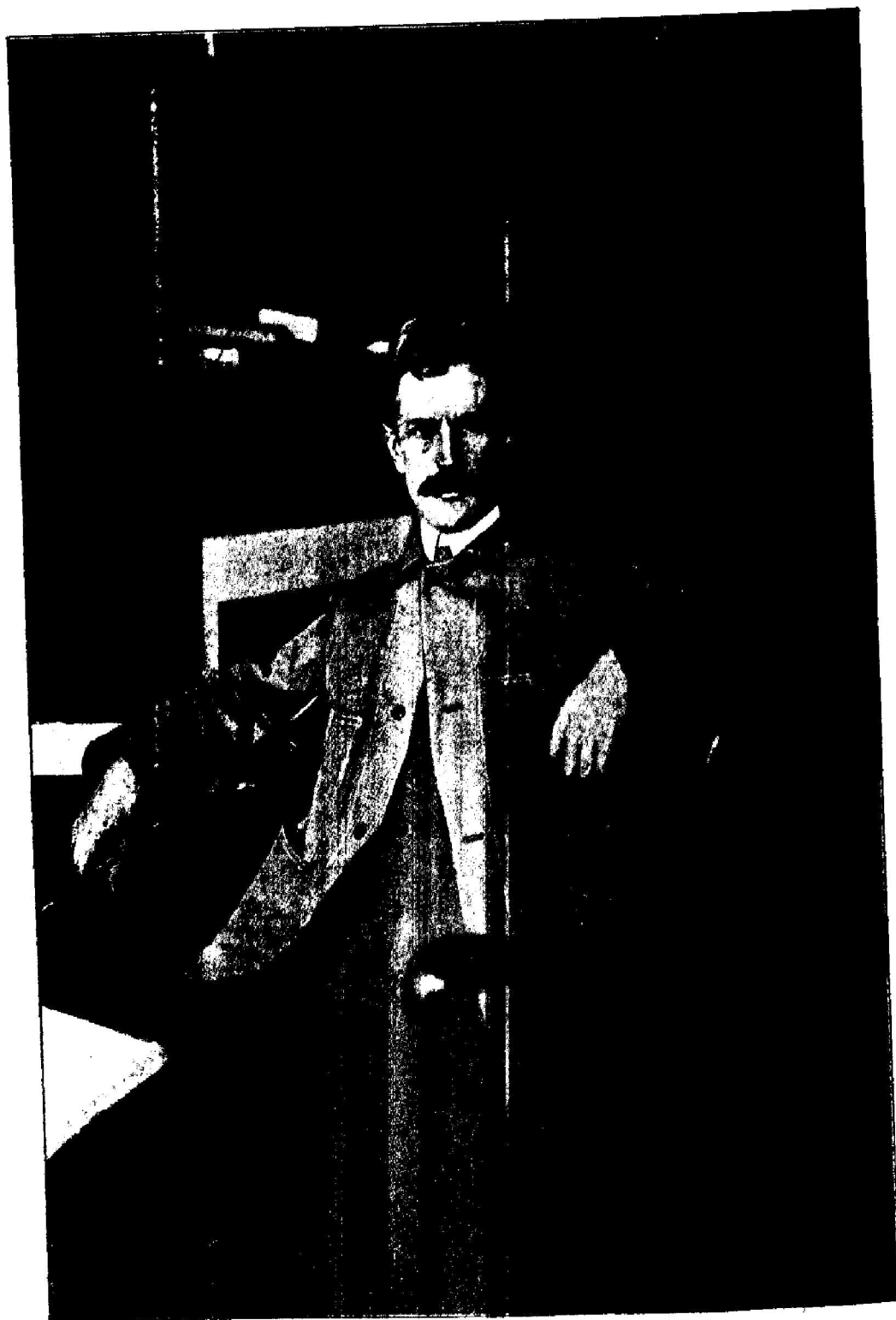

Младший братецъ

медвѣдя

Вильямъ Лонгъ.

Вильямъ Лонтъ.

**Младшій
братецъ
медвѣдя**

**разказы
изъ жизни
животныхъ**

ПЕРЕВОДЪ
М. Г. ЯЗЫКОВОЙ.

ИЗДАНИЕ
В. М. САБЛИНА.
1908.

Типографж В. М. Саблина.
Москва, Петровка, 1д. Обидиной. Телефонъ 131-34.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Цѣль этой книжки, если она имѣетъ какую-нибудь цѣль, кромѣ желанія подѣлиться съ близкими моими незатѣйливыми радостями,—легко понять, прочтя первую главу, подъ заглавіемъ: "Моя точка зрѣнія", а заглавіе всей книги объясняется въ ниже-слѣдующей главѣ "Младшій Братецъ Медвѣдя".

Всѣ рисунки воспроизведены изъ моихъ собственныхъ памятныхъ книжекъ или возстановлены на память, а наблюденія обнимаютъ почти цѣлыхъ тридцать лѣтъ моей жизни, — съ того времени, какъ я, еще ребенкомъ, сталъ бродить по роднымъ лѣсамъ, полный дѣтскаго изумленія и восторга, вплоть до моей послѣдней поѣздки въ канадскія дебри въ суровую зимнюю пору. Нѣкоторыя изъ главъ, какъ, напримѣръ, главы о вальдинетъ и енотъ, содержатъ въ себѣ характеристики десятковъ отдѣльных животных и птицъ, принадлежащихъ къ одной и той же породѣ; другія, подобно очеркамъ о медвѣдѣ и гадарѣ въ главѣ "Хирургія у животныхъ", указываютъ на острое развитіе умственныхъ способностей у отдѣльных особей, которыхъ природа, по-видимому, высоко подняла надъ уровнемъ ихъ сородичей; а въ, одномъ случѣ — именно въ очеркѣ о жабѣ, я ради занимательности разсказа собралъ въ характеристикѣ одного животнаго отдѣльныя черты четырехъ или пяти скромныхъ тварей, за которыми я наблюдалъ въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ.

Причудливыя названія, примѣняемыя здѣсь къ звѣрямъ и животнымъ, заимствованы у индѣйскаго племени милисетовъ и обыкновенно обозначаютъ какіе-нибудь звука или черты, напоминающіе самихъ описываемыхъ животныхъ. Всѣ прошествія, случаи и наблюденія происходили лично у меня на глазахъ, за нѣкоторыми исключеніями, определенно указанными въ текстѣ:

всѣ они позднѣе подтверждены были и другими наблюдателями. Въ своемъ изложеніи, хотя и строго придерживаясь точныхъ фактовъ, я только старался показать чистоту животныхъ въ наиболѣе интересномъ свѣтѣ, такими, какими они представлялись мнѣ самому, когда я съ ними знакомился.

В. Лонгъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловіе	5
Оглавленіе.....	7
Моя точка зрѣнія	9
Младшій братецъ медвѣдя	14
Отшельникъ витувикъ.....	29
Геніальный вальдшнепъ.....	44
Когда Эпвикисъ охотится.....	48
Толстякъ Кдункъ	56
Берлога Мувина	69
Дѣтскій садъ зимородка	74
Хитрый пекомпфъ.....	80
Хирургія животныхъ	90
Охота безъ ружья.....	98

МОЯ ТОЧКА ЗРѢНІЯ

Моя точка зрѣнія

Одинъ старый индѣецъ, мой хорошій знакомый, рассказывалъ мнѣ, что какъ-то разъ въ поставленный имъ капканъ попалась медвѣдица. Въ тотъ же день пришелъ самецъ медвѣдь и старался поднять тяжелое бревно, упавшее на спину его подруги и придавившее ее. Но это ему не удавалось и тогда онъ полѣзъ въ загородку; когда же индѣецъ осторожно и тихо подкрался ближе, привлеченный какими-то тихими, странными звуками, онъ увидѣлъ, что медвѣдь сидитъ возлѣ своей мертвой подруги, держа ее голову въ объятіяхъ, и съ жалобнымъ стономъ раскачивается изъ стороны въ сторону.

Передъ современнымъ писателемъ въ области естествознанія, желающимъ понять жизнь животнаго царства и подѣлиться своими открытіями съ другими, встаютъ два

обязательства. Онъ долженъ собирать всѣ факты непосредственно изъ первыхъ рукъ и затѣмъ истолковать ихъ такъ, какъ ему подсказываетъ его разумъ и сердце, въ связи съ окружающей обстановкой наблюдаемыхъ явленій. Ребенокъ удовлетворится занимательнымъ рассказомъ изъ жизни животныхъ, но взрослый человѣкъ навѣрное пожелаетъ узнать происхожденіе и причину наиболѣе разительныхъ явленій изъ жизни природы.

Ибо каждое явленіе есть въ то же время и открытіе, представляющее исключительный интересъ, не само по себѣ, а главнымъ образомъ, какъ выраженіе скрывающагося за нимъ жизненнаго закона. Падающее на землю яблоко — весьма обыденное явленіе, настолько обыденное, что оно не представляло никакого интереса до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не сталъ размышлять надъ нимъ и не открылъ великаго закона, которому одинаково подчиняются какъ падающее яблоко, такъ и падающая звѣзда.

То же самое происходитъ и въ животномъ мірѣ. Въ теченіе многихъ столѣтій можно было наблюдать одни и тѣ же окраски, размѣры и привычки животныхъ, и всѣ они представлялись незначительными и неинтересными, пока люди не стали размышлять надъ ними и не вывели изъ нихъ закона происхожденія видовъ. Относительно большинства птицъ и животныхъ эти обыденныя явленія и ихъ смыслъ всѣмъ хорошо извѣстны; изучать ихъ вновь представляется утомительной и неблагодарной работой. Происхожденіе видовъ и законъ всеобщаго тяготѣнія нами относятся къ той же категоріи фактовъ, какъ паровая машина, телеграфная проволока и другія вещи, совершенно насъ не удивляющія. А, между тѣмъ, въ воздухѣ существуютъ невидимыя теченія; солнце ежедневно изливаетъ на нашу равнодушную планету достаточный запасъ энергіи, для того чтобы все затрачиваемое нами количество огня оказалось ненужнымъ, если бы мы только дѣйствительно все понимали. Животный міръ богатъ міриадами никому невѣдомыхъ случаевъ и явленій, медленно выплывающихъ на свѣтъ Божій, по мѣрѣ того какъ естествоиспытатели слѣдуютъ за дикими животными въ ихъ родныя убѣжища и убѣждаются, какъ глубоки различія между ними, хотя бы они и принадлежали къ одному и тому же виду, и до чего скуденъ, сравнительно съ дѣйствительностью, печатный перечень приписываемыхъ имъ привычекъ.

Мы слишкомъ долгое время удовлетворялись уродливыми телеграфными столбами и проволоками, какъ предѣльной точкой совершенства въ области сообщеній; слишкомъ долго мы довольствовались предположеніемъ, что животныя руководствуются какимъ-то страннымъ, непонятнымъ свойствомъ, называемымъ инстинктомъ, что всѣ существа, принадлежащія къ одному и тому же классу, ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга. Но все это вѣрно только съ внѣшней стороны. Всего этого достаточно для того, чтобы дать животному опредѣленное наименованіе, но не больше; а вѣдь названіе или опредѣленіе породы какого-нибудь животного далеко не исчерпываетъ всего, что можно о немъ сказать. Вы далеко не покончили съ индѣйцами, опредѣливъ ихъ расу. Этого достаточно для этнологіи, достаточно для того, чтобы написать о нихъ книгу; возможно, что богословъ-кальвинистъ въ свое время удовлетворялся такими свѣдѣніями, но вѣдь остается еще вся жизнь индѣйца, которая важнѣе опредѣленія его расы, и только по истеченіи двухъ столѣтій пренебрежительнаго отношенія, гоненій или несправедливостей, въ насъ пробуждается

сознаніе того, что жизнь его представляет необычайный интересъ для человѣчества. Его познанія въ медицинѣ, его размышленія о Богѣ глубже и интереснѣе изгиба и очертаній его черепа; его преданія и суровая музыка должны быть поняты и истолкованы такъ же, какъ и цвѣтъ его кожи, и мы только теперь начинаемъ понимать значеніе этихъ болѣе крупныхъ и важныхъ чертъ.

Все это не больше, какъ аналогія, пожалуй, мало убѣдительная. Однако, она заставляетъ подумать, не впали ли мы въ подобное же заблужденіе и относительно животныхъ; неужели мы уже изучили ихъ, открывъ въ нихъ инстинктъ и назвавъ ихъ породу, и можемъ ли мы найти себѣ оправданіе, когда съ такимъ усердіемъ истребляемъ и стираемъ ихъ съ лица земли — какъ нѣкогда истребляли несчастныхъ индѣйцевъ-беотуковъ, чтобы завладѣть шкурами, которыми они прикрывались. Подъ мѣхомъ звѣрей и перьями птицъ бьется живое сердце, и нѣкоторые изслѣдователи научились понимать, что жизнь ихъ, смутно напоминая намъ періодъ нашего собственнаго первобытнаго младенчества, представляетъ захватывающій интересъ для человѣка. Есть животныя, которыя чертятъ планы, производятъ расчеты, а математику, хотя бы и элементарную, едва ли можно приписать одному инстинкту. Есть такія, что умѣютъ строить плотины и проводить каналы; другія замѣчательны правильнымъ общественнымъ устройствомъ. Одни животныя спасаютъ жизнь своимъ товарищамъ; другія умѣютъ перевязывать свои собственные раны и даже при случаѣ вправлять сломанную ногу, какъ будетъ видно въ одной изъ нижеслѣдующихъ главъ. Всѣ животныя высшаго порядка имѣютъ общеніе другъ съ другомъ въ большей или меньшей степени, воспитываютъ своихъ дѣтенышей и измѣняютъ свои привычки, приспособляясь къ мѣняющимся условіямъ.

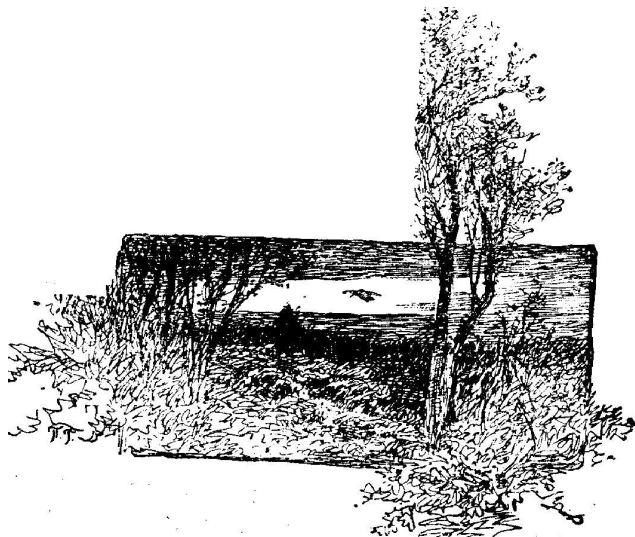
Все это и многое другое, еще болѣе удивительное несомнѣнные факты. Мы все еще ожидаемъ естествоиспытателя, который бы могъ истолковать намъ ихъ истинный смыслъ.

Возстановляя нижеслѣдующіе очерки по моимъ записнымъ книжкамъ и воспоминаніямъ о странствіяхъ по пустыннымъ мѣстамъ, я имѣлъ въ виду, какъ привести рѣдкіе случаи и явленія, такъ и дать имъ истолкованіе. Я тщательно подбиралъ ихъ изъ моихъ многочисленныхъ наблюденій, желая подчеркнуть наиболѣе рѣдкія и малоизвѣстныя явленія животнаго міра. Во всѣхъ моихъ занятіяхъ или, вѣрнѣе, забавахъ среди лѣсовъ и полей, я старался отыскивать необычныя черты, въ которыхъ обрисовывается индивидуальность животнаго; изученіе общихъ нравовъ и научную классификацію я оставляю болѣе свѣдущимъ естествоиспытателямъ, которые лучше исполняютъ это дѣло. Поэтому я проходилъ мимо сотенъ животныхъ и птицъ и останавливался на изученіи лишь одного какого-нибудь экземпляра и отмѣчалъ только самыя интересныя изъ своихъ наблюденій, такія, дѣлать которыя приходится рѣдко и которыя доступны лишь людямъ, проводящимъ долгіе дни и мѣсяцы въ лѣсахъ, въ молчаливомъ и напряженномъ вниманіи.

Являются ли эти рѣдко встрѣчающіяся привычки общей принадлежностью всѣхъ особей одной и той же породы, и кажутся ли онѣ намъ такими странными лишь потому, что мы мало знакомы съ жизнью дикихъ животныхъ, или же это особенности лишь немногихъ выдающихся индивидовъ, богаче одаренныхъ природой, нежели имъ подобные, — я предоставляю рѣшать самому читателю; я самъ этого не знаю. Во всякомъ случаѣ,

рѣшить этотъ вопросъ можно не путемъ теоріи или предубѣжденія, либо апріорныхъ разсужденій, а просто путемъ болѣе близкаго наблюденія животныхъ въ то время, когда они не подозрѣваютъ присутствія человѣка и потому держатся вполне естественно. Считаю полезнымъ указать при этомъ, что мнѣ рѣдко приходилось сдѣлать наблюденіе, какъ бы оно меня, въ первую минуту, не изумило, — чтобы рано или поздно не столкнуться съ индѣйцемъ, охотникомъ или натуралистомъ, который видалъ подобныя явленія у дикихъ звѣрей. Геніальный вальдшнепъ, исторія котораго изложена въ этой книгѣ, представляетъ подобный примѣръ. То же самое можно сказать о дикообразѣ, скатывавшемся съ высокой горы, повидимому для забавы, — наблюденіе, дважды удостоверенное — одинъ разъ браконьеромъ изъ Новаго Брауншвейга, а въ другой разъ Гарвардскимъ учителемъ. Такимъ же примѣромъ является дикая кошка, укравшая мою сѣтку; аистъ, ловившій мелкихъ рыбокъ на приманку; лиса, притворявшаяся мертвой, когда ее поймали въ курятникѣ; зимородки, напустившіе въ лужу пискарей, чтобы ихъ птенцы учились ловить рыбу; жаба, научившаяся сидѣть на копытѣ у коровы во время дойки подстерегая мухъ. Всѣ эти случаи и десятки другихъ, еще болѣе невѣроятныхъ, наблюдавшихся разными лицами въ разныхъ мѣстностяхъ, казалось бы, могутъ служить указаніемъ на то обстоятельство, что разумъ есть качество гораздо болѣе распространенное среди жителей лѣсовъ, чѣмъ мы предполагаемъ, и что если бы на многое у насъ открылись глаза и мы бы отказались отъ предвзятыхъ мнѣній, то убѣдились бы, что природа щедро одѣляетъ своими дарами и милостями даже самыхъ мелкихъ своихъ созданій. Что касается истолкованія явленій и фактовъ, на которыя я иногда отваживался, то оно всецѣло принадлежитъ мнѣ и представляется маловажнымъ въ сравненіи съ самими фактами. Оно цѣнно только лично для меня, и я его привожу скорѣе какъ средство навести читателя на самостоятельныя размышленія, нежели какъ отвѣтъ на его вопросы. Въ сердцѣ каждого человѣка лежитъ мѣрило его міросозерцанія, все равно будь оно широкое или узкое. Онъ будетъ судить о теплотѣ не по математическимъ вычисленіямъ о солнечной энергіи, а по подергиванію своего обожженаго пальца, нисколько не отличаясь въ этомъ отъ любого ребенка, и пойметъ законъ сопротивленія не изъ учебника Гано, а просто натягивая на ноги сапоги. И имѣя всѣ новыя явленія изъ животнаго царства передъ глазами, онъ все-таки будетъ жить въ потемкахъ и ничего не пойметъ, пока не рѣшится заглянуть себѣ въ сердце и читать въ немъ.

Младший братец медвѣдя

Немногіе знаютъ дорогу къ маленькому домику среди скалъ, гдѣ жилъ Младшій Братецъ Медвѣдя. Онъ находится на разстояніи многихъ миль отъ всякаго другого дома, кромѣ одного, впрочемъ, и расположенъ въ самой глубинѣ большихъ пустынныхъ рощъ. Вамъ надо было бы свернуть съ большой дороги, тамъ гдѣ она спускается въ прохладную тѣнистую ложбину между соснами, и пойти по глухой старой дорогѣ, по которой иногда ѣздятъ дровосѣки зимой, и которая привела бы васъ, послѣ довольно долгаго пути, къ покривившейся старой мельницѣ у другого перекрестка, гдѣ ручеѣкъ болтаетъ и смѣется день-деньской у ржаваго мельничнаго колеса, а птицы безнаказанно вьютъ гнѣзда подъ погнувшимися балками, и изрѣдка слышно въ сумерки, какъ плещется и играетъ форель въ пѣнящихся водяныхъ струяхъ. Но вамъ не пришлось бы идти такъ далеко, чтобы найти жилище Младшаго Братца Медвѣдя.

Слѣдуя лѣсной дорогой, вы неожиданно вышли бы на маленькую полянку, съ бѣгающими по лужайкѣ ручейкомъ и сплошь поросшимъ папортникомъ обрывомъ.

Здѣсь дорога дѣлаетъ изгибъ, какъ всегда бываетъ съ дорогой, идущей мимо живописнаго мѣста, словно ей хочется повернуть назадъ и взглянуть на пройденное мѣстечко еще разокъ. Подъ обрывомъ стоялъ старенькій домикъ, гдѣ жили молчаливыя робкія дѣти; и это было единственное человѣческое жильѣ на протяженіи трехъ миль. Какъ разъ за домомъ, тамъ, гдѣ лѣсная поросль была особенно густа, незамѣтная узенькая тропка убѣгала въ сторону отъ лѣсной дороги и приводила къ маленькому пруду, расположенному среди огромнаго лѣса, гдѣ много вѣковъ тому назадъ бобры выстроили плотину и вырыли глубокую яму для храненія запаса дерева на зиму. Взявъ длинный шестъ и покопавъ имъ въ грязи на днѣ пруда, легко наткнуться на обломокъ палки или кусокъ дерева, которымъ питались бобры; на его конусообразныхъ концахъ остались ясные слѣды крѣпкихъ зубовъ, кора его еще свѣжа и ждетъ, чтобы маленькій хозяинъ ее изгрызъ по возвращеніи, такъ какъ для этого онъ и срѣзалъ и хранилъ эти древесные

сучки много лѣтъ тому назадъ. Однако, немногимъ это приходило на умъ; большинство приходившихъ къ этому мѣсту, всѣ свои помыслы направляло на миногъ, кишѣвшихъ въ этой старой кладовой бобровъ и хорошо клевавшихъ въ пасмурные дни. Вокругъ древней плотины берега шли уступами, такъ же, какъ и внизу по обѣимъ сторонамъ лѣсистой долины; и между мшистыми, поросшими папоротникомъ скалами этихъ крутыхъ уступовъ, одинъ изъ робкихъ дѣтей, съ которыми я подружился, указалъ мнѣ на сводчатые ворота, образованныя двумя огромными, прислонившимися другъ къ другу камнями.

— Какой-то звѣрь живетъ тамъ. Я его видѣлъ. Я разъ заглянулъ туда и видѣлъ, какъ онъ моргалъ глазами; и... и... и тогда я убѣждалъ, — рассказывалъ онъ, и при этомъ его собственные глаза широко раскрывались, полные видѣннаго имъ лѣсного дива.

Мы не стали шумѣть, а прилегли вмѣстѣ подъ кустомъ и сторожили чудесныя старыя ворота до тѣхъ поръ, пока трусливому ребенку не пришло время уходить домой; но никто такъ и не вышелъ, не выглянулъ изъ воротъ блестящій любопытный глазокъ изъ свода нависшихъ папоротниковъ. Но мы все-таки знали, что кто-то тамъ скрывается, такъ какъ къ немалому удивленно и восторгу моего маленькаго лѣснаго обитателя я показалъ ему приставшій къ скалѣ короткій сѣрый волосъ съ чернымъ кончикомъ. После этого мы ушли еще съ большей осторожностью, чѣмъ пришли.

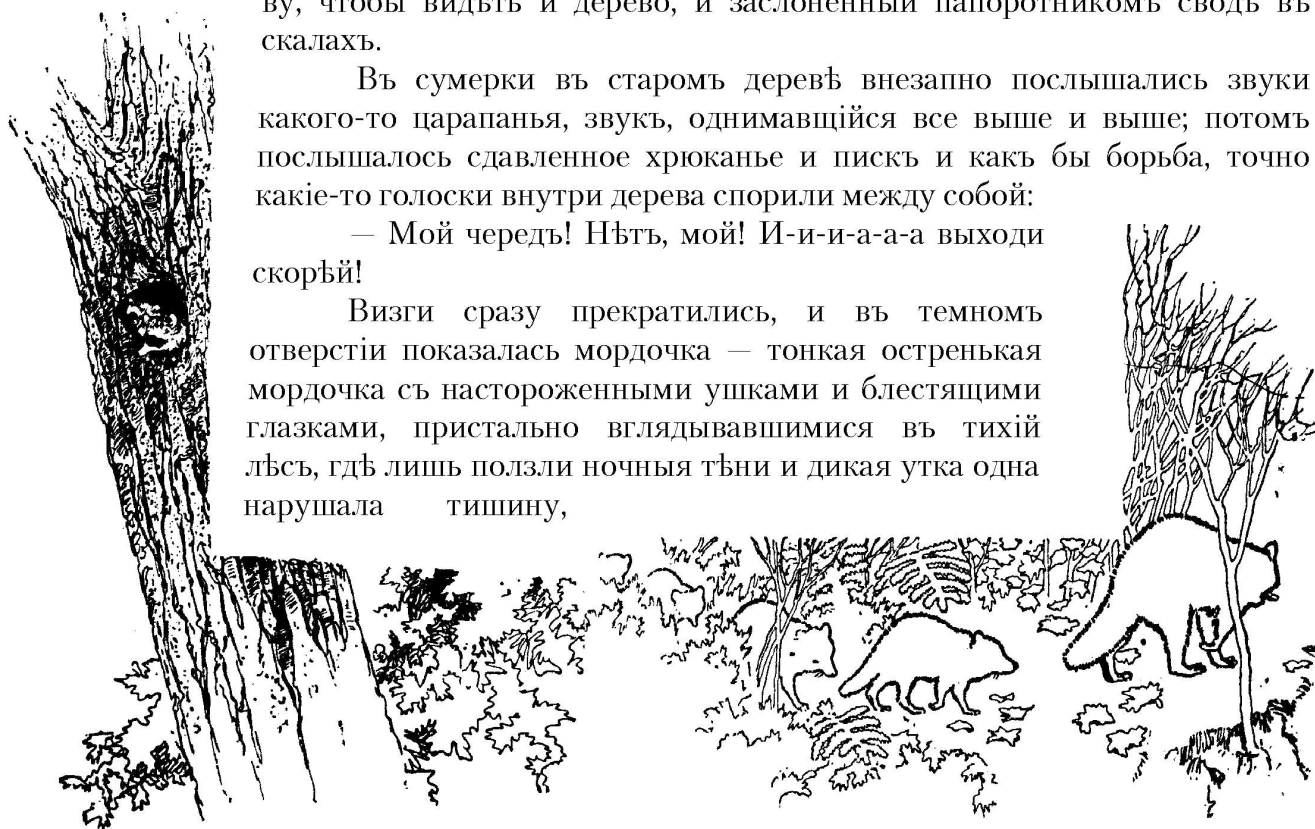
— Очень можетъ быть, что это енотъ, — сказалъ я трусишкѣ, — еноты — сони и дремлютъ по цѣлымъ днямъ. А можетъ быть и лисичка; онѣ не выходятъ до темноты и снова скрываются въ норѣ до разсвѣта, такъ что маленькимъ мальчикамъ никакъ нельзя узнать, гдѣ онѣ живутъ.

Когда наступило полнолуніе, я вернулся однажды днемъ къ маленькому домику между скалъ и спрятался подъ тѣмъ же кустомъ, подстерегая, не выйдетъ ли кто-нибудь. Прежде всего я внимательно осмотрѣлся кругомъ и увидалъ по близости огромное дуплистое каштановое дерево, которое дровосѣки въ свое время пощадили, какъ негодное для рубки. На его грубой корѣ всюду виднѣлись царапины и слѣды когтей, а подъ нижними вѣтвями находилось большое, темное, узловатое дупло, которое могло служить входомъ въ нору. Я тогда легъ и спрятался такъ, что мнѣ только стоило повернуть голову, чтобы видѣть и дерево, и заслоненный папоротникомъ сводъ въ скалахъ.

Въ сумерки въ старомъ деревѣ внезапно послышались звуки какого-то царапанья, звукъ, однимавшійся все выше и выше; потомъ послышалось сдавленное хрюканье и пискъ и какъ бы борьба, точно какіе-то голоски внутри дерева спорили между собой:

— Мой чередъ! Нѣтъ, мой! И-и-и-а-а-а выходи скорѣй!

Визги сразу прекратились, и въ темномъ отверстіи показалась мордочка — тонкая остренькая мордочка съ настороженными ушками и блестящими глазками, пристально вглядывавшимися въ тихій лѣсъ, гдѣ лишь ползли ночныя тѣни и дикая утка одна нарушала тишину,

слегка покрывавая своему выводку на маленькомъ пруду. Но вотъ, въ дуплистомъ деревѣ снова поднялся пискъ, и еще четыре мордочки высунули свои остренькіе носики изъ дупла, совершенно закрывъ отверстіе; каждый звѣрокъ наблюдалъ и прислушивался, проталкиваясь мордочкой черезъ головы товарищей, чтобы удобнѣе было глядѣть — точь въ точь дѣти, которымъ хочется поскорѣе выйти погулять и поиграть послѣ долгаго сна.

Одинъ нетерпѣливый звѣрокъ, цѣпляясь когтями, взобрался на спину матери и, положивъ свою мордочку ей между ушами, выглядывать изъ дупла; тутъ мнѣ удалось его лучше разсмотрѣть; это была удивительная мордочка, -капризная и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшная, съ бѣлымъ кольцомъ вокругъ остраго носика и темной полосой, идущей съ самаго начала носа и расходящейся въ совершенно черные круги вокругъ глазъ, точно на нихъ были надѣты какіе-то странные дымчатые очки, изъ-подъ которыхъ глаза свѣтились и блестѣли или дѣлались серьезными, когда до слуха звѣрка доносилось утиное криканье. Живая и въ то же время дѣтски-невинная физіономія, въ которой отлично уживались и умъ собаки, и хитрость лисицы съ проказливостью медвѣжонка; физіономія, ежеминутно мѣняющая выраженіе, при видѣ которой вы и улыбались, и задумывались привлекательная и пытливая, милая и полная контрастовъ мордочка одного изъ представителей лѣснаго племени — мордочка енота, Мувисука, Младшаго Братца Медвѣдя, какъ его называютъ и натуралисты и индѣйцы.

Мать вышла первая и спустилась задомъ съ дерева, вертя головой то въ ту, то въ другую сторону, поглядывая внизъ и стараясь увидать, сколько ей еще осталось проползти до земли, совершенно такъ, какъ это дѣлаютъ медвѣди. Четверо детенышей послѣдовали за ней, цѣпляясь когтями за древесную кору и взвизгивая, а одинъ, спустившись до половины дерева, повернулся и спрыгнулъ прямо на мягкую спину матери, облегчивъ себе этимъ трудную задачу. Затѣмъ мать повела ихъ къ сводчатому входу между скалами, и молодежь потянулась за ней гуськомъ, ступая по ея слѣдамъ, останавливаясь и втягивая воздухъ ноздрями по ея примѣру, вообще подражая ей во всѣхъ ея дѣйствіяхъ, совершенно какъ медвѣжата, когда они бродятъ по лѣсамъ.

У входа въ логовище она стала къ сторонкѣ, а дѣти скрылись въ немъ одинъ за другимъ. Мать озиралась и прислушивалась съ минуту, а затѣмъ бросилась бѣжать въглубь лѣса, когда въ полумракѣ раздался чистый дрожащій визгъ. Черезъ минуту я увидѣлъ ее на берегу пруда съ другимъ енотомъ покрупнѣе, вѣроятно ея самцомъ, спавшимъ гдѣ-нибудь отдѣльно въ другомъ дуплистомъ деревѣ; оба пошли вдоль берега, вмѣстѣ охотясь за рыбой и лягушками.

Едва успѣла мать скрыться изъ глазъ, какъ дѣтеныши вышли изъ норы и начали играть, возиться и кувыркаться, совсѣмъ какъ выводокъ лисятъ; занявшись этимъ ис-

ключительно ради забавы, они вмѣстѣ съ тѣмъ упражняли каждый коготь, каждый отдѣльный мускуль, готовясь къ тяжелой работѣ, которую долженъ нести каждый енотъ, когда для него настанетъ время самому заботиться о себѣ. Спустя нѣкоторое время одинъ изъ щенятъ оставилъ своихъ братцевъ продолжать игру, а самъ опять пошелъ къ каштановому дереву, по той же дорогѣ, слѣдуя каждому повороту и изгибу прежняго слѣда, точно тамъ была проложена тропинка; вѣроятно она и существовала для его глазъ и носа, хотя я не могъ отыскать ни малѣйшаго ея признака. Онъ полѣзъ вверхъ по дереву, точно съ какимъ-нибудь порученіемъ, и мнѣ было слышно, какъ звѣрокъ царапался и пищалъ, спускаясь внутри лаго ствола. Вскорѣ онъ снова показался, держа что-то во рту. Въ полумракѣ я никакъ не могъ разглядѣть, что это было такое, но когда онъ проходилъ въ разстояніи десяти футовъ отъ того мѣста, гдѣ я спрятался, я направилъ на него мой полевой бинокль и ясно увидѣлъ, что это былъ маленькій узловатый древесный сучекъ съ закорючкой, — сдѣлавшійся совсѣмъ гладенькимъ отъ частаго употребленія, — единственная игрушка, которую можно найти въ каждомъ жилищѣ, гдѣ когда-нибудь обиталъ Младшій Братецъ Медвѣдя.

Онъ понесъ ее къ тому мѣсту, гдѣ продолжали играть молодые еноты, легъ между ними и началъ играть одинъ, ловко перебрасывая игрушку изъ одной передней лапки въ другую, подбрасывая и снова ловя ее, подгребая ее подъ себя, совершенно какъ ребенокъ, у котораго всего одна игрушка. Скоро къ нему присоединились и другіе еноты, и крючковатый сучокъ леталъ то туда, то сюда, отъ одного звѣрка къ другому, его ловили и катали по землѣ, прятали и снова находили, продѣлывая все это молча и совершенно погрузившись въ игру, притомъ съ видимымъ удовольствіемъ, которое легко было замѣтить даже и въ полумракѣ.

Игра была прервана внезапнымъ плескомъ воды; на поверхности пруда показалась едва замѣтная рябь, маленькіе еноты бросили игрушку и стали прислушиваться, засверкавъ глазенками изъ-подъ темныхъ очковъ, острые носики ихъ зашевелились, а ушки встали торчмя, и все вниманіе ихъ обратилось на доносившіеся съ берега пруда звуки. Ихъ мать усердно волокла оттуда какую-то пойманную ею добычу; вскорѣ она появилась среди нихъ, и малютки позабыли игру, увлекшись ѣдою. Но все это происходило на большомъ разстояніи, и тѣни настолько сгустились, что нельзя было разглядеть, что именно мать принесла имъ и какъ она подѣлила добычу. Когда она опять ушла, уже стало настолько темно, что животныя почувствовали себя въ полной безопасности, и молодые еноты гуськомъ потянулись за матерью къ берегу пруда, гдѣ густыя вечернія тѣни скрыли ихъ отъ меня своимъ туманнымъ покровомъ.

Такъ положено было начало продолжительному знакомству, которое поддерживалось иногда днемъ, но чаще по ночамъ; иногда я наблюдалъ за ними въ одиночествѣ, заставляя кого-нибудь изъ семейства за рыбной ловлей, за рытьемъ корней или за разореніемъ птичьихъ гнѣздъ; случалось также ходить съ мальчикомъ, которому удалось

поймать двухъ членовъ этой семьи въ поставленную имъ ловушку; кромѣ того приходилось встрѣчать ихъ вмѣстѣ съ охотниками въ сентябрьскія лунныя ночи, когда какой-нибудь плутоватый старый енотъ собиралъ шайку разбойниковъ и предпринималъ съ ними набѣгъ на хлѣбное поле. Тамъ каждый енотъ быстро

превращался въ настоящаго разрушителя и, утопая въ непривычномъ изобиліи, словно маленькій дикарь, вырывалъ съ корнемъ, портилъ и пробовалъ по двадцати ржаныхъ колосьевъ, прежде чѣмъ найти такой, который вполнѣ приходился ему по вкусу; потомъ

чувствуя себя чересчуръ набѣвшимся, чтобы играть или искать себѣ въ лѣсу подходящее дупло, забирался на первое попавшееся логовище и заваливался спать до тѣхъ поръ, пока снова не начиналъ испытывать голодъ и тихое подвигиваніе стараго вожака не призывало его къ новому набѣгу.

Если бы мы послѣдовали за семействомъ енотовъ въ эту первую ночь ихъ странствованія, до начала сентябрьскихъ набѣговъ и до того, какъ они были разогнаны собаками, мы бы поняли, почему Мувисукъ называется братомъ медвѣдя. Когда онъ бѣгаетъ, онъ ступаетъ на пальцы, совершенно, какъ собака; а по своему анатомическому строенію, особенно по развитію черепа и ушныхъ костей, онъ представляетъ собою намекъ на общаго доисторическаго прародителя какъ волка, такъ и собаки; но по всѣмъ своимъ привычкамъ онъ является положительно миниатюрнымъ изданіемъ Мувины*. Мать всегда идетъ впереди выводка, такъ же какъ медвѣдица, а дѣтеныши слѣдуютъ за ней гуськомъ, примѣчая рѣшительно все, на что мать

обращаетъ ихъ вниманіе. Они сидятъ на заднихъ лапахъ, и, когда ходятъ, то мягко ступаютъ всей ступней, совсѣмъ по медвѣжьей, оставляя задними ногами слѣдъ, похожій на слѣдъ крошечнаго младенца. Они утоляютъ голодъ всѣмъ, что только попадается съѣдобнаго въ лѣсахъ, такъ же, какъ и жадный бродяга въ мохнатой черной шубѣ. То они разрываютъ муравейникъ, то отрываютъ въ гниломъ пнѣ червей и жуковъ. Если имъ попадается что-нибудь сладкое, напримѣръ, хотя бы немного патоки, оставленной въ старомъ ульѣ, они обмакиваютъ въ нее свои лапы и потомъ облизываютъ ихъ начисто, какъ и Мувинь. То они лакомятся ягодами, то охотятся за лѣсными мышами. Они

отыскиваютъ мелкое мѣстечко въ ручьѣ, во время хода рыбы, и подстерегши крупную рыбину, вытаскиваютъ ее изъ воды лапами. Послѣ рыбной ловли они лакомятся водорослями или откапываютъ въ грязи лягушекъ и черепахъ, при чемъ разбиваютъ скорлупу черепахи, бросая въ нее камнемъ. То они забираются въ курятникъ и удираютъ оттуда съ цыпленкомъ; съѣвъ его, они возвращаются въ садъ, раскалываютъ пополамъ тыкву и

въ видѣ десерта щелкаютъ тыквенныя сѣмечки. Увидѣвъ плывущую въ пруду выхухоль съ раковиной во рту, они идутъ за ней слѣдомъ по берегу; Мусквашъ** имѣетъ любопытную привычку ѣсть въ опредѣленныхъ мѣстахъ — на плоской скалѣ, приставшемъ къ берегу бревнѣ, на какомъ-нибудь бугоркѣ, который она предварительно очищаетъ отъ высокой травы и, раньше чѣмъ сѣсть за обѣдъ, собираетъ полдюжины или болѣе слизня-

* Мувинь — медвѣдь.

** Мусквашъ — выхухоль.

ковъ и ракушекъ. Мувисукъ слѣдитъ за тѣмъ, какъ она ищетъ себѣ подходящее мѣсто и, въ то время какъ Мусквашъ отправляется за новыми слизняками, онъ спѣшитъ стянуть все, что выхухоль оставила на обѣденномъ столѣ. Много разъ у прудовъ и рѣчекъ я наблюдалъ слѣды этой маленькой комедии. Вы всегда легко можете узнать мѣсто, гдѣ обѣдаетъ Мусквашъ, по кучкѣ пустыхъ раковинъ, валяющихся рядомъ въ водѣ; а иногда вы увидите слѣды Мувисука, ведущіе къ тому мѣсту, и, если пойдете по нимъ, то увидите, гдѣ онъ поѣлъ слизняковъ, собранныхъ Мусквашемъ.

Есть еще одна привычка, которой Мувисукъ удивительно походитъ на медвѣдя; область его странствій очень обширна, но онъ бродитъ по опредѣленнымъ тропинкамъ, какъ и Мувинъ, и, если его не напугаютъ, всегда возвращается болѣе или менѣе правильно къ тому мѣсту, гдѣ вы его однажды видѣли, и идетъ по одной и той же невидимой для глазъ тропинкѣ. Какъ и Мувинъ, онъ до мельчайшихъ подробностей изучаетъ лѣса. Онъ знаетъ — отчасти по самостоятельнымъ поискамъ, отчасти отъ матери, которая ведетъ его и указываетъ ему, гдѣ что находится — каждую нору, каждое дуплистое дерево, которое можетъ служить пріютомъ для енота въ минуту опасности. У него есть всегда на примѣтѣ логовище близъ хлѣбнаго поля, гдѣ онъ можетъ уснуть, когда слишкомъ наѣлся или когда ему лѣнь уйти далеко; всегда у него есть въ запасѣ сухое дерево для ненастной погоды, а также и прохладный мшистый пріютъ гдѣ-нибудь въ тѣни, гдѣ онъ скрывается въ жаркіе лѣтніе дни. У него есть, по крайней мѣрѣ, одно мѣстечко на верхушкѣ выдолбленнаго пня, гдѣ онъ любитъ лежать и нѣжиться подъ отвѣсными лучами солнца, и любимое большое дерево съ глубокимъ теплымъ дупломъ, въ которомъ

онъ неизмѣнно проводить время долгаго зимняго сна. А кромѣ того у него есть на примѣтѣ по крайней мѣрѣ по одному спасительному убѣжищу близъ каждой изъ его обычныхъ тропинокъ, куда онъ можетъ скрыться, когда ему угрожаетъ внезапная опасность со стороны людей или собакъ.

Хотя онъ ходитъ, охотится: дерется и питается подобно медвѣдю, однако Мувисуку свойственны многія привычки, до которыхъ Мувинъ никогда не додумывался.

Одна изъ нихъ — это его привычка разорять птичьи гнѣзда. Правда и Мувинъ отъ этого не прочь, такъ какъ онъ большой охотникъ до яицъ; но онъ большею частью ограничивается птицами, выющими гнѣзда на землѣ, или такими гнѣздами, которыя онъ можетъ достать, вставъ на заднія лапы. Поэтому дятламъ онъ совершенно неопасенъ. Что же касается

Мувисука, то онъ, напротивъ, не можетъ видѣть дупла въ деревѣ, чтобы не сунуть туда носа и не узнать, нѣтъ ли тамъ яицъ или молодыхъ дятловъ. Если въ дуплѣ есть яйца, онъ запускаетъ туда

лапу, крѣпко уцѣпившись за дерево, и пропихиваетъ ее въ дупло до самого плеча, чтобы узнать, не свито ли гнѣздо, по неосторожности, близко къ отверстию и не лежатъ ли яйца такъ, что онъ можетъ дотянуться до нихъ лапой, которая, кстати сказать, напоминаетъ обезьянью руку по своей гибкости.

Однажды, когда я стоялъ на краю одичавшаго фруктоваго сада, мнѣ удалось увидѣть, какъ Мувисукъ ограбилъ гнѣздо желтаго дятла. Матка вылетѣла вонъ изъ гнѣзда, какъ только Мувисукъ, цѣпляясь за кору когтями, полѣзъ на верхушку дерева, гдѣ онъ и убѣдился, что въ гнѣздѣ его ждетъ вѣрная добыча. Онъ засунулъ лапу, подцѣпилъ яйцо,

и повидимому катилъ его вверхъ, , прижавъ къ стѣнкѣ темнаго дупла. Когда яйцо уже почти дошло до самаго отверстія, онъ всунулъ въ дупло морду, чтобы посмотрѣть на добычу, и тутъ оно выскользнуло, упало назадъ въ гнѣздо и, по всей вѣроятности, разбилось. Онъ попробовалъ достать другое; это ему удалось, и онъ тутъ же съѣлъ его цѣликомъ. Онъ полѣзъ за третьимъ, но оно выскользнуло и разбилось, какъ и первое. Видимо вкусъ свѣжаго яйца раздражилъ его или, можетъ быть, желтыя полоски на когтяхъ отъ разбитыхъ яицъ навели его на счастливую мысль. Онъ изо всѣхъ силъ ударилъ лапой по оставшимся въ гнѣздѣ яйцамъ, чтобы разбить ихъ всѣ сразу, и вынулъ лапу, всю вымазанную въ желткѣ.

Чисто-начисто вылизавъ ее языкомъ, онъ снова запустилъ лапу въ желтую жижу на днѣ дупла. Теперь это было легко, и онъ продѣлывалъ эту операцію до тѣхъ поръ, пока его сырая лапка не стала вытаскивать однѣ скорлупки и кусочки гнилого дерева; тогда онъ задомъ спустился съ дерева и скрылся въ лѣсу, оставивъ бѣднаго дятла разбираться въ своемъ опустошенномъ гнѣздышкѣ.

Другой промыселъ, въ которомъ енотъ далеко превзошелъ Мувина — это рыболовство. Онъ умѣетъ вытаскивать рыбу изъ воды лапой, какъ и медвѣди, но онъ, кромѣ того, научился ихъ приманивать, когда ихъ уже нельзя найти на отмеляхъ. Часто въ сумерки мнѣ приходилось наблюдать, какъ Мувисуку сидитъ притаившись на скалѣ, или на сѣромъ бревнѣ, либо пнѣ у пруда или у рѣки, и при этомъ его тусклая окраска и сохраняемое имъ глубокое молчаніе дѣлаютъ его совершенно незамѣтнымъ, и онъ какъ бы сливается съ окружающимъ берегомъ. Это наблюдали и другіе естествоиспытатели и охотники, и ихъ показанія большею частью сходятся съ моими въ слѣдующемъ: въ это время глаза Мувисука бываютъ полузакрыты, а своими нѣжными щупальцами или усами онъ водить по поверхности воды. Находящіяся въ глубинѣ рыбы, замѣтивъ легкую рябь, которую онъ такимъ образомъ производитъ, но не видя животного, склонившагося надъ водой, и привлеченныя любопытствомъ или, вѣрнѣе, думая, что на поверхности воды играютъ насѣкомыя, всплываютъ наверхъ и тутъ попадаютъ въ лапы Мувисука.

Уже много лѣтъ тому назадъ знаменитый естествовѣдъ, докторъ Самуиль Локвудъ, въ своей лекціи впервые обратилъ вниманіе на этотъ любопытный способъ рыбной ловли. Съ тѣхъ поръ я много разъ наблюдалъ Мувисука за этимъ занятіемъ, но къ сожалѣнію, мнѣ никогда не удавалось видѣть, чтобы онъ что-нибудь поймалъ, хотя я былъ свидѣтелемъ, какъ дикая кошка очень удачно пользовалась тѣмъ же коварнымъ приемомъ для ловли рыбы.

Припоминая пристрастіе Мувисука къ рыбѣ и вспоминая тѣ мѣста, гдѣ мнѣ приходилось видѣть, какъ онъ ѣлъ рыбу, и гдѣ вода была слишкомъ глубока, чтобы ихъ можно было вытаскивать лапой обычнымъ медвѣжьимъ приемомъ, я нисколько не сомнѣваюсь, что д-ръ Локвудъ открылъ истинную причину терпѣливаго бодрствованія енота надъ прудами, изобилующими рыбой.

У енота есть одна любопытная привычка, отличающая его какъ отъ медвѣдя, такъ и отъ всѣхъ другихъ животныхъ. Это его привычка мыть или вѣрнѣе полоскать въ водѣ всякую пойманную добычу. Что бы онъ ни предназначалъ себѣ въ пищу, будь то мыши, цыплята, корни, черви, плоды — однимъ словомъ рѣшительно все, исключая рыбы, все это онъ тащитъ въ воду, если находится по близости пруда или ручья, и тщательно прополаскиваетъ прежде, чѣмъ приняться за ѣду. Для чего онъ такъ поступаетъ — тутъ уже открывается широкое поле для всякаго рода предположеній. Очевидно не изъ соображеній о чистотѣ, такъ какъ по большей части употребляемая имъ пища и безъ того чиста; очевидно и не для того, чтобы размягчить ее, потому что слизняки, напимѣръ, и безъ того

мягки, а его челюсти достаточно сильны и въ состояли раздробить самыя твердыя раковины; однако онъ полощетъ и слизняковъ, какъ и все остальное, прежде чѣмъ съѣсть.

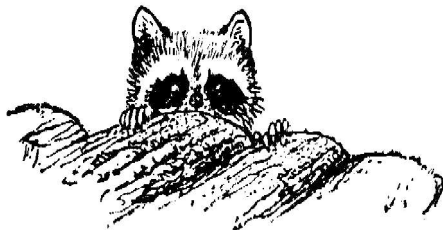

Возможно, что онъ дѣлаетъ это для того, чтобы придать съѣдобнымъ предметамъ вкусъ рыбы, до которой онъ большой охотникъ, а всего вѣроятнѣе, что привычка эта есть пережитокъ старины, въ родѣ того, какъ круженіе собакъ на одномъ мѣстѣ, прежде чѣмъ лечь, или совершенно ненужный перелетъ большинства птицъ, есть наслѣдство, оставшееся послѣ какого-нибудь исчезнуваго предка, вѣроятно имѣвшаго основаніе поступать такимъ образомъ, и жившаго на землѣ много-много лѣтъ до появленія на ней человѣка, который могъ бы наблюдать за нимъ или котораго могли бы поразить его поступки.

Въ лѣсныхъ дебряхъ Мувисукъ бываетъ робокъ и чутокъ къ опасности, какъ большинство дикихъ звѣрей, живущихъ въ глуши, но если приблизиться къ нему потихоньку, или если онъ неожиданно для себя обнаружитъ ваше присутствіе, то имъ овла-

дѣваетъ присущее лѣсному населенію любопытство и желаніе узнать, кто вы такой.

Однажды, идя по длинной дороге отъ св. Леонарда къ главному водоему Рестигута, я увидалъ Мувисука, сидѣвшаго на скалѣ у ручья и усердно полоскавшаго добычу, которую онъ только что поймалъ. Я поползъ на четверенькахъ по краю стараго моста; вдругъ бревна закрипѣли подъ моею тяжестью; Мувисукъ оторвался отъ своего занятія и увидалъ меня. Онъ тотчасъ же оставилъ свою добычу и направился по руслу ручья, частью идя по дну, частью вплавь, положилъ переднія лапы на низкій мостъ, вытянулъ свою голову надъ нимъ и сталъ пристально разсматривать меня, при чемъ морда его находилась на разстояніи всего десяти футовъ отъ меня. Черезъ нѣсколько секундъ онъ исчезъ, и я снова поползъ по краю моста, чтобы посмотреть что онъ тамъ мылъ. Легкое царапанье заставило меня обернуться, и я опять увидѣлъ его передъ собою; снова положилъ онъ лапы на противоположную сторону моста и оглядывался на странное, дотолѣ имъ невиданное человѣческое существо. Онъ прошелъ подъ мостомъ, чтобы посмотреть на меня съ другой стороны, какъ это всегда дѣлаетъ лисица, если вы ведете себя достаточно смирно. Добыча, которую онъ полоскалъ, оказалась большой лягушкой, и, спустя нѣсколько секундъ, онъ обогнулъ мостъ кругомъ, подхватилъ свою добычу и исчезъ въ лѣсу.

Близъ городовъ, гдѣ за ними очень много охотятся, Мувисукъ одичалъ, подобно лисицѣ, и научился многимъ продѣлкамъ, которыя раньше были ему совершенно незнакомы. Но даже и тутъ, если вамъ удастся наткнуться на молоденькаго енота, онъ обнаруживаетъ странную смѣлость и даже рѣдкое довѣріе къ человѣку. Однажды, въ началѣ лѣта, я увидѣлъ молодого енота у уступа скалы, устремившаго глаза на выступъ, который возвышался на нѣсколько

футовъ надъ его головой, и испускавшаго при этомъ жалобный пискъ, такъ какъ ему не удавалось туда вскарабкаться. Очевидно, онъ былъ непріятно пораженъ, что когти его не могли уцѣпиться за твердую скалу, какъ за кору родного дерева, въ которомъ онъ родился. Онъ нѣсколько не сопротивлялся, напротивъ, казалось отнесся какъ къ чему-то вполне естественному, къ тому что я взялъ его на руки и посадилъ на выступъ, который былъ причиной его жалобъ; но онъ тотчасъ же, какъ малый ребенокъ, сталъ про-

ситься внизъ и я опять удовлетворилъ его желаніе. Когда я уходилъ, онъ съ визгомъ пошелъ за мной слѣдомъ, позабывъ о своей норѣ и о своихъ товарищахъ, находившихся въ сосѣдней скалѣ, и не успокоился до тѣхъ поръ, пока я не взялъ его на руки; тогда онъ свернулся клубочкомъ и преспокойно заснулъ. Вскорѣ, однако, онъ проснулся, насторожившись и поворачивая голову, набокъ, какъ собака и прислушиваясь къ какому-то звуку, слишкомъ слабому для моихъ ушей, и сталъ тыкать меня носомъ повсюду, что-то разыскивая, подлѣзая даже подъ воротникъ, при чемъ, я испытывалъ такое ощущеніе, словно льдинка касалась моей шеи. Только залѣзши ко мнѣ подъ куртку и запустивъ свой носъ въ карманъ жилета, онъ, наконецъ, отыскалъ то, что производило слышанные имъ таинственные звуки. Это тикали мои часы, и онъ моментально вытащилъ ихъ изъ кармана и сталъ играть блестящимъ предметомъ, совершенно какъ обрадованный новой игрушкой ребенокъ. Онъ сдѣлался прелестнымъ ручнымъ звѣркомъ, смѣшнымъ и шаловливымъ проказникомъ: такъ, онъ ловилъ цыплятъ, притворившись спящимъ, когда они тянулись за крошками изъ его чашки съ кормомъ, прикидывался мертвымъ, когда его заставляли врасплохъ за какой-нибудь продѣлкой, пилъ изъ бутылки, съ удовольствіемъ сопровождалъ мальчиковъ на прогулку въ лѣсъ, гдѣ прямо бѣсился отъ восторга; но какъ только начинало темнѣть, онъ послушно возвращался съ ними домой, и кончилъ тѣмъ, что ушелъ одинъ къ своему родному дереву на зимнюю спячку — но объ этомъ я еще расскажу въ другомъ мѣстѣ.

Подобно медвѣдю, Мувисукъ миролюбивъ и занятъ исключительно своими личными дѣлами во время скитаній по лѣсамъ. Это происходитъ не отъ трусости, такъ какъ едва-ли найдется другое животное, исключая, пожалуй, невѣроятной свирѣпой росомахи, болѣе равнодушное къ опасности и идущее ей навстрѣчу съ большимъ хладнокровіемъ и мужествомъ, чѣмъ енотъ.

На одну или двухъ собакъ онъ просто не обращаетъ вниманія. Если онъ слышитъ, что онѣ идутъ за нимъ слѣдомъ, онъ обыкновенно влѣзаетъ на дерево, чтобы уйти отъ грѣха; собака, въ противоположность своему дикому собрату, волку, ужасная забіяка и должна непременно съ кѣмъ-нибудь сцѣпиться, а Мувисукъ, какъ большинство дикихъ звѣрей, миролюбивъ, охотится только, когда голоденъ, и всегда предпочитаетъ избѣжать ссоры, если это возможно. Застигнутый врасплохъ на землѣ или окруженный врагами, либо вынужденный защищаться отъ внезапнаго нападенія, онъ обыкновенно жметъ спиной къ ближайшему камню или дереву, чтобы не дать врагамъ возможности напасть на него съ тылу, и тутъ уже борется до тѣхъ поръ, пока не упадетъ мертвый, или до тѣхъ поръ, пока не останется въ живыхъ ни одного врага, и тогда онъ спокойно идетъ своей дорогой. Какъ бы ни были многочисленны враги и какъ бы жестоко онъ ни поплатился, я никогда не видалъ, чтобы енотъ растерялся и обратился въ бѣгство. Если собакъ очень много, и онъ находится недалеко отъ рѣки или пруда, онъ старается завести ихъ въ самую глубину, гдѣ чувствуетъ

себя въ безопасности. Если собакъ очень много, и онъ находится недалеко отъ рѣки или пруда, онъ старается завести ихъ въ самую глубину, гдѣ чувствуетъ

себя, какъ дома; плавая быстрыми кругами, онъ сражается съ каждой изъ нихъ поочередно и съ большимъ эффектомъ дѣлаетъ ихъ неспособными къ борьбѣ одну за другой. Въ этомъ случаѣ его приемы приблизительно всѣгда одни и тѣ же. Онъ неожиданно набрасывается на намѣченную имъ собаку, хватаетъ ее за шею одной лапой, а самъ впивается ей въ голову своими сильными зубами, царапая ей въ то же время глаза когтями другой свободной лапы, а потомъ наваливается всей тяжестью на голову собаки, стараясь потопить ее и тѣмъ самымъ отбивая у нея дальнѣйшую охоту драться. Этого бываетъ обыкновенно достаточно для собаки, и Мувисукъ, не получивъ ни царапины, совершенно хладнокровно, нисколько не волнуясь, съ быстротой молніи бросается на слѣдующаго врага.

Къ счастью такія тяжелыя минуты очень рѣдки въ жизни Мувисука, и енотъ, обитающій въ глуши, почти не знаетъ подобныхъ тревоженій. Обыкновенно жизнь его отъ начала до конца течетъ мирно и спокойно и проходитъ главнымъ образомъ между вкусной ѣдой, сномъ, игрой и все возрастающимъ знакомствомъ съ лѣсомъ и изученіемъ его. Онъ рождается весной крошечнымъ, слѣпымъ, голенькимъ звѣркомъ, похожимъ на крота или на медвѣженка. Подрастая, онъ начинаетъ лазать, пробираться къ отверстію своего логовища и сидитъ тамъ, какъ у окошечка, цѣлыми часами подъ рядъ, едва высунувъ изъ него голову; виднѣется только кончикъ носа да быстрые глазенки, которые выглядываютъ на свѣтъ Божій, на новый для него, шумный, радостный лѣсной міръ, и, утомившись, сонно шуряются подъ ослѣпительнымъ трепетомъ солнечныхъ лучей. Потомъ начинаются длинныя прогулки съ матерью, сначала днемъ, когда всѣ хищные звѣри отдыхаютъ, затѣмъ въ сумерки, и наконецъ предпринимаются длинныя ночныя странствованія, во время которыхъ онъ, слѣдуя за вожакомъ, пріобрѣтаетъ тысячу полезныхъ свѣдѣній, необходимыхъ каждому еноту, а именно: всегда ходитъ по однимъ и тѣмъ же тропинкамъ, пока лѣсъ не будетъ основательно изученъ; совать свой любопытный носъ во всѣ трещины и щели, такъ какъ именно въ такихъ мѣстахъ можно найти самые лакомые кусочки, необходимые ему для пропитанія; умѣть вздремнуть почти на ходу, въ случаѣ сильнаго утомленія, повернувъ голову, чтобы скрыть свою ярко окрашенную мордочку и сдѣлаться совершенно незамѣтнымъ, какъ бы частью скалы или поросшаго мохомъ пня; прыгать съ вершины самыхъ высокихъ деревьевъ, не причиняя себѣ вреда при этомъ; занимая логовище въ землѣ или въ скалахъ, всегда имѣть въ немъ выходъ на извѣстномъ разстояніи отъ входа, и ни при какихъ обстоятельствахъ не входить въ нору иначе, какъ черезъ главный ходъ. Въ этой послѣдней привычкѣ заключается великая мудрость. Когда собака находитъ отверстіе съ ведущимъ изъ него слѣдомъ, она оставляетъ его, зная, что бесполезно лаять и гнать оттуда звѣря, но если она наткнется на входъ, съ ведущимъ въ него слѣдомъ, она непременно подумаетъ, что добыча находится въ логовищѣ и принимается визжать и рыть землю, по своей глупости не соображая, что можетъ быть и другой выходъ изъ логовища. А въ то время, какъ она подкапывается и поднимаетъ неимоверный гвалтъ, нарушающій лѣсную тишину, Мувисукъ или стережетъ внутри норы, поджидая удобнаго случая отгрызть собакѣ носъ, или раздавить ей лапу, или преспокойно прокрадывается вонъ заднимъ ходомъ вмѣстѣ съ дѣтенышами и уводитъ ихъ къ какому-нибудь старому дуплистому дереву, гдѣ они могутъ мирно и безбоязненно спать, пока собака не уйдетъ.

Къ тому времени, какъ выпадаетъ первый снѣгъ, маленькіе еноты уже дѣлаются настолько взрослыми и сильными, что могутъ сами о себѣ заботиться, и тогда, опять-таки подобно медвѣдю, они спасаются отъ зимняго холода и голода, заваливаясь спать на четыре или на пять мѣсяцевъ въ своей теплой берлогѣ, которую они себѣ позаботились выбрать во время своихъ лѣтнихъ скитаній. Они бываютъ хорошо упитаны и жирны, когда готовятся къ долгому зимнему сну, удобно свертываясь клубочкомъ и прикрывая свои чувствительные носы пушистыми, окаймленными темными кольцами хво-

стами; просыпаясь на время, они въ полудремотѣ сосутъ свои лапы, пока снова не заснутъ, такъ что лапы ихъ, подобно медвѣжьимъ, становятся очень нѣжными и чувствительными, когда они весною выходятъ изъ логовищъ.

Часто случается, что молодые еноты изъ одного и того же семейства спятъ всѣ вмѣстѣ въ одной берлогѣ. Старыя самцы предпочитаютъ помѣщаться особнякомъ, въ одиночку, и ихъ всегда легко отыскать; зато самка енота, какъ и медвѣдица, принимаетъ всѣ мѣры, чтобы укрыться въ такія мѣста, гдѣ она спокойно можетъ выводить своихъ дѣтенышей и гдѣ никто не можетъ ихъ отыскать.

Эти зимнія жилища наводятъ на мысль объ одной любопытной привычкѣ енота, которой еще никто до сихъ поръ не могъ удовлетворительно объяснить и которая и для меня представляется загадкой. Иногда въ зимніе дни помягче и теплѣ Мувисуку просыпается отъ долгаго сна и выходитъ побродить на свѣтъ Божій. Случается, что вамъ удастся итти по его слѣдамъ на протяженіи многихъ миль по лѣсамъ, не замѣчая, однако, чтобы онъ куда-нибудь отправлялся съ опредѣленной цѣлью или вообще, что-либо предпринималъ; лично я никогда не могъ удостовѣриться, питается ли онъ чѣмъ-либо въ продолженіи этихъ прогулокъ. Иногда, на далекомъ разстояніи отъ берлоги, слѣдъ его сворачиваетъ въ сторону и ведетъ прямо къ пустому дереву, гдѣ зимуютъ другіе еноты. Возможно, что это его собственная семья, имѣющая отдѣльное жилище, и онъ приходитъ ее навѣстить и узнать, все ли обстоитъ благополучно. Иногда изъ такого логовища присоединяется къ нему другой енотъ, и ихъ слѣды идутъ рядомъ на протяженіи нѣсколькихъ миль; но чаще онъ выходитъ оттуда одинъ, и вы можете убѣдиться, что онъ навѣщалъ еще другихъ енотовъ или укладывался спать въ чужомъ дуплистомъ деревѣ или же, сдѣлавъ огромный кругъ, снова возвращался къ своему первоначальному жилищу, чтобы заснуть въ немъ вплоть до того времени, когда его разбудятъ весеннее солнце и любовныя пѣсенки лѣсныхъ птичекъ. Все это можетъ быть просто свидѣтельствомъ объ общительности Мувисука, и во всякомъ случаѣ это не то время, когда онъ ищетъ себѣ подругу и обзаводится семьей. Какъ я уже сказалъ, нерѣдко случается, что трое или четверо молодыхъ енотовъ зимуютъ въ одной берлогѣ, но бываетъ и такъ, что два или три старыхъ енота проводятъ зиму въ одномъ и томъ же деревѣ. Въ противоположность многимъ другимъ животнымъ енотъ въ отношеніи своего жилища строго соблюдаетъ законъ гостепріимства, и одинокій старикъ, предпочитающій жить отдѣльно, никогда однако не отказывается подѣлиться своимъ зимнимъ пріютомъ съ другими енотами, которые почему-либо лишились удобнаго пристанища; это несомнѣнный фактъ, несмотря на то, что есть много другихъ дуплистыхъ деревьевъ, которыя, повидимому, принадлежатъ цѣлому племени енотовъ вообще, такъ какъ они свободно посѣщаются и занимаются любымъ прохожимъ енотомъ.

Эта любовь къ своей породѣ проявляется еще и по-другому и заставляетъ удивляться и осхищаться Мувисукомъ каждый разъ, когда приходится сталкиваться съ подобнымъ явленіемъ. Онъ всегда спѣшитъ встрѣтиться лицомъ къ лицу съ опасностью или даже съ самою смертью, лишь только раздастся крикъ о помощи со стороны его собратьевъ. Мнѣ нѣсколько разъ приходилось быть свидѣтелемъ такого рода любви къ ближнему, а одинъ разъ оно даже придало особый интересъ и возбужденіе одной ночной охотѣ, имѣвшей неожиданныя послѣдствія. Это было около полуночи, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ концѣ охотничьяго сезона. Собаки выслѣдили скрывшагося въ дуплѣ енота, и съ помощью ярко горѣвшаго костра изъ сухихъ прутьевъ мы пытались "освѣтить ему глаза", то-есть точно

опредѣлить его мѣстонахождение на вершинѣ дерева, благодаря яркому блеску его глазъ, отражающихъ свѣтъ костра. Наконецъ, мы разглядѣли звѣря, и одинъ изъ охотниковъ полѣзъ на дерево и старался спихнуть оттуда енота, толкая его длиннымъ, толстымъ шестомъ. Въмѣсто того, чтобы сдѣлать то, чего мы отъ него ожидали, Мувисукъ, какъ всегда хладнокровный предъ лицомъ опасности, быстро поползъ вдоль ствола дерева, оскаливъ зубы и испуская злобное рычаніе, съ очевиднымъ намѣреніемъ защищаться во чтобы то ни стало. Охотникъ бросилъ дубину, вынулъ изъ кармана револьверъ и выстрѣлилъ въ енота, который въ дикой ярости вдругъ обернулся и спрыгнулъ на неистово завывавшихъ внизу собакъ съ высоты сорока футовъ. Въ одно мгновеніе между ними завязалась страшная борьба. Мувисукъ, прижавшись спиной къ дереву, быстро и хладнокровно отгрызвался и осыпалъ собакъ непрерывными ударами когтей, что отняло мужество у большей половины его противниковъ. Одной собакѣ онъ искалѣчилъ самую середку ея чувствительнаго носа, другая съ визгомъ отступала назадъ, почти ослѣпнувъ отъ удара лапой по обоимъ глазамъ, нанесеннымъ ей Мувисукомъ съ быстротой молніи. Но все же собаки были слишкомъ многочисленны даже и для такого храбраго бойца: онѣ нападали на Мувисука съ обѣихъ сторонъ; два громадныхъ пса растянули его по землѣ. И тогда, видя, что дѣло почти проиграно, онъ повернулъ голову и внезапно испустилъ громкій вопль, призывъ на помощь, рѣзко отличавшійся отъ его скрипучаго боевого рычанія. Съ быстротой молніи второй молодой енотъ появился на полѣ битвы, спрыгнувъ съ вершины дерева и бросился между дравшимися, кусаясь и царапаясь, какъ разъяренный бѣсъ и при этомъ испуская пронзительный боевой кличъ.

Вплоть до этой минуты никто изъ насъ не подозрѣвалъ, чтобы гдѣ-нибудь по близости находился другой енотъ. Въ продолженіе всей свалки онъ сидѣлъ, притаившись въ вѣтвяхъ на самой верхушкѣ дерева, пока не раздался явный крикъ о помощи, и тутъ онъ совершенно забылъ о себѣ и ринулся внизъ, какъ настоящій герой.

Мы еще не успѣли разобраться, въ чемъ дѣло, какъ молодой енотъ бросился на собаку, державшую за шиворотъ его товарища, и, сдавивъ ея лапу въ своихъ сильныхъ челюстяхъ, въ одно мгновеніе раздробилъ ей кость. Тогда енотъ покрупнѣе вскочилъ на ноги и снова сталъ защищаться, но уже совсѣмъ слабо. Но тутъ борьба приняла странный и неожиданный оборотъ. При появленіи такого необыкновеннаго героизма, я бросился впередъ съ цѣлью вмѣшаться, но тотчасъ же подался назадъ, вспомнивъ, что принимаю участіе въ охотѣ въ качествѣ гостя и нахожусь здѣсь благодаря любезности хозяевъ. Рядомъ со мной стоялъ высокій охотникъ, владѣлецъ нѣкоторыхъ изъ собакъ; на лицѣ его при свѣтѣ костра пробѣгали какія-то странныя судороги. Онъ быстро бросился къ дерущимся, размахивая дубиной, но потомъ остановился, какъ бы стыдясь проявить слабость во время охоты на енота. — Спасите его, — шепнулъ я ему на ухо, — этотъ молодчикъ заслужилъ право на жизнь; — тутъ онъ снова бросился впередъ. — Оттащите прочь собакъ, — заоралъ онъ громовымъ голосомъ, въ то же время оттаскивая своихъ псовъ. Всѣ поняли. Раздался дикій крикъ, исполненный какого-то трогательнаго волненія, отъ котораго у всѣхъ по спинѣ пробѣжала дрожь. Собакъ оттащили, схвативъ ихъ за хвостъ и за ноги, при чемъ онѣ выли и сопротивлялись, негодуя на такое оскорбленіе; а маленькій енотъ, прижавшись спиной къ скалѣ, съ глазами, горѣвшими, какъ два раскаленныхъ угля, сморщилъ носъ, какъ настоящій волкъ, и рычалъ, щелкая зуба-

два раскаленныхъ угля, сморщилъ носъ, какъ настоящій волкъ, и рычалъ, щелкая зуба-

ми, словно бросая вызовъ всей разъяренной, бѣшено лающей стаѣ. И такъ онъ и остался, пока я не взялъ шесть и среди общаго смѣха и рукоплесканій не прогналъ его въ дупло дерева, гдѣ собаки уже не могли его достать, при чемъ онъ не переставалъ отчаянно огрызаться.

Это произошло очень далеко отъ той мѣстности, гдѣ жилъ мой первый знакомый Младшій Братецъ Медвѣдя, и много лѣтъ прошло со времени моего посѣщенія скалистыхъ уступовъ у старой, построенной бобрами плотины. Какъ-то разъ мнѣ случилось

возвратиться къ этому мѣсту, я быстро свернулъ на старую лѣсную дорогу, на которой каждый поворотъ, каждый камень, каждый пенъ были полны для меня пріятныхъ воспоминаній. Вотъ здѣсь токовали тетерева, и на концѣ лежавшаго тутъ бревна сохранились слѣды, ясно говорившіе мнѣ, что и теперь тутъ

иногда раздается глухой шелестъ ихъ крыльевъ. Вотъ разсѣлина въ скалѣ, черезъ которую спасалась бѣгствомъ лисица, и зацѣпившійся за неровный камень завитой желтый волосъ, безмолвно свидѣтельствуешь объ этомъ. Тутъ сосны росли очень густо, но теперь онѣ всѣ вырублены, и молодая поросль, долгіе годы подъ кровомъ ихъ тѣни дожидавшаяся солнечнаго свѣта,—теперь поднималась вверхъ сильнымъ порывомъ молодой здоровой жизни. Вотъ и то мѣсто, гдѣ дорога изгибалась, словно для того, чтобы еще разъ оглянуться на хорошенькій уголокъ, гдѣ жили робкія дѣти, съ которыми я когда-то подружился.

Ихъ никого больше не было, и маленький домикъ подъ обрывомъ осиротѣлъ. Въ одной изъ полуразваленныхъ покосившихся комнатъ я нашелъ сдѣланную изъ тряпокъ куклу, валявшуюся у давно не топившагося очага, и еще нѣсколько убогихъ игрушекъ на полкѣ близъ разбитаго окна. Во всемъ одинокомъ, покинутомъ домѣ это были единственные предметы, вызывавшіе тѣнь оживленія на лицо посѣтителя и слезы на глаза его. Все остальное говорило о разрушеніи и упадкѣ; но эти бѣдныя игрушки, до которыхъ когда-то касались маленькія ручки, хватали васъ прямо за сердце своимъ вѣчнымъ напоминаніемъ о жизни, невинности и о дѣтствѣ, которое во всей вселенной всегда останется неизмѣннымъ. Я нѣжно отеръ съ нихъ пыль носовымъ платкомъ, поставилъ ихъ на мѣсто и тихо вышелъ на тропинку, ведущую къ другому домику, гдѣ нѣкогда жилъ Младшій Братецъ Медвѣдя.

И тутъ все измѣнилось. Плотина, выстроенная бобрами, которую время покрыло новою растительностью, сохранилась въ цѣлости, но лѣсъ вокругъ былъ вырубленъ, а прудъ высохъ, такъ что и дикая утка уже не находила въ немъ пріюта. Обрывы уже не были

такъ зелены, потому что жаркіе лучи солнца спалили покрывавшіе ихъ мхи и папоротники, когда были вырублены большія деревья, служившія имъ защитой; пѣснь ручейка, хотя и сейчасъ еще веселая, была еле слышна, такъ какъ онъ теперь еле струился; долина, по которой раньше онъ бурно несся внизъ—сохранила зелень лишь благодаря тому, что ея

почва была очень неплодородна и на ней росли лишь кусты и первоцвѣты, и потому дровосѣки пощадили ее.

Старое дерево, нѣкогда служившее жилищемъ еноту, свалилось. Когда оно лишилось поддержки своихъ товарищей, оно уже не въ силахъ было стоять и упало при первой же бурѣ. Былые слѣды острыхъ когтей Мувисука покрылись мохомъ и лишаями. Отъ этого разореннаго жилища я направился къ берлогу въ скалахъ, той же тропинкой, по которой ходили еноты. Видно было, что здѣсь побывали охотники: входъ въ логовище былъ раскрытъ настежь, охранявшіе отверстіе камни сдвинуты въ сторону, а внутри оно было наполнено прошлогодними листьями.

Когда я сталъ съ грустью ихъ разметать, желая видѣть, что сдѣлалось съ бѣднымъ пріютомъ, я наткнулся рукой на что-то твердое, лежавшее въ темномъ углу пещеры, и вынесъ его на свѣтъ. Это былъ маленькій крючковатый сучекъ, сдѣлавшійся совсѣмъ гладкимъ отъ частаго употребленія, та самая игрушка, которую я нашелъ въ первые дни нашего знакомства, а теперь послѣдняя память о жилищѣ, гдѣ Младшіе Братья Медвѣдя нѣкогда счастливо жили и весело играли.

ОТШЕЛЬНИКЪ ВИТУВИКЪ

Витувикъ — вальдшнепъ, самый странный отшельникъ среди всѣхъ лѣсныхъ обитателей, — необыкновенно таинственная птица. Одни охотники кое-что знаютъ о немъ, и то ихъ познанія ограничиваются тѣмъ, что они видятъ красивую птицу, которая съ удивленнымъ чирканіемъ взлетаетъ къ вершинамъ ольхи, испугнутая собакой, и на секунду присаживается на дерево, трепеща крыльями и готовясь улетѣть и лишь соображая, куда направить свой полетъ; тутъ-то, какъ разъ въ моментъ своего высшего паренія, вальдшнепъ или падаетъ мертвымъ на землю отъ выстрѣла, разрывающаго покровъ пріютившихъ его листьевъ, или же по счастливой случайности быстро скрывается въ другое укромное мѣстечко между ольхами.

Охотникамъ, которые въ сущности являются его единственными знакомцами среди людей, онъ просто представляется хорошей дичью, и они больше всего заинтересованы въ его смерти. Онъ скрываетъ отъ нихъ, какъ и отъ другихъ, впрочемъ, подробности своей повседневной жизни въ лѣсной глуши, гдѣ онъ проводитъ весь солнечный день, и уже тихими сумерками, какъ сова, вылетаетъ оттуда послѣ долгаго

дневного отдыха. Изъ сотни фермеровъ, на чьихъ владѣніяхъ по моимъ наблюденіямъ постоянно кормился Витувикъ и гдѣ мнѣ часто приходилось его встрѣчать, самое большее пятеро знали по личному опыту о существовании этой птицы,— такъ хорошо онъ умѣетъ вести уединенную и тайную жизнь подъ самымъ ихъ носомъ.

На это у него много причинъ. Днемъ онъ сидитъ на землѣ въ какой-нибудь темной крохотной норкѣ у бураго пня, одного цвѣта съ его перьями, либо въ кучѣ сухихъ листьевъ, либо въ частомъ кустарникѣ, гдѣ нѣтъ никакой возможности его увидѣть. Въ такихъ случаяхъ его неожиданная смѣлость по отношенію къ человѣку и помогаетъ ему скрываться, такъ какъ онъ подпускаетъ васъ на разстояніе всего нѣсколькихъ футовъ и при этомъ остается совершенно неподвижнымъ. Отчасти это происходитъ оттого, что онъ днемъ плохо видитъ и, можетъ быть, поэтому не сознаетъ вашей непосредственной близости, а можетъ быть ему извѣстно, что благодаря своей неяркой окраскѣ, онъ такъ хорошо сливается со всѣми окружающими предметами, что вы его ни за что не узнаете, какъ бы близко вы къ нему ни подошли. Эта увѣренность имѣетъ свои основанія, такъ какъ я однажды видѣлъ, какъ человѣкъ перешагнулъ черезъ самку вальдшнепа, сидѣвшую на яйцахъ въ гнѣздѣ, свитомъ между корнями стараго пня, не замѣтивъ ея при этомъ, а она даже и не пошевелила концомъ своего длиннаго носа, въ то время какъ онъ проходилъ. Поздними сумерками, когда вальдшнепы вылетаютъ изъ лѣсной чащи, вы видите не больше какъ тѣнь, быстро мелькающую по клочку яснаго неба — это Витувикъ летать за кормомъ на лужайку, къ ручейку; или же вы слышите шорохъ сухихъ листьевъ въ ольховникѣ и слабый „пі...юнкъ", похожій на дикій голосъ ночного сокола, и тогда вы смутно различаете стелющуюся по землѣ тѣнь или слышите заплетающійся, сходный съ полетомъ летучей мыши, шелестъ крыльевъ, если вы подойдете ближе, чтобы разслѣдовать въ чемъ дѣло. При такихъ условіяхъ неудивительно, что Витувикъ проводитъ лѣто и выводитъ цѣлую кучу пушистыхъ невидимокъ-птенцовъ въ лѣсномъ участкѣ фермера, который и не подозреваетъ его присутствія на своихъ владѣніяхъ.

Мое личное знакомство съ Витувикомъ началось еще въ дѣтствѣ, когда я не зналъ, какъ зовутъ странную птицу, за которой наблюдалъ цѣлыми днями, и когда тѣ, къ кому я обращался за свѣдѣніями, смѣялись надъ моимъ описаніемъ вальдшнепа и говорили, что такой птицы не существуетъ на свѣтѣ. Это было какъ разъ за луговиной на вышкѣ, гдѣ жила знаменитая куропатка у стараго бука. Здѣсь по сѣверному скату росли темныя кленовыя рощи, въ которыхъ стояла постоянная сырость, а за ними шель спускъ, поросшій ольхой и мелкимъ кустарникомъ, къ маленькой дикой лужайкѣ, гдѣ у ручья росли буквицы. Однажды въ апрѣлѣ, пробираясь по кленовой рощѣ, я остановился, увидѣвъ что-то блестящее какъ алмазъ, у себя подъ ногами. Это былъ глазъ - глазъ птицы; но прошло нѣсколько секундъ, прежде чѣмъ я сообразилъ, что это была действительно птица, сидѣвшая въ гнѣздѣ между расколовшимися кусками стараго дерева, сваливагося много лѣтъ тому назадъ.

Я осторожно попятился назадъ и всталъ на колѣни, чтобы рассмотреть необычайную находку. Клювъ у птицы былъ необыкновенно длинный и прямой, а глаза разставлены очень широко, почти совсѣмъ къ задней части головы — это было первое, что я замѣтилъ. Какая-то бродившая здѣсь лошадь случайно ступила копытомъ на сухой сгнившій пенъ и продавила въ немъ дыру. Въ это углубленіе было положено нѣсколько листьевъ и бурыхъ травяныхъ стеблей — довольно безпорядочно устроенное гнѣздо, прекрасно исполнявшее, однако, свое назначеніе, такъ какъ оно настолько хорошо скрывало сидящую на яйцахъ матку, что можно было наступить на пенъ, совершенно не подозревая ни присутствія птицы, ни гнѣзда въ этомъ мѣстѣ. Вотъ что, полный удивленія, я замѣтилъ во-вторыхъ, уже разглядѣвъ мягкія очертанія птицы, сидѣвшей не больше, какъ въ десяти футахъ отъ моего лица, и при этомъ не испытывавшей, повидимому, ни малѣйшаго страха.

Я потихоньку ушелъ, не побеспокоивъ ея въ этотъ день, и отлично помню, что, уходя, я унесъ съ собой чувство не то удивленія, не то страха, которое естественно испытываетъ ребенокъ, сталкиваясь съ незнакомымъ ему дикимъ существомъ. Что она оставалась такой неподвижной и безстрашной въ моемъ присутствіи, въ глазахъ ребенка являлось несомнѣннымъ доказательствомъ, что она имѣла какія-то тайныя орудія защиты— можетъ быть, длинный клювъ, или скрытое жало, съ которыми шутить было опасно. Все это представляется теперь для меня очень страннымъ и далекимъ, но тогда эти соображенія казались вполне правдоподобными маленькому мальчику, который очутился одинъ-одинешенекъ въ темномъ лѣсу и встрѣтилъ въ первый разъ въ жизни большую птицу съ удивительно длиннымъ носомъ и съ глазами, посаженными совсѣмъ не на мѣстѣ — почти на затылкѣ; птицу, которая при этомъ не обнаружила ни малѣйшаго страха и повидимому могла хорошо защищаться. Въ виду всего этого я потихоньку ушелъ, не переставая ломать себѣ голову надъ своей находкой.

На слѣдующій день я вернулся къ тому же мѣсту. Странная птица попрежнему сидѣла у себя въ гнѣздѣ, ея длинный носъ покоился на краю углубленія, и на первый взглядъ его можно было принять за древесный сучокъ. Она не выказывала ни малѣйшаго страха; ободренный ея спокойнымъ и довѣрчивымъ видомъ, я подползалъ къ ней все ближе и ближе, пока не коснулся наконецъ ея клюва и осторожно не повернулъ его набокъ. Въ отвѣтъ она нетерпѣливо тряхнула имъ, и я сдѣлалъ наблюденіе, только недавно подтвержденное натуралистами, именно, что кончикъ клюва гибокъ и почти такъ же подвиженъ, какъ кончикъ пальца у человѣка; очевидно, онъ даетъ возможность доставать глубоко лежащую въ землѣ пищу и вытаскивать ее оттуда. При этомъ птица издала странный шипящій звукъ, испугавшій меня и заставившій вспомнить о змѣяхъ и скрытыхъ жалахъ, такъ что я подался назадъ и сталъ наблюдать за ней съ почтительнаго разстоянія. Она сидѣла почти совершенно неподвижно, поворачивая лишь время отъ времени свой длинный носъ въ сторону, — это было ея единственнымъ движеніемъ.

Когда она довольно долго просидѣла такъ въ полномъ спокойствіи, я опять повернулъ ей голову вбокъ, и она къ великому моему удивленно и восторгу нисколько не противилась этому, но оставила свою голову въ томъ положеніи, какъ я ее повернулъ, а потомъ безпрекословно дала мнѣ повернуть носъ въ прежнее положеніе. Послѣ перваго знакомства она, казалось, вполне уяснила себѣ положеніе вещей, и ее нисколько не тревожило сосѣдство удивленно наблюдавшаго за ней ребенка, не имѣвшаго намѣренія причинить вреда ни ей, ни ея гнѣзду.

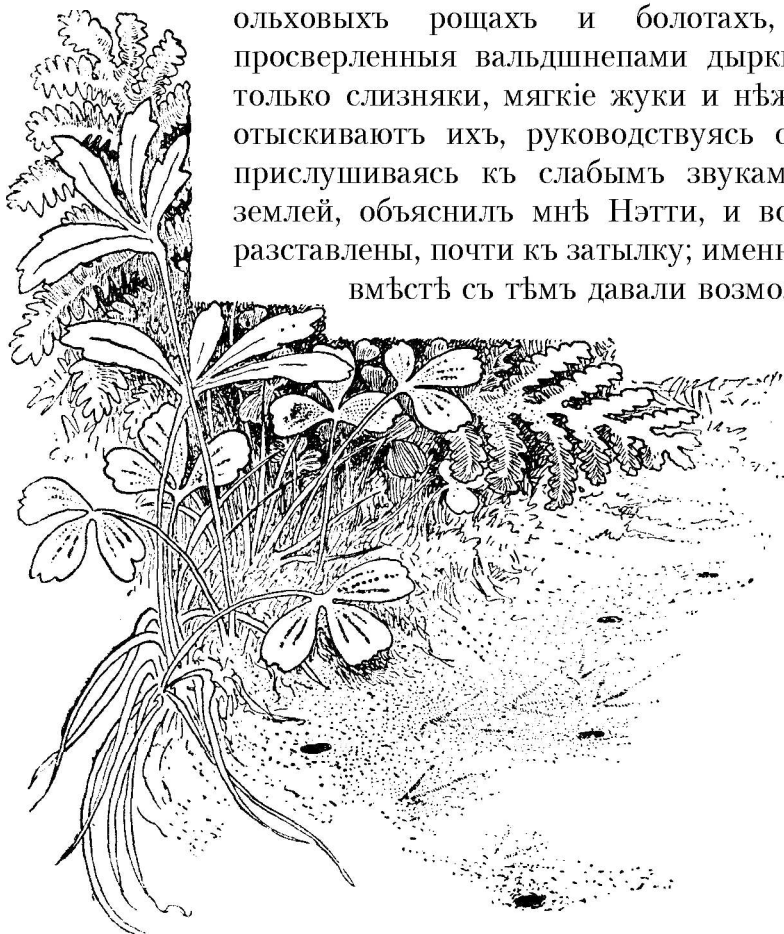
Всѣ такъ смѣялись надъ моимъ описаніемъ бурой птицы съ длиннымъ носомъ и глазами на затылкѣ, которая, сидя въ гнѣздѣ, позволяла себя трогать, что я больше ничего не сталъ рассказывать домашнимъ, а при первомъ случаѣ разыскать Нэтти Дингля и сообщить ему о своей находкѣ. Нэтти былъ кроткій, безобидный, непредусмотрительный человѣкъ, никогда не хотѣлъ исполнять тяжелой работы за плату — онъ говорилъ, что у него отъ нея поднимается ломота въ спинѣ, — но зато всегда охотно рисковавшій своей жизнью, чтобы наловить рыбы зимой изъ проруби или чтобы услужить сосѣду. Онъ добывалъ себе пропитаніе охотой, рыбной ловлей, а также ловлей звѣрей и птицъ въ силки и западни, кромѣ того онъ лѣтомъ собиралъ ягоды, весной — одуванчики и буковки, благодушно разнося ихъ изъ дома въ домъ по сосѣдямъ. Въ хорошую погоду онъ большую часть времени проводилъ бродя по лѣсамъ или лежа на спинѣ на берегу озера, поросшемъ густымъ лѣсомъ, лѣниво выуживая рыбу и ловя ее въ такихъ мѣстахъ, гдѣ она другимъ никогда не давалась; либо выслѣживалъ логовище выдры на рѣкѣ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ никто и не видывалъ выдры за цѣлыхъ сорокъ лѣтъ. Онъ зналъ все, что дѣлалось въ лѣсу, зналъ каждую птицу, cadaго звѣря, каждое растеніе; по крайней мѣрѣ, одинъ, близко знакомый мнѣ мальчикъ предпочелъ бы пойти съ нимъ удить рыбу на цѣлый день, чѣмъ смотрѣть выѣздъ президента или отправиться въ циркъ. Въ противо-

положность другимъ Нэтти не только не смѣлся надъ моимъ описаніемъ, а напротивъ, терпѣливо меня выслушалъ и сказалъ, что я нашелъ гнѣздо вальдшнепа, — большую рѣдкость, такъ какъ, хотя онъ и много бродилъ по лѣсамъ и стрѣлялъ этихъ птицъ сотнями во время охоты, но никогда еще ему не приходилось наткнуться на гнѣздо. На слѣдующій день онъ отправился вмѣстѣ со мной поглядѣть на яйца, какъ онъ выразился, но, какъ я теперь думаю, скорѣе съ цѣлью вполне точно опредѣлить мѣстонахождение выводка къ предстоящей августовской охотѣ. Когда мы огибали край упавшаго пня, вальдшнепъ при видѣ незнакомца утратилъ свою довѣрчивость и, безшумно поднявшись, улетѣлъ подъ кровъ листьевъ. Тогда мы увидѣли четыре яичка, очень толстыхъ съ одного конца и сильно заостренными съ другого; они были крапчатые и очень красиво окрашены.

Нэтти, большой умница въ своемъ родѣ, только взглянулъ на гнѣздо и тотчасъ же велѣлъ мнѣ спрятаться вмѣстѣ съ нимъ; не успѣли мы оглянуться и даже замѣтить полета, какъ вальдшнепъ-матка уже снова сидѣла на яйцахъ. Тогда Нэтти, несовсѣмъ довѣрчиво отнесшійся къ одной части моего разсказа, шепнулъ мнѣ, чтобы я къ ней приблизился, и птица, дѣйствительно, даже не шелохнулась, когда я подползъ къ ней на четверенькахъ и дотронулся до нея, какъ и прежде.

Нѣсколько минутъ спустя мы потихоньку удалились, и Нэтти взялъ меня съ собой въ болото, чтобы показать мнѣ просверленные въ землѣ дырочки, рассказывая мнѣ по дорогѣ о нравахъ и привычкахъ вальдшнепа, примѣченныхъ имъ во время осенней охоты. Тамъ, гдѣ почва была достаточно мягка, мы нашли очень много пробуравленныхъ дырокъ, имѣвшихъ видъ отверстій, сдѣланныхъ воткнутымъ въ землю карандашомъ, словно вальдшнепъ зондировалъ землю своимъ длиннымъ клювомъ. Онъ охотился за земляными червями, пояснилъ мнѣ Нэтти; но говоря такъ, онъ впадалъ въ то же странное заблужденіе, какъ и многіе, писавшіе о птицахъ, потому что въ дѣйственныхъ ольховыхъ рощахъ и болотахъ, гдѣ такъ часто встрѣчаются просверленные вальдшнепами дырки, нѣтъ земляныхъ червей, а есть только слизняки, мягкіе жуки и нѣжныя бѣлыя личинки. Вальдшнепы отыскиваютъ ихъ, руководствуясь обоняніемъ и осязаніемъ, а также прислушиваясь къ слабымъ звукамъ, производимымъ червями подъ землей, объяснилъ мнѣ Нэтти, и вотъ почему глаза ихъ такъ далеко разставлены, почти къ затылку; именно для того, чтобы они не мѣшали, и вмѣстѣ съ тѣмъ давали возможность слѣдить, нѣтъ ли опасности

надъ головой и позади, въ то время какъ носъ вальдшнепа глубоко погруженъ въ землю. И этимъ объясняется такая гибкость его клюва, потому что, когда птица сверлитъ имъ землю и не можетъ точно опредѣлить, съ помощью слуха, гдѣ находится добыча, то чувствительный кончикъ клюва ощупываетъ кругомъ землю, совсѣмъ какъ палецъ, пока, наконецъ, не найдетъ и не схватитъ добычи. Все это и еще многое другое разсказалъ онъ мнѣ, пока мы разыскивали по болоту слѣды матки-вальдшнепа; наконецъ мы

отправились домой, потому что уже наступили сумерки. Часть его сообщеній была вѣрна, часть ошибочна, а многіе рассказы представляли курьезное смѣщеніе правильныхъ и точныхъ свѣдѣній съ фантастическими народными преданьями, почерпнутыми изъ невѣдомаго источника; онѣ и въ наше время принимаются за достовѣрныя свѣдѣнія о птицахъ и животныхъ почти во всѣхъ деревенскихъ уголкахъ, и для ребенка представляютъ наибольшую занимательность. Мальчикъ съ благоговѣніемъ слушалъ эти рассказы, какъ набожный человѣкъ внимаетъ какому-нибудь грандіозному духовному концерту, запоминалъ ихъ, а потомъ уже пересматривалъ ихъ и уже самостоятельно выбиралъ изъ нихъ то, что ему казалось вѣрнымъ.

Когда, нѣсколько дней спустя, я вернулся къ тому же мѣсту, гнѣздо уже опустѣло. Нѣсколько разбросанныхъ вокругъ скорлупокъ рассказали мнѣ о случившемся и указали на то, что мнѣ нужно отправиться на поиски за маленькими вальдшнепами, которыхъ почти нѣтъ никакой возможности найти, если сама мать не укажетъ вамъ, гдѣ они находятся. Недѣлю спустя, пробираясь по краю болота, я вдругъ увидѣлъ какъ листья у меня подъ ногами закружились, завертѣлись и поднялись кверху, словно маленькій бурый смерчъ. Одновременно съ этимъ я увидалъ, какъ по землѣ тревожно перепархивала самка вальдшнепа, клохча и волоча то крыло, то лапку, точно раненая. Разумѣется я пошелъ за ней, чтобы узнать въ чемъ дѣло, совершенно забывъ о куропаткѣ, когда-то сыгравшей со мной ту же самую штуку, съ цѣлью отвлечь мое вниманіе отъ своихъ птенцовъ. Какъ только она увела меня достаточно далеко, всѣ ея поврежденія исчезли словно по мановенію волшебнаго жезла; она взвилась вверхъ на сильныхъ крыльяхъ, понеслась надъ болотомъ и быстрыми кругами стала опускаться на то мѣсто, гдѣ я ее спугнулъ. Но я не могъ найти ни одного птенца, хотя усердно искалъ ихъ въ продолженіе цѣлаго полудня; ихъ, по всей вѣроятности, было четверо, и они навѣрное были спрятаны въ листьяхъ и травяныхъ стебляхъ, подъ самымъ носомъ у меня.

Чудесные рассказы, почерпнутые изъ запаса Нэтти Дингля и пробуравленные дырки на болотѣ, надѣлали мнѣ хлопотъ нѣсколько недѣль спустя, и вовлекли меня въ одно непріятное столкновеніе. Неподалеку отъ насъ жилъ мальчикъ, будущій натуралистъ, имѣвшій большого желтаго кота, котораго дома звали Блинкомъ.

Этотъ Блинкъ былъ удивительно странный, старый котъ и самый страстный охотникъ, котораго я когда-либо встрѣчалъ. Онъ зналъ, на примѣръ, какъ отыскать крота въ его длинномъ подземномъ коридорѣ, и, что до сихъ поръ составляетъ для меня загадку, ловилъ ихъ десятками, но, какъ большинство кошекъ, самъ ни за что не хотѣлъ ихъ ѣсть. Если онъ ловилъ крота, будучи голоденъ, онъ его пряталъ и отправлялся ловить мышъ или птичку, оставляя крота нетронутымъ, чтобы затѣмъ принести его домой въ качествѣ охотничьяго трофея. Иногда онъ одиноко охотился по нѣсколько часовъ подрядъ, а потомъ являлся съ мяуканьемъ домой, волоча все, что ему удалось наловить — крысъ, бѣлокъ, кроликовъ, перепеловъ, тетеревей, и даже кузнечиковъ, если не попадалось болѣе крупной дичи. Уже издали слышался его голосъ, какой-то особенный звукъ, который онъ издавалъ только тогда, когда несъ какую нибудь добычу; и тогда мальчикъ обыкновенно бѣжалъ ему навстрѣчу и принималъ у него дичь, а Блинкъ мурлыкалъ и терся объ его ноги, желая выразить свою гордость и удовольствіе. Если никто не шелъ ему навстрѣчу онъ раза два обходилъ съ мяуканіемъ вокругъ дома, а потомъ складывалъ свою дичь подъ порогомъ у входа, гдѣ наши носы очень скоро бывали вынуждены обратить на нее вниманіе, такъ какъ самъ Блинкъ уже больше не дотрогивался до своей добычи. Однажды мальчикъ нашелъ подъ порогомъ странную птицу, красивое созданіе бураго цвѣта, величиною съ голубя, съ длиннымъ прямымъ клювомъ и глазами на макушкѣ головы. Онъ отнесъ ее къ отцу, человѣку очень авторитетному, не допускавшему возраженій, который прочелъ ему цѣлую лекцію по естественной исторіи, представлявшую удивительную смѣсь истины съ небылицей. Это былъ слѣпой куликъ,

сказаль онъ, — въ чемъ была доля правды. Птица ничего не видѣла, такъ какъ глаза у нея были не на мѣстѣ; это была очень рѣдкая птица, иногда появлявшаяся осенней порой, а зимой она—будто бы зарывалась въ земляную нору— вмѣсто того, чтобы улетать на югъ, — и вотъ тутъ уже начиналась небылица.

Когда мальчикъ позвалъ меня посмотрѣть на рѣдкую находку, я назвалъ ее вальдшнепомъ, и принялся съ увлеченіемъ рассказывать о немъ, все что зналъ, но меня сейчасъ же оборвали и называли лгунишкой. Послѣдовали бурныя словопренія, въ которыхъ я тщетно ссылался на непреложный авторитетъ Нэтти Дингля; мальчикъ былъ старше меня, и мы вдобавокъ находились у него на дворѣ; въ концѣ-концовъ, онъ выгналъ меня вонъ за то, что я осмѣлился рассказывать ему о птицѣ, которая была поймана его собственнымъ котомъ, и которую его собственный отецъ назвалъ слѣпымъ куликомъ. Онъ еще пустилъ камень мнѣ вслѣдъ, когда я сказалъ, что у насъ ихъ водится очень много, но они добываютъ себѣ кормъ по ночамъ, какъ совы, а затѣмъ были пущены второй камень, когда я обернулся и закричалъ, что они вовсе не зарываются въ грязь, подобно черепахамъ въ сухую погоду, какъ увѣрялъ отецъ моего противника.

Маленькіе вальдшнепы начинаютъ бѣгать очень хорошо, какъ и молодые куропатки, съ той самой минуты, какъ они вылупятся изъ яйца; и тотчасъ же начинаютъ учиться у матери отыскивать себѣ пищу. Ранними сумерками, когда они еще не такъ дики и когда мать не такъ скоро поднимается съ мѣста, чтобы увлечь васъ съ собой, мнѣ случалось подкарауливать цѣлый выводокъ — крошечныхъ, пушистыхъ, еле замѣтныхъ птенчиковъ, съ уморитѣльно длинными носиками и темной полосой, идущей вдоль спины, которая какъ бы дѣлитъ птичку пополамъ и скрываетъ одну ея половину даже тогда, когда вамъ уже удалось разглядѣть другую. Мать ходитъ съ ними и быстро ведетъ ихъ болотомъ, по папоротникамъ и поросли ольховника, гдѣ они на ходу копаются въ сухихъ листьяхъ и сучкахъ, въ обрывкахъ сырой древесной коры, переворачиваютъ ихъ носами въ поискахъ червей, совершенно какъ семейство тряпичниковъ, вооруженныхъ палочками и роющихся со всякомъ хламѣ. Какъ мать, такъ и птенцы издаютъ при этомъ легкое цыканье, выражающее полное удовольствіе, и которое, по всей вѣроятности, должно ободрять семейство и помогать ему не разбредаться во время вечерней прогулки.

Когда мѣсто, гдѣ можно добыть себѣ пропитаніе, находится слишкомъ далеко отъ гнѣзда, что случается довольно часто, у Витувика наблюдаются двѣ привычки, которыхъ, насколько мнѣ извѣстно, не замѣчено ни у одной другой птицы изъ тѣхъ, которыхъ принято называть дичью; — можетъ быть эти привычки существуютъ у ржанки, но мнѣ никогда не приходилось наблюдать ея птенцовъ, хотя при каждомъ наблюденіи надъ взрослыми ржанками я все болѣе и болѣе убѣждался, что это самыя замѣчательныя и наименѣе понятыя нами изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ птицъ.

Если пищу вальдшнепамъ приходится искать на далекомъ разстояніи отъ гнѣзда, то мать прячетъ выводокъ и сама отправляется за кормомъ. По возвращеніи она кормитъ своихъ птенцовъ какъ голубка, запуская клювъ имъ въ горло, улетая и снова возвращаясь съ кормомъ до полного ихъ насыщенія, послѣ чего она оставляетъ ихъ въ безопасномъ мѣстѣ и улетаетъ кормиться сама на остальные часы ночи. Подобно большинству другихъ молодыхъ птицъ и животныхъ, птенцы вальдшнепа никогда не покидаютъ мѣста, гдѣ ихъ оставила мать, и ихъ съ трудомъ можно съ него согнать до ея возвра-

щенія. И обыкновенно, когда вы находите выводокъ молодыхъ вальдшнеповъ безъ матки, они садятся вамъ въ руки и лежатъ на ладони безъ движенія, притворяясь мертвыми, пока вы ихъ не положите обратно.

Если по близости есть мѣсто, гдѣ можно хорошо прокормиться, но все же оно слишкомъ далеко, чтобы маленькіе птенцы добрались къ нему самостоятельно, мать переноситъ ихъ туда поочередно и прячетъ въ какомъ-нибудь постоянномъ углу, пока не перетаскаетъ такимъ образомъ всего семейства. Два или три раза я видѣлъ, какъ вальдшнепы переносятъ своихъ птенцовъ, за нѣсколько минутъ унесла одного, а разъ наблюдалъ, какъ мать вернулась къ тому мѣсту, откуда она птенца, за вторымъ, притаившимся подъ листомъ, гдѣ я его совершенно не замѣтилъ. Этотъ любопытный способъ примѣняется самками вальдшнеповъ не только при переноскѣ птенцовъ въ благопріятныя для добыванія пищи мѣстности, а также и тогда, когда ихъ нужно поскорѣе удалить отъ внезапно надвинувшейся опасности, въ родѣ пожара или наводнанія, отъ которыхъ ихъ нѣтъ возможности спасти, оставаясь на мѣстѣ.

Насколько я могъ прослѣдить, при чрезвычайной быстротѣ этой операціи, мать спускается на землю къ цыпленку, беретъ его и во время полета держитъ между лапокъ. Такъ мнѣ по крайней мѣрѣ представлялось, когда я наблюдалъ это нѣсколько разъ подъ рядъ.

Нѣкоторые утверждаютъ, какъ мнѣ приходилось также слышать отъ охотниковъ и зоркихъ наблюдателей, — что мать переноситъ птенцовъ, держа ихъ въ клювѣ, какъ кошка носитъ котятъ, но какъ это можно сдѣлать, не задушивъ при этомъ крошечнаго птенчика, остается для меня совершенно непонятнымъ. Конецъ клюва, недостаточно крѣпокъ по-моему, чтобы удержать птичку за крыло, а держать ее за шею, словно щипцами, это значитъ неизбежно задушить ее или, по мѣншей мѣрѣ, причинить ей значительныя поврежденія во время продолжительнаго перелета; дикія матери обыкновенно такъ не поступаютъ со своими малышами.

Существуетъ еще одинъ, болѣе правдоподобный способъ, который Витувикъ можетъ примѣнять для переноски своихъ птенцовъ, хотя самъ я его не наблюдалъ.

Одинъ старый охотникъ и внимательный наблюдатель лѣсной жизни, съ оторымъ мнѣ иногда приходилось бродить по лѣсамъ, разъ наткнулся на самку вальдшнепа, сидѣвшую со всѣмъ своимъ выводкомъ на берегу ручья, у подножія пустыннаго холмика.

Одинъ изъ птенцовъ сидѣлъ на спинѣ у матери, совсѣмъ какъ обыкновенный, домашній цыпленокъ. При неожиданномъ появленіи моего пріятеля, мать поднялась, унося съ собою на спинѣ птенца, и быстро скрылась въ густой лиственной чащѣ. Остальные птенцы изъ выводка, ихъ было трое, также быстро исчезли, и охотникъ, отыскавъ одного изъ нихъ, пошелъ своей дорогой, не дожидаясь, вернется ли мать за оставшимися

дѣтьми. Я передаю этотъ случай, не ручаясь за его достовѣрность, какъ указаніе на другой возможный способъ передвиженія молодыхъ вальдшнеповъ; однако я съ полной увѣренностью утверждаю, что тѣ птенцы, за которыми мнѣ приходилось наблюдать лично, перетаскивались матерью совершенно инымъ путемъ.

Молодые вальдшнепы

начинаютъ упражнять свои крошечныя крылышки черезъ нѣсколько дней послѣ вывода изъ яйца, еще раньше молодыхъ перепеловъ, и выучиваются летать въ удивительно короткій срокъ. Они растутъ съ поразительной быстротой, благодаря хорошему питанію, такъ что часто случается, что къ началу лѣта вся семья разлетается въ разныя стороны, и каждый членъ ея начинаетъ самостоятельную жизнь, предоставляя маткѣ выращивать второй выводокъ. Въ это время они скитаются повсюду, разыскивая свой любимый кормъ, и часто залетаютъ на фермерскія усадьбы, гдѣ они проводятъ большую часть ночи у водосточныхъ канавъ, вблизи конюшенъ и скотныхъ дворовъ, пока въ домѣ царитъ тишина; и быстро исчезаютъ при малѣйшемъ шорохѣ, такъ что Витувикъ является постояннымъ посѣтителемъ такихъ мѣстъ, гдѣ его никто не видитъ и даже не подозрѣваетъ его присутствія.

Будучи большимъ охотникомъ до земляныхъ червей, Витувикъ уже давнымъ давно додумался до многого, чему человекъ не научается въ теченіе цѣлой жизни; на-примѣръ, онъ знаетъ, что гораздо проще и легче собирать червей съ поверхности земли, чѣмъ выкапывать ихъ. Когда мальчику нужно нарыть червей для рыбной ловли — со старшими, — онъ въ сухую погоду нерѣдко проводитъ половину дня, усердно копаясь въ землѣ, и при этомъ почти ничего не находитъ, такъ какъ въ такое время черви уходятъ далеко въ глубь земли, и ихъ можно найти только въ излюбленныхъ мѣстахъ. Между тѣмъ отецъ, посыпая своего мальчика накопать червей, самъ проводитъ часокъ послѣ ужина за поливкой своего газона. При первыхъ же капляхъ воды черви поднимаются ближе къ поверхности земли, а къ полуночи уже ползаютъ цѣлыми сотнями по луговинамъ, здоровенные, какъ разъ пригодные для приманки форели. Они остаются на поверхности почти всю ночь, и вотъ почему ранняя птица ловить червя, вмѣсто того, чтобы выкапывать его изъ земли, какъ это приходится дѣлать сонямъ. Лучше всего выйти въ полночь съ фонаремъ и набрать сколько понадобится червей для рыбной ловли, безъ всякаго труда и хлопотъ. Въ это же время, по всей вѣроятности, застанете и Витувика за тѣмъ же дѣломъ.

Прошлымъ лѣтомъ я спугнулъ двухъ вальдшнеповъ съ сосѣдскаго луга уже позднимъ вечеромъ, и рѣдкое лѣто проходитъ, чтобы вы не прочли съ удивленіемъ о томъ, какъ ихъ видали въ предѣлахъ такого огромнаго города, какъ Нью-Йоркъ, куда они издалека прилетаютъ по ночамъ охотиться за червями на луговинахъ. Въ поискахъ за тѣми же червями они посѣщаютъ и сады; и часто въ мѣстностяхъ, гдѣ, повидимому, не водятся вальдшнепы, вы можете наткнуться подъ капустнымъ листомъ или въ прохладной тѣни густой ржи на круглыя дырки, которыми Витувикъ испещрялъ мягкую землю, собирая личинокъ и червей, пока вы еще спите.

Въ серединѣ лѣта съ Витувикомъ происходитъ странная переменъ; слабыя семейныя узы окончательно рвутся, и птица превращается въ настоящаго отшельника на всю остальную часть года. Вальдшнепъ живетъ совершенно одинъ, и даже на время осенняго перелета не соединяется съ товарищами въ стаи, какъ большинство другихъ птицъ; насколько мнѣ извѣстно, никто еще никогда не видалъ такого количества вальдшнеповъ, летящими вмѣстѣ, которому можно было бы дать названіе стаи. Единственное извѣстное мнѣ исключеніе изъ этого правила составляетъ тотъ рѣдкій случай, когда вамъ удастся застать самца-вальдшнепа важно расхаживающимъ взадъ и впередъ по бревну, распустивъ хвостъ и крылья, совсѣмъ какъ тетеревъ; при этомъ онъ страстно цыкаетъ и бормочетъ. Если вы подползете поближе, то спугнете еще двухъ или трехъ птицъ, сидящихъ по травѣ у бревна или по сосѣдству въ низкой поросли. Одинъ охотникъ недавно мнѣ рассказывалъ, что его сеттеръ, какъ-то разъ сдѣлалъ стойку надъ расхаживавшимъ по бревну вальдшнепомъ, который, замѣтивъ, что его обнаружили, тотчасъ же прекратилъ эту игру и шмыгнулъ въ папоротникъ. Когда собака подошла ближе, сразу поднялись пять вальдшнеповъ, наибольшее число, въ какомъ эти птицы, по моимъ свѣ-

дѣніямъ, наблюдались вмѣстѣ.

Когда я спросилъ необразованнаго охотника, который однако былъ довольно свѣдущъ по части лѣсныхъ нравовъ, что значить такое расхаживанье Витувика въ такое позднее время года, когда выводки уже разлетѣлись въ разныя стороны, онъ не могъ подыскать объясненія этому явленію. — Просто чудить, какъ многія птицы, — сказалъ онъ, и на этомъ успокоился.

Мнѣ пришлось наблюдать подобный случай всего одинъ разъ, да и то не удалось, какъ слѣдуетъ, присмотрѣться, потому что я наткнулся на двухъ или трехъ птицъ сразу и спугнулъ ихъ раньше, чѣмъ мнѣ удалось разглядѣть представленіе. Во всякомъ случаѣ это дѣлается не для привлеченія самки, для чего время уже давно прошло, и если не видѣть здѣсь подобія тетеривинаго обычая собираться небольшими группами, для чего-то въ родѣ пляски, то для меня это явленіе остается полной загадкой. Можетъ быть, и Витувикъ любить игры, которыя безусловно знакомы и нравятся всѣмъ другимъ птицамъ; и только игра, можетъ быть, въ состояніи заставить его забыть о томъ, что онъ отшельникъ. Какъ только птицы начинаютъ линять, онъ покидаютъ лѣса и болота, которые ихъ взростили, и совершенно исчезаютъ.. Куда онъ отправляются на это время, остается глубокой тайной. Въ мѣстностяхъ, гдѣ еще вчера были цѣлые десятки птицъ, сегодня уже нѣтъ ни одной, и если вы случайно натолкнетесь на какого-нибудь одного вальдшнепа, то это большею частью происходитъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ вы ихъ раньше никогда не встрѣчали, и гдѣ вамъ, вѣроятно, уже больше никогда не придется ихъ встрѣтить, хотя бы вы и посѣщали это мѣсто цѣлыми годами. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что вальдшнепъ, какъ и всѣ другія птицы, имѣетъ свои излюбленныя мѣстечки, въ которыя возвращается вить гнѣздо, кормиться или спать по нѣскольку лѣтъ кряду.

Въ это время вамъ изрѣдка доводится увидать одинокую птицу на сухомъ южномъ склонѣ холма, или на солнечной опушкѣ большого лѣса. У вальдшнепа теперь необыкновенно жалкій видъ, такъ какъ всѣ почти перья на немъ повылѣзли, и онъ можетъ только перепархивать съ мѣста на мѣсто или убѣгать при вашемъ приближеніи. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ вы можете подстеречь его такъ, чтобы онъ васъ не видѣлъ, и тогда вы подмѣчаете одну очень странную черту. Онъ стоитъ у пня или у куста прямо на припекѣ, подставляя солнечнымъ лучамъ свою голую спину, словно грѣясь у огромнаго

камина. Конецъ его длиннаго клюва упирается въ землю, точно подпорка для головы. Онъ спитъ; но если вы подползете поближе и надѣнете очки, то увидите, что онъ спитъ съ полуоткрытыми глазами. Нижнія вѣки подняты такъ, что закрываютъ полглаза, но верхняя половина открыта, такъ что и во время сна онъ какъ бы слѣдитъ, не приближается ли къ нему врагъ

сверху или сзади. Въ это время онъ не издаетъ почти никакого запаха, такъ что ваша собака при всемъ ея остромъ чутьѣ, та самая, которая осенью чуетъ его издалека, теперь пройдетъ мимо, не замѣтивъ его, и только чуть не наступивъ на птицу, сдѣлаетъ надъ ней стойку или какимъ-нибудь другимъ путемъ укажетъ на близость дичи. Охотники говорятъ, что разсѣянныя по одиночкѣ птицы — это тѣ, которыя потеряли очень много перьевъ, и что онѣ держатся на открытыхъ солнечныхъ мѣстахъ, чтобы согрѣться. Можетъ быть они и правы, но тогда является вопросъ, что же эти самыя птицы дѣлаютъ по ночамъ, когда воздухъ гораздо холоднѣе, чѣмъ днемъ. И какъ бы въ опроверженіе того же взгляда, найдя одну птицу на открытомъ солнечномъ склонѣ, вы находите другую, на

разстояніи всего одной мили отъ первой, спящей посреди большого ржаного поля, куда солнечные лучи почти и не проникаютъ.

Но каковы бы ни были причины, заставляющія вальдшнепа поступать такимъ образомъ, они попадаютъ въ полѣ очень рѣдко и представляютъ единичныя загадочныя исключенія изъ общаго правила.

Большая часть птицъ совершенно исчезаетъ, и нѣтъ никакой возможности ихъ найти. Разлетаются ли онѣ во всѣ стороны и прячутся въ лѣсной чашѣ, гдѣ сидятъ невылазно и такимъ образомъ скрываются отъ преслѣдованія человѣка; или же, какъ нѣкоторыя другія породы кулика, совершаютъ небольшой перелетъ на сѣверъ въ періодъ линянья, ища одиночества и перемѣны пищи, — остается до сихъ

поръ совершенно неизвѣстнымъ. Но удивительно, что мы такъ мало знаемъ о птицѣ, которая вьетъ гнѣздо на нашихъ пастбищахъ и по ночамъ часто прилетаетъ къ намъ на дворъ и на лужайку передъ домомъ; несмотря на все это, мы знакомимся съ ней только послѣ ея смерти, когда намъ ее подають на столъ, поджаренную съ гренокъ, какъ тонкое блюдо.

Весной, когда вальдшнепъ ищетъ себѣ подругу, у него есть обычай, который, если наблюдать за нимъ съ опушки ольховой рощи, тотчасъ напомнитъ вамъ ржанку съ равнинъ и плоскогорій, и ея еще болѣе дикихъ тезокъ изъ Лабрадорскихъ степей. И правда, по своему пристрастію къ выжженнымъ равнинамъ, гдѣ онъ повсюду можетъ прятаться и ловить безчисленное множество кузнечиковъ и сверчковъ, не хлопоча особенно о перемѣнѣ пищи, и по своему безстрашному отношенію къ человѣку, Витувикъ имѣетъ очень много общаго съ малоизвѣстными намъ ржанками. Въ сумеркахъ, осторожно крадучись по опушкѣ лѣса, вы слышите слабое „пи-и-нкъ, пинкъ“, совсѣмъ рядомъ съ вами, и, обернувшись, чтобы прислушаться и опредѣлить, откуда доносятся звуки, тотчасъ увидите быстро несущагося надъ вашей головой вальдшнепа, спиралью возносящагося къ облакамъ, при этомъ радостно цыкающаго и хоркающаго. Это очень незамысловатая пѣсенка, не выдерживающая сравненія съ пѣсней ржанки, которая продлывается то же самое весенними вечерами, и Витувику приходится возмѣщать недостатокъ голоса, дрожаніемъ крыльевъ, черезъ которыя проходитъ воздухъ, производя жужжаніе, похожее на рѣзкіе звуки, издаваемые тростникомъ въ вѣтренную погоду; но пѣсня эта кажется безконечно прекрасной маленькой бурой самочкѣ, тихонько притаившейся по близости и, насторожившись, прислушивающейся къ ней. Поднявшись на огромную для него высоту, Витувикъ бѣшено кружится въ теченіе нѣсколькихъ секундъ, а потомъ спиралью опускается внизъ, не переставая хоркать и цыкать, пока наконецъ не опустится до вершины деревьевъ, и, сложивъ крылья какъ разъ надъ головой подруги, упадетъ подобно свинцовой гирѣ, прямо передъ ней. Она же остается неподвижной, хорошо зная, что

будетъ дальше, и на разстояніи нѣсколькихъ футовъ отъ земли Витувикъ снова распускаетъ крылья, чтобы замедлить свое быстрое паденіе и потихоньку опускается рядомъ

съ ней. Тутъ онъ словно въ изнеможеніи смирно сидитъ съ минуту, но вслѣдъ затѣмъ начинаетъ расхаживать вокругъ нея, распустивъ хвостъ и крылья, точно дикій индюкъ, охарашиваясь передъ ней и чванясь, словно павлинъ подъ лучами весенняго солнца. Снова онъ затихаетъ; слышится

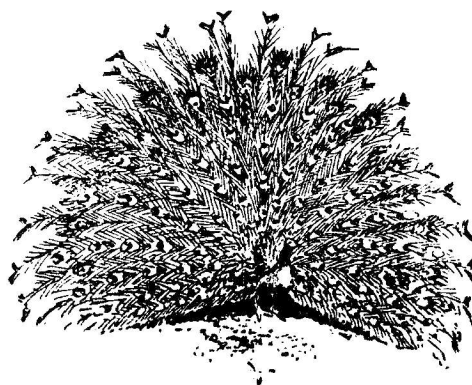
слабый „пи-и-нкъ“, словно откуда-то издалека, и Витувикъ уносится ввысь на своихъ быстрыхъ крыльяхъ, повторяя сызнова свои восторженные движенія.

Обѣ птицы въ это время до странности не боятся людей, и если вы стоите смирно или даже потихоньку двигаетесь, онѣ такъ же мало обращаютъ на васъ вниманія, какъ на пасущуюся рядомъ на нѣжной весенней травѣ скотину. Совсѣмъ какъ желтая ржанка, вся жизнь которой большею частью протекаетъ въ обширныхъ степяхъ Лабрадора и Патагоніи, и характеръ которой являетъ любопытную смѣсь

необычайной дикости съ поразительной глупостью, — вальдшнепы лишены всякаго инстинктивнаго чувства страха къ какому бы то ни было крупному животному; и если это чувство сколько-нибудь и знакомо Витувику, то оно является слѣдствіемъ постоянной охоты на него. Но и то оно прививается къ нему медленнѣе, чѣмъ ко всякой другой дичи, и если его оставить въ покоѣ, хотя бы и на короткій срокъ, къ нему тотчасъ же возвратится его природная довѣрчивость.

Съ наступленіемъ осени вы замѣчаете у Витувика еще одну общую черту съ таинственной ржанкой. Вы ждете съ увѣренностью появленія ржанокъ, когда подуетъ первый сѣверо-восточный вѣтеръ послѣ 20-го августа; точно такъ же и первое осеннее полнолуніе съ сильнымъ туманомъ, снова привлекаетъ вальдшнепа къ его привычнымъ мѣстамъ. Но почему онъ дожидается полнолунія, при этомъ неслучайно сопровождаемого холоднымъ и сырымъ туманомъ, прежде чѣмъ предпринять перелетъ на югъ, остается для насъ одной изъ окружающихъ его тайнъ. Въ противоположность ржанкамъ, прилетающимъ сотнями, съ дикими пронзительными криками, заглушающими ревъ бури и шумъ дождя, которыя въ полночь поднимаютъ васъ съ постели и съ невольнымъ содраганіемъ въ душе заставляютъ прислушиваться къ нимъ, Витувикъ появляется молчаливымъ, одинокимъ отшельникомъ; вы поутру выходите, какъ на назначенное свиданіе, и застаёте его спящимъ крѣпкимъ сномъ именно тамъ, гдѣ вы ожидали его увидѣть.

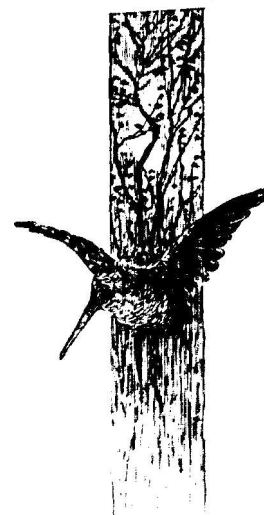
При первомъ осеннемъ пролетѣ обнаруживается еще одна любопытная черта, а

именно, Витувикъ проявляетъ особенное пристрастіе къ нѣкоторымъ опредѣленнымъ мѣстамъ, не потому что они отличаются особымъ обиліемъ пищи, или даютъ болѣе безопасное пристанище, а просто, надо думать, по старымъ воспоминаніямъ, точно такъ же, какъ ребенокъ любитъ иные дикіе уголки какого-нибудь невоздѣланнаго луга, предпочитая его самымъ красивымъ мѣстностямъ, которыя, казалось, должны были бы ему гораздо больше нравиться. Притомъ, разсѣянные по разнымъ мѣстностямъ птицы, какимъ-то непостижимымъ образомъ запоминаютъ излюбленное мѣстечко; смотря на него, какъ на своего рода гостиницу или постоянный дворъ, онѣ всѣ располагаются въ немъ, такъ что оно оказывается густо заселеннымъ все то время, пока онѣ находятся въ его сосѣдствѣ.

Три мили сѣвернѣе того мѣста, откуда я пищу, находится небольшой клочокъ высокаго рѣдкаго лѣса, который знали и берегли нѣкототые охотники цѣлыми годами, другіе же проходили мимо, не удостоивая его своимъ вниманіемъ, такъ какъ онъ дѣйствительно мало похожъ на мѣстность, изобилующую дичью. А на самомъ дѣлѣ, если существуетъ хотя бы одинъ вальдшнепъ во всемъ Ферфильдскомъ округѣ, въ наше время многочисленныхъ охотниковъ и рѣдкой дичи, онъ окажется непременно въ этомъ клочкѣ лѣса, и если вы, въ первое благопріятное въ смыслѣ погоды утро, не найдете въ немъ хотя бы одной птицы, значить, перелетъ еще не наступилъ или миновалъ вашу мѣстность. Нѣсколько разъ послѣ того, какъ мнѣ удавалось поднимать здѣсь одинокаго вальдшнепа, я обходилъ кругомъ всего участка, стараясь открыть причину страннаго пристрастія къ нему Витувика, но всѣ мои старанія оказывались напрасными. Почва голая и каменистая, почти совсѣмъ нѣтъ ни папоротника, ни корней, ни даже клочка травы, который бы могъ служить пристанищемъ даже вальдшнепу, и какъ внимательно ни осматривайте все вокругъ, вы не увидите ни просверленныхъ въ землѣ дырокъ, ни другихъ слѣдовъ, по которымъ можно было бы судить, что Витувикъ искалъ себѣ здѣсь пропитанія. Судя по внѣшнимъ признакамъ, это послѣднее мѣсто, гдѣ можно было бы предположить присутствіе такой птицы какъ вальдшнепъ, а тутъ же рядомъ находились прекрасныя заросли; однако Витувикъ избираетъ именно первое мѣсто и сидитъ въ немъ днемъ, и возвращается неизмѣнно туда же, пока не переведутся всѣ вальдшнепы въ нашихъ окрестностяхъ. Охотникъ можетъ исходить сегодня этотъ лѣсной участокъ вдоль и поперекъ и перебить въ немъ тѣхъ немногихъ птицъ, которыя еще въ немъ держатся, а завтра, если только остались по сосѣдству вальдшнепы, онъ непременно найдетъ то же количество птицъ въ томъ же самомъ мѣстѣ, какъ и вчера.

Я разспрашивалъ старыхъ ружейныхъ охотниковъ объ этомъ месте, которое я открылъ, поднявъ двухъ вальдшнеповъ въ такое время, когда ихъ нигде нельзя было найти, несмотря на старанія цѣлыхъ десятковъ молодыхъ охотниковъ и собакъ, и получилъ отвѣтъ, что на ихъ памяти всегда такъ и было. В старину, когда птицъ было очень много и онѣ были мало извѣстны, на протяженіи полуакра здѣсь легко было насчитать во время перелета пять или шесть штукъ за разъ. Когда ихъ избивали, на ихъ мѣсто являлись другіе, и это число неизмѣнно замѣщалось, покуда въ сосѣднихъ лѣсныхъ чащахъ оставалось еще много птицъ. Но почему этотъ участокъ посѣщается охотнѣе другихъ, и почему пустыя мѣста такъ быстро заполняются — эти два вопроса, такъ и остались безъ отвѣта.

Одинъ охотникъ неувѣренно объяснялъ мнѣ, что, можетъ быть, путешествующія на югъ птицы залетаютъ сюда, чтобы занять лучшія изъ оставшихся не занятыми мѣстъ; такое объясненіе приходило въ голову и другимъ охотникамъ. Но на это можно

возразить, что вѣдь птицы совершаютъ перелетъ по ночамъ, а ночью этотъ участокъ остается незанятымъ. Вальдшнепы пользуются имъ лишь для дневного отдыха, а по ночамъ разлетаются въ разныя стороны, въ изобилующія кормомъ мѣста, куда направляются и всѣ летящія на югъ птицы; дѣло въ томъ, что Витувикъ долженъ часто останавливаться на кормежку; онъ быстро перевариваетъ пищу, и потому не можетъ дѣлать длинныхъ перелетовъ безъ передышки. Повидимому, онъ подвигается къ югу небольшими этапами, кормясь попутно, а потому вновь прибывшіе встрѣтились бы съ птицами, которыя до нихъ уже заняли лучшія мѣста для корма и оттуда вмѣстѣ бы отправились на дневной отдыхъ. Но какъ узнать вновь прибывшей ночью птицѣ, что излюбленное мѣсто уже занято на день, или что нѣкоторыя изъ занявшихъ его наканунѣ птицъ уже сегодня исчезли и мѣста ихъ освободились?

Единственно возможнымъ я считаю объясненіе, что это дѣло случая, но такой отвѣтъ, собственно говоря, ровно ничего не объясняетъ, а кромѣ того случай, — если такая слѣпая и неразумная вещь существуетъ въ разумномъ мірѣ, — правильно не повторяется; или же остается прямо признать, что существуетъ какое-то взаимное пониманіе и общеніе между птицами, когда онѣ ночью летаютъ туда и сюда; вѣроятно, это такъ, но мы этого никакъ не можемъ доказать при нашихъ современныхъ ограниченныхъ познаніяхъ. Это пристрастіе вальдшнепа къ извѣстнымъ мѣстамъ проявляется еще инымъ образомъ, когда вы идете по слѣдамъ отшельника. Когда его спугиваютъ съ любимого мѣста отдыха, но не стрѣляютъ въ него при этомъ, то онъ дѣлаетъ небольшой перелетъ къ вершинамъ деревьевъ и назадъ, и преспокойно садится на то же самое мѣсто, съ котораго его подняли, какъ только вы немного отойдете. Онъ пользуется еще заячьимъ приѣмомъ—дѣлать кругъ и возвращаться къ прежнему мѣсту; можетъ случиться, что вы, поднявъ птицу и пристально слѣдя за ней, увидите у васъ за спиной, какъ она безшумно опускается и садится чуть не у вашихъ ногъ. Однажды мой старый песъ Донъ поднялъ вальдшнепа и словно приросъ къ тому мѣсту, откуда птица поднялась. Я остался на мѣстѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ собаки и въ ту же секунду Витувикъ пронесся за моей спиной и безшумно опустился въ кусты между мной и собакой, не больше какъ въ десяти футахъ отъ хвоста стараго сеттера. Хитрость удалась вполне, потому что, едва Донъ пересталъ чувствовать запахъ, онъ пошелъ впередъ и такимъ образомъ пропустилъ птицу, сидѣвшую за нимъ сзади. Эта любопытная черта объясняется, можетъ быть, просто неудержимымъ тяготѣніемъ Витувика къ нѣкоторымъ излюбленнымъ мѣстамъ; возможно также, что онъ ночью тщательно выбираетъ себѣ пристанище, гдѣ удобно скрываться и отдыхать днемъ, и возвращается туда потому, что ему трудно искать болѣе удобнаго пріюта при ослѣпительномъ солнечномъ свѣтѣ; а можетъ быть, это простая хитрость, имѣющая цѣлью обмануть потревожившее его животное, и состоящая въ томъ, что онъ садится на землю совсѣмъ близко за спиной врага, гдѣ ни собакѣ, ни человѣку не приходится въ голову его искать.

Ночью, когда онъ отлично видитъ и быстро перелетаетъ за пищей съ одного мѣста на другое, Витувика легко ослѣпить и ошеломить какимъ-нибудь яркимъ свѣтомъ; онъ принадлежитъ къ числу животныхъ, которыя бѣгутъ и летятъ на огонь. Такъ какъ въ это время онъ движется совершенно безшумно и притомъ очень быстро, то его обыкновенно не узнаютъ,— вамъ кажется, что это какая-нибудь ночная птица, и вы предоставляете ему летать, не обративъ на него никакого вниманія. Нѣсколько разъ, когда я ходилъ съ фонаремъ подстерегать птицъ и животныхъ и наблюдать за ними въ ночное время, мнѣ удавалось узнать Витувика, дико

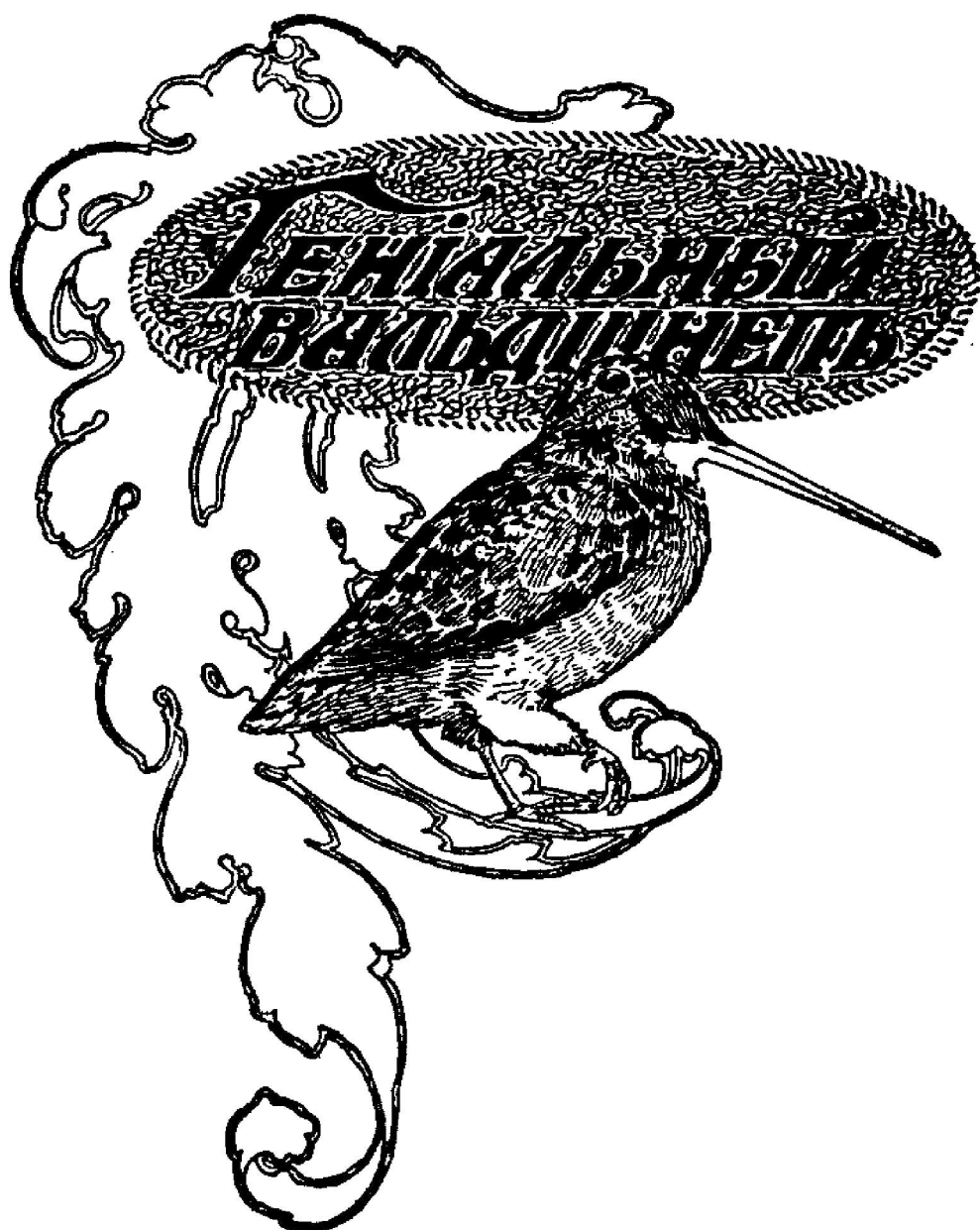
кружившагося около моего огонька. Однажды, углубившись въ пустынные дебри Новаго Брауншвейга, я подкараулилъ двухъ браконьеровъ, багровившихъ лососей въ полночь съ подвижной желѣзной печкой, подвѣшенной къ кормъ ихъ челнока. Ловля эта представляетъ собой великолѣпное зрѣлище и требуетъ при этомъ большой сноровки и опредѣленной отваги, и я, вместо того, чтобы гнать браконьеровъ прочь, попросилъ позволенія сѣсть въ ихъ длинную лодочку и посмотрѣть на ихъ охоту. Въ то время какъ мы плавали взадъ и впередъ по рѣчнымъ быстринамъ, и наши смолистыя сосновыя дрова пылали и трещали въ лодкѣ, а вокругъ насъ прыгали и метались черныя тѣни, два вальдшнепа поднялись съ берега и стали бѣшено кружиться надъ челнокомъ. Одинъ изъ нихъ задѣлъ меня крыломъ по лицу и испуганно улетѣлъ только тогда, когда Сэнди, стоя на кормѣ, сильнымъ ударомъ остроги пронзилъ и втащилъ въ лодку, съ радостнымъ крикомъ, трепещущаго двадцати-фунтоваго лосося, шлепнушагося ко мнѣ прямо на колѣни. Въ ту же ночь я нѣсколько разъ видѣлъ мельканье ихъ крыльевъ и слышалъ ихъ тихое удивленное цыканье, раздававшееся среди треска плававшихъ дровъ и шума и рева воды на порогахъ.

Когда Витувику удастся напасть на хорошій кормъ во время перелета на югъ, онъ остается у насъ, если его только не тревожатъ, до тѣхъ поръ, пока сильный морозъ не закуетъ и не замкнетъ его пищевые склады, сдѣлавъ почву настолько твердой, что нѣжный клювъ вальдшнепа уже не въ силахъ ея пробить. Тогда онъ устраивается по-южнѣе у какого-нибудь не успѣваго еще замерзнуть ключа или ручейка, бѣгушаго по ольховой рошѣ.

Недалеко отъ насъ, на мысѣ Шиппанъ, существуетъ родничекъ, редко замерзающій, вода котораго выходитъ изъ береговъ, благодаря чему окружающая почва покрыта зеленой травкой даже въ срединѣ зимы. Теперь этотъ мысъ сплошь застроенъ домами, но раньше онъ былъ любимымъ пристанищемъ вальдшнеповъ, и маленькій ключъ всегда оказывалъ самое радушное гостепріимство птицамъ. Въ прошломъ году, на Рождествѣ, я увидѣлъ тамъ вальдшнепа устроившагося очень уютно, несмотря на непосредственное соседство съ человѣческимъ жильемъ и окружавшій его со всѣхъ сторонъ глубокій снѣгъ. Онъ оставался тамъ нѣсколько недѣль послѣ того, какъ улетѣли всѣ другія птицы, задержанный въ этомъ мѣстѣ либо привычкой, либо старыми воспоминаніями о томъ времени, когда только одни вальдшнепы знали этотъ клочекъ земли; или же онъ былъ раненъ и потому не могъ улетѣть вмѣстѣ съ товарищами, выбравъ это единственное во всей округѣ мѣсто, гдѣ можно было кормиться до тѣхъ поръ, пока не заживетъ крыло. Природа, которую люди зовутъ жестокой, окружила его нѣжной заботливостью, залѣчила раны, нанесенныя ему человѣкомъ, доставила ему пищу и надежный приютъ въ такое время, когда всѣ остальные мѣста пропитанія птицъ находились въ ледяныхъ оковахъ суровой зимы; и все же люди, которые вообще способны быть добрыми и разумными, не открыли въ этомъ обстоятельствѣ глубокаго тайнаго смысла. На слѣдующій день послѣ того, какъ я его увидѣлъ, какой-то охотникъ шель мимо и съ гордостью убилъ его, какъ послѣдняго вальдшнепа въ неурочное время года.

ГЕНІАЛЬНЫЙ ВАЛЬДШНЕПЪ

Я хочу рассказать о Витувикѣ, удивительную вещь, въ которой можно усмотрѣть привычку, обычай, или постоянную черту его характера; скорѣй всего это изобрѣтеніе какихъ-нибудь отдѣльныхъ особей его породы, болѣе оригинальныхъ и выдающихся, нежели прочіе ихъ товарищи. Подобно гагарамъ, медвѣдю и бобру, Витувикъ иногда примѣняетъ нѣкоторые хирургическіе пріемы для перевязыванія ранъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ мнѣ какъ-то пришлось сидѣть у ручья на лѣсной опушкѣ въ Бриджватерѣ, какъ вдругъ изъ лѣсу вылетѣлъ

вальдшнепъ и направился къ другой части берега, и я могъ ясно разглядѣть на немъ свѣтлую полосу клейкой грязи и глины съ того мѣста, гдѣ сидѣлъ. Это было въ началѣ охотничьяго сезона, такъ что ружейные охотники уже разбрелись по окрестностямъ; и

я первымъ дѣломъ подумалъ, что это раненая птица, сдѣлавшая длинный перелетъ послѣ того, какъ въ нее выстрѣлили, а теперь прилетѣвшая къ ручью напиться или промыть свою рану. Такъ ли это было или нѣтъ — осталось неразгаданнымъ; но поведеніе птицы срѣди бѣлаго дня показалось мнѣ страннымъ, и я подползъ поближе, такъ что могъ ясно ее видѣть по ту сторону ручья, хотя она все еще находилась слишкомъ далеко отъ меня, чтобы я безошибочно могъ судить обо всѣхъ ея дѣйствіяхъ. Сначала вальдшнепъ набралъ въ клювъ мягкой глины съ берега и, повидимому, сталъ смазывать ею одну ногу у колѣна. Затѣмъ перескочилъ на одной ногѣ подальше, и, какъ мнѣ казалось, сталъ выдергивать маленькіе корешки и стебельки, накладывая ихъ на глину, которою только что обмазалъ ногу. Потомъ, взявъ еще глины, онъ

налѣпилъ ее поверхъ стеблей, накладывая слой за слоемъ, такъ что я ясно могъ различить образовавшееся на ногѣ утолщеніе; онъ работалъ со страннымъ молчаливымъ напряженіемъ въ продолженіе цѣлыхъ пятнадцати минутъ, пока я смотрѣлъ и дивился, не вѣря своимъ глазамъ. Затѣмъ онъ въ теченіе цѣлаго часа простоялъ совершенно неподвижно подъ нависшей надъ водой глыбой земли, гдѣ глазъ съ трудомъ различалъ его, при чемъ его единственнымъ движеніемъ было потираніе время отъ времени и разглаживаніе глиняной повязки клювомъ; наконецъ, по его мнѣнію, она достаточно затвердела, онъ поднялся съ берега ручья и скрылся въ лѣсной чащѣ.

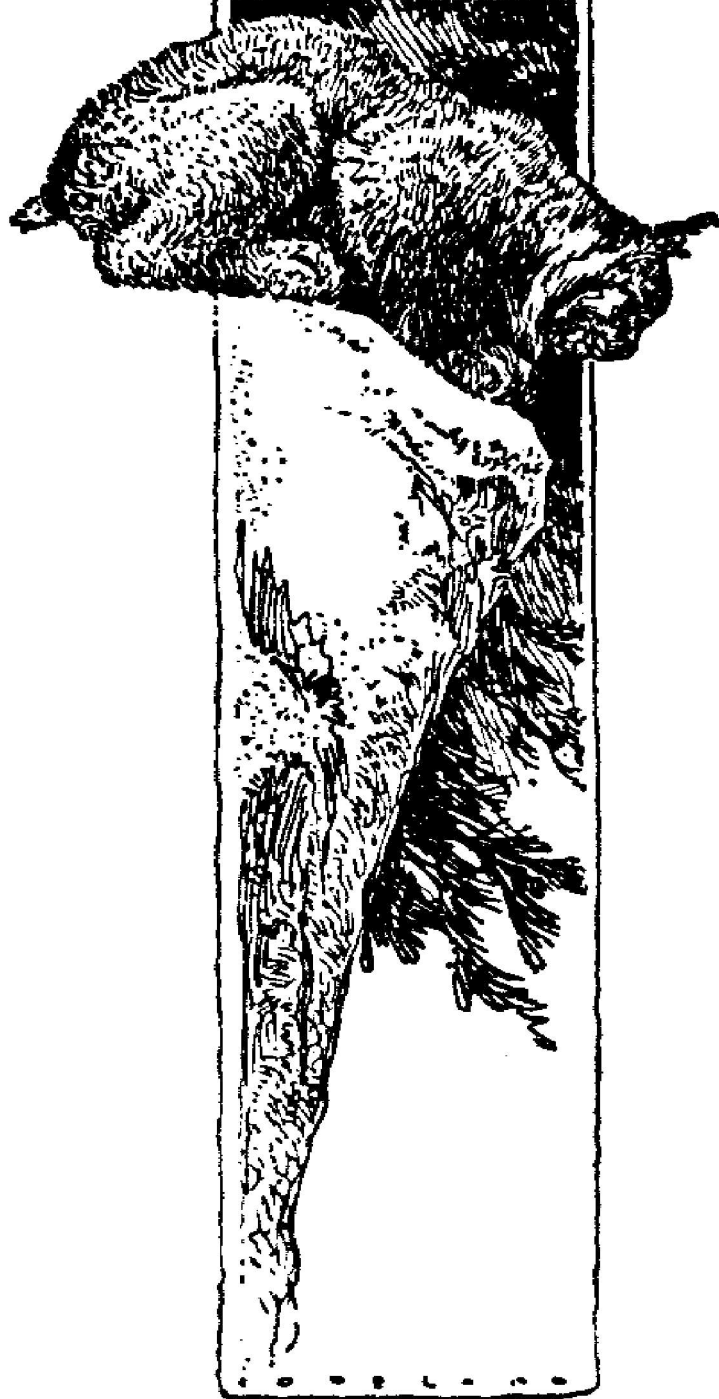
Я объяснилъ себе этотъ невѣроятный поступокъ тѣмъ, что у вальдшнепа была сломана нога, и онъ сознательно положилъ ее въ глиняный бинтъ, чтобы сломанные кости не сдвинулись и могли правильно сростись; но, разумѣется, я оставилъ свои предположенія при себѣ, хорошо зная, что никто не повѣритъ моей теоріи. Нѣсколько лѣтъ подрядъ я подробно разспрашивалъ охотниковъ и, наконецъ, попалъ на двоихъ, которые мнѣ сказали, что имъ приходилось убивать вальдшнеповъ съ видимо переломленными, но впослѣдствіи, сросшимися ногами. Насколько они могли припомнить, сломанная нога, во всѣхъ случаяхъ, оказывалась сросшеюся совершенно прямо, вмѣсто того, чтобы быть искривленной, какъ это бываетъ со сломанной лапкой цыпленка, если ей дать самостоятельно сростись. Я разсматривалъ сотни вальдшнеповъ на рынкахъ въ разныхъ мѣстностяхъ, и нашелъ одного, у котораго ножка была когда-то перебита выстрѣломъ и совершенно правильно срослась. На мѣст перелома были ясно видны слѣды грязи, но такая же грязь виднѣлась и на другой ногѣ близъ ступни, такъ что это лишь показывало, что птица кормилась въ мѣстностяхъ съ вязкой почвой. Постороннимъ же это обстоятельство ничего не говорило, и я молчалъ о томъ, что мне пришлось видѣть, вплоть до прошлой зимы, когда, двадцать лѣтъ спустя, мои предположенія неожиданно подтвердились. Мнѣ пришлось говорить о животныхъ въ Бриджпортскомъ современномъ клубѣ, когда ко мнѣ подошелъ одинъ господинъ, извѣстный адвокатъ въ нашемъ штатѣ, и сталъ съ удивленіемъ рассказывать мнѣ о любопытной находкѣ, сдѣланной имъ прошлой осенью. Онъ какъ-то пошелъ на охоту съ пріятеlemъ и застрѣлил вальдшнепа, у котораго, когда его принесла собака, оказался какъ бы приставшій къ ногѣ комокъ твердой глины. Пожелавъ узнать, что это значитъ, онъ соскоблilъ глину перочиннымъ ножикомъ, и нашелъ переломъ кости, которая почти окончательно срослась и была совершенно прямая. Еще нѣсколько недѣль, и птица, если бы осталась въ живыхъ, несомнѣн-

но сама бы сняла повязку, и отъ нея не осталось бы никакихъ слѣдовъ.

Такимъ образомъ, я теперь, наконецъ, рѣшаюсь подѣлиться своими наблюденіями, доказательства которыхъ у меня на лицо, не за тѣмъ, чтобы отмѣтить новую или старую черту изъ жизни Витувика, потому что никто не можетъ сказать, насколько эти странные медицинскіе пріемы распространены среди вальдшнеповъ и другихъ дикихъ птицъ — но просто, чтобы показать, какъ мало мы знакомы съ внутренней жизнью этого отшельника, да и, вообще дикихъ птицъ; и сколько намъ еще предстоитъ сдѣлать интересныхъ открытій, когда мы отложимъ въ сторону ружье, возьмемся за бинокль и постараемся проникнуть въ полную чудесь жизнь, невидимо трепещущую вокругъ насъ.

КОГДА ЭЛВИКИСЬ ОХОТИТСЯ

На склонѣ зимняго дня, когда заходящее солнце своими лучами золотило верхушки сосенъ на западныхъ скатахъ горъ, и холодныя длинныя тѣни прорѣзали занесенный снѣгомъ лѣса, огромный американскій олень показался изъ сумрака высокихъ хвойныхъ деревьевъ, и пошелъ по длинной, залитой солнцемъ лѣсной тропѣ такимъ размашистымъ, могучимъ шагомъ, за которымъ бы даже и волкъ не могъ угнаться. Пять минутъ спустя вышелъ и я изъ того же самого темнаго туннеля подъ соснами, какъ разъ въ ту минуту, какъ зеленая кайма, образуемая вѣтвями деревьевъ, скрыла отъ моихъ глазъ уходящаго оленя, а потомъ стала покачиваться, кивая въ разныя стороны и какъ бы говоря: — Сюда, туда, направо, налево! — словно собираясь окончательно сбить съ толку того, кто попытался бы пойти по слѣдамъ животнаго. Бываютъ такія времена, что и цикута, и ольха, и лѣсные ручьи и ключи, и листья, и трескъ сучковъ, и пляшущія тѣни, всѣ, словно сговариваются, чтобы защитить и скрыть безвинныхъ лѣсныхъ жителей отъ враждебныхъ глазъ и рукъ ихъ преслѣдователей. А въ этомъ-то и кроется одна изъ причинъ, почему такъ трудно бываетъ выслѣдить дичь въ лѣсу.

Огромный олень окончательно провель меня на этотъ разъ. Сообразивъ, что я иду за нимъ, онъ далеко опередилъ

меня, а потомъ, сдѣлавъ кругъ, быстро пошелъ назадъ и остановился въ лѣсной чащѣ на склонѣ холма всего въ двадцати ярдахъ отъ собственного слѣда, проложеннаго не болѣе часа тому назадъ. Отсюда ему было прекрасно видно, кто его преслѣдуетъ, между тѣмъ какъ самъ онъ оставался невидимымъ. Когда я приблизился къ нему, быстро и молчаливо идя по глубокимъ слѣдамъ, запечатлѣннымъ на снѣгу, онъ пропускалъ меня мимо, стоя за мной, при чемъ успѣлъ какъ слѣдуетъ рассмотреть меня и фыркнуть вслѣдъ, а самъ скользнулъ какъ тѣнь, какъ разъ въ противоположную сторону. Къ несчастью сухая вѣтка, сломавшись, хрустнула въ снѣгу подъ его осторожнымъ копытомъ, и я, обернувшись увидѣлъ его, — и такимъ образомъ избѣжалъ долгаго круженія взадъ и впередъ по его коварному слѣду. Увидавъ, что хитрость его обнаружена, онъ пустился бѣжать во весь духъ по направленню къ открытой равнинѣ, со всей поразительной силой зрѣнія, слуха и неутомимыхъ ногъ спѣша спастись отъ человѣка, котораго онъ ошибочно принялъ за своего смертельнаго врага.

Было бесполезно преслѣдовать его далѣе и я присѣлъ на свалившуюся желтую березу отдохнуть и упиться окружающимъ меня величественнымъ безмолвіемъ и понаблюдать за всякимъ живымъ существомъ, которое прошло бы по холодному бѣлому лѣсу.

Вдругъ лиловые тѣни, мягко лежавшія подъ зеленой бахромой молодила, затрепетали, и бѣлый, какъ снѣгъ заяцъ, выскочилъ изъ-подъ

нависшихъ вѣтокъ. Длинными нервными прыжками, точно пучекъ проволочной пружины, проскакалъ онъ мимо меня черезъ узкій рукавъ между деревьями, направляясь внизъ по склону холма. Мягкія вѣтки ползучихъ сосенъ и еще болѣе мягкія тѣни подъ ними, казалось сами раздвигались, открывая ему свои

объятія. Потомъ все сразу замерло; вѣтки перестали качаться и кивать по сторонамъ, уже не падали съ деревьевъ мягкія снѣжныя подушечки, тѣни больше не дрожали и не плясали по снѣгу и въ зеленой каймѣ молодила, казалось, заговорили беззвучные голоса: — Тутъ нѣтъ никого, мы никого не видали, здѣсь никого нѣтъ.

— Однако, почему же онъ побѣжалъ сюда? — подумалъ я, потому что Моктаксъ* вѣдь сумасшедшій, взбалмошный господинъ и рѣдко поступаетъ дѣловито, не будучи къ этому вынужденнымъ. Пока я ломалъ себѣ голову, подъ лиловыми тѣнями, изъ-подъ которыхъ выскочилъ Моктаксъ, замелькали желтые огоньки, и свирѣпая круглая голова Канадской рыси высунулась изъ только что сдѣланнаго зайцемъ коридора. Ея большая сѣрая голова едва успѣла показаться, какъ тѣни подъ зеленой бахромой снова зашевелились, и вторая, за ней третья рысь, крадучись вышли изъ чащи; у меня захватило дыханіе, когда я увидалъ цѣлыхъ пять звѣрей, гордо выступавшихъ по узкой просѣлкѣ; всѣ они шли в рядъ, вытянувъ голову, острые глаза ихъ пронизывали лѣсной сумракъ словно золотые копья; онѣ соблюдали порядокъ торжественнаго шествія и вмѣстѣ съ тѣмъ поражали своей силой и свирѣпостью, а также и молчаливостью, словно это были какія-то призрачныя тѣни. Нервы мои напрягались при одной мысли, что бы было съ Моктаксомъ, если бы одна изъ нихъ замѣтила и напала на него. Не взявъ съ собой ружья, я самъ былъ радъ, что мнѣ удалось притаиться и сидѣть такъ, что дикіе звѣри прошли мимо, не замѣтивъ меня.

* Моктаксъ— Олень.

Рысь, находившаяся по срединѣ, старая свирѣпая самка шла по заячьему слѣду и въ ту же секунду меня осянула мысль, что это за рыси, и что онѣ дѣлають. Вотъ когда, наконецъ, раскрывалась тайна рысѣхъ шаекъ, которыя иногда встрѣчаешь въ лѣсахъ зимой, и которыя, случается, даже угрожаютъ человѣку нападеніемъ и поражаютъ васъ свирѣпостью, рѣдко проявляемой звѣрями этой породы, когда они странствуютъ въ одиночку.

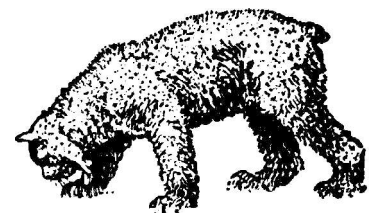

Вѣдь Эпвикисъ, хотя великъ ростомъ и злобенъ, въ душѣ все-таки увертливое, трусливое, вѣроломное созданіе,—какъ, вообще, всѣ кошки—и потому предпочитаетъ одиночество. Зная, что вся его порода характеромъ похожа на него, онѣ относится къ своимъ товарищамъ очень подозрительно, и боится, какъ бы при дѣлежѣ пойманной со-обща добычи, кто-нибудь другой не получилъ вмѣсто него львиной доли. Мнѣ никогда не приходилось встрѣчать правильнаго общественнаго устройства у животныхъ кошачьей породы, между тѣмъ какъ такое устройство преобладаетъ почти у всѣхъ остальныхъ звѣрей.

Зимой, однако, дѣло мѣняется. Тогда необходимость заставляетъ Эпвикиса отбросить свое кошачье себялюбіе и собираться въ шайки. Въ періоды, повторяющіеся каждые семь лѣтъ, особенно когда кролики выводятся въ лѣсахъ, благодаря болѣзни, отъ которой они массами вымирають, вы можете наткнуться на такую разбойничью шайку, бродящую по лѣсамъ, гдѣ водятся лани, или идущую по слѣдамъ стада канадскихъ свѣрновыхъ оленей; но до той минуты, какъ свирѣпое полчище рысей выступило изъ мрака стелющихся лиловатыхъ тѣней, на моихъ собственныхъ глазахъ, я никакъ не предполагалъ, что эти шайки почти неизмѣнно, какъ я впоследствии узналъ, состоятъ изъ одного семейства, которое держится вмѣстѣ всю зиму, такъ же, какъ молодые лани не покидаютъ своей матери до наступленія весны, ибо при ней имъ легче добыть себе пропитаніе, а превосходство ея силы помогаетъ имъ прокладывать дорогу въ глубокихъ снѣгахъ и спасаться отъ преслѣдующихъ ихъ по пятамъ враговъ.

Большая рысь, шедшая по серединѣ, и была мать; четыре другихъ рыси по-меньше были ея дѣтеныши; онѣ держались теперь вмѣстѣ отчасти для того, чтобы ихъ воспитаніе шло подъ ея личнымъ наблюденіемъ, но главнымъ образомъ для того, чтобы въ теченіе голоднаго зимняго времени, онѣ могли правильно охотиться соединенными силами, и, въ случаѣ нужды, справляться съ крупными животными, одолѣть которыхъ въ одиночку, имъ было бы не подъ силу.

Наткнувшись на свѣжій слѣдъ оленя, старая рысь, запустивъ въ снѣгъ свою крупную голову, долго и внимательно его обнюхивала. Въ одно мгновеніе весь рядъ сомкнулся вокругъ нея и всѣ рыси замерли и стали неподвижно, точно статуи, уткнувъ тупые носы въ отпечатокъ оленьяго копыта, доискиваясь чутьемъ, кто бы могъ тутъ недавно пройти. Старая рысь подняла голову и окинула взоромъ неподвижный рядъ своихъ дѣтенышей, потомъ, скрививъ ротъ подъ усами въ нѣчто, похожее на свирѣпую усмѣшку, двинулась дальше. Если бы тутъ собралось цѣлыхъ два десятка голодныхъ рысей, то онѣ едва ли рѣшились бы преслѣдовать такого сильнаго оленя, съ такимъ быстрымъ ходомъ. Только запахъ крови могъ бы ихъ увлечь по такому слѣду, да и то онѣ бы пошли неохотно; и даже настигнувъ оленя, онѣ бы не рѣшились напасть на него, а, присѣвъ съ важнымъ видомъ на заднія ноги, окружили бы его грознымъ сомкнутымъ кольцомъ, разинувъ пасти и плотоядно зѣвая, въ надеждѣ, что онѣ самъ скоро умретъ.

Но теперь, гдѣ-то тамъ впереди, скрывалась болѣе

легкая добыча. Казалось, чей-то беззвучный повелительный призывъ, пробѣжалъ по всему ряду, застывшихъ въ ожиданіи, молодыхъ рысей. Всѣ онѣ одновременно, какъ по командѣ подняли опущенныя головы, и шествіе продолжалось въ томъ же строгомъ порядкѣ. Когда послѣдняя рысь изъ отряда скрылась изъ глазъ въ кустарникъ нижней полосы участка, я быстро и безшумно побѣжалъ лѣсомъ по мягкому снѣгу и притаился подь соснами на низкомъ краю мысика, надѣясь еще разъ увидеть коварныхъ охотниковъ.

Мнѣ пришлось дожидаться очень недолго. Изъ-подъ наклонившейся вѣтки молодила выскочилъ Моктаксъ и понесся по открытой полянѣ къ слѣдующей лѣсной полосѣ. Ему вслѣдъ раздалось рычаніе, и старая рысь, завидѣвъ добычу, порывистымъ броскомъ кинулась за нимъ въ погоню, призывая свой отрядъ охотниковъ сомкнуть ряды.

Подобно бѣшенному порыву бури поскакали они огромными прыжками, заворачивая съ обоихъ концовъ такъ, чтобы отрѣзать путь къ спасенію бѣгущему зигзагами зайцу. Въ одно мгновеніе концы прямой лиши сошлись въ рѣзкомъ поворотѣ; еще мгновеніе, и Моктаксъ очутился въ центрѣ грознаго круга, вихремъ налетѣвшихъ на него звѣрей. Въ то время, какъ младшая изъ рысей бросилась, чтобы схватить добычу, неподвижно лежавшій на снѣгу заяцъ вскочилъ на ноги, словно подброшенный кверху дѣйствіемъ электрическаго тока, и высоко подпрыгнулъ надъ головой, подстерегавшаго его, страшнаго врага, стараясь вырваться изъ свирѣпаго, сомкнувшагося вокругъ него, кольца рысей. Но та рысь, черезъ голову которой онъ перепрыгнулъ, сдѣлала такой же быстрый прыжокъ вверхъ, схватила несчастную тварь прямо въ воздухѣ своими огромными лапами, вмѣстѣ съ нимъ повалилась на спину и въ ту же минуту скрылась подь грудой тѣлъ, набросившихся на нее какъ фуріи, рысей, отчаянно огрызавшихся и работавшихъ изо всѣхъ силъ лапами и когтями, чтобы добраться до лакомой добычи, погибавшей какъ разъ въ тотъ моментъ, когда спасеніе казалось такимъ близкимъ.

Тутъ началась ужасная свалка, и не успѣлъ я оглянуться, какъ отъ зайца не осталось и слѣда, и только рыси, все еще составлявшія свирѣпый кругъ, жадно облизывались и съ грознымъ рычаніемъ злобно посматривали другъ на друга, какъ бы стараясь узнать, на чью долю выпалъ самый крупный кусокъ.

Когда они, наконецъ, исчезли изъ виду, крадучись и снова вытянулись въ прямую линію по опушкѣ лѣса, я пошелъ по тропинкѣ имъ вслѣдъ, посмотрѣть, какъ онѣ охотятся. На протяженіи цѣлой мили, почти вплоть до самой моей стоянки, я шелъ по слѣдамъ и могъ убедиться, что онѣ исходили положительно весь лѣсъ въ поискахъ за дичью.

Они прошли все разстояніе, неизмѣнно выстроившись въ рядъ, почти не сбиваясь съ прямой линіи, поднимая на ходу всякое живое существо, попадавшее имъ на пути. То это былъ тетеревъ, за которымъ, повидимому, онѣ гнались, но промахнулись и перепуганной птиц удалось скрыться подь сумрачнымъ покровомъ сосенъ; то видно было, что рысь лазила на дерево и согнала оттуда кого-то въ снѣгъ, гдѣ остальные охотники, такъ подчистили все до мельчайшей крошки, что у меня не было никакой возможности догадаться, что за несчастная тварь попала къ нимъ въ лапы; но ясно было что свирѣпый охотникъ проявилъ не мало дикой отваги. Рысь, ползшая на дерево за дичью, всей своей тяжестью бросилась съ него внизъ на снѣгъ, сдѣлавъ въ немъ огромное углубленіе; очевидно она спѣшила опередить своихъ дикихъ товарищей, вихремъ налетѣвшихъ на умирающую добычу; они не оставили бы ей ни кусочка, опоздай она хоть на секунду. А вотъ тамъ, на другомъ концѣ прямого ряда, былъ поднять второй заяцъ, и побѣжалъ короткими кругами, какъ это часто дѣлають зайцы, былъ встрѣченъ и схваченъ четвертой

рысю, въ то время, какъ весь рядъ быстро заворачивалъ, чтобы отрѣзать ему путь. Много лѣтъ спустя, далеко въ глубинѣ Ренуйскихъ пустошей, мнѣ пришлось наблюдать еще болѣе удивительный способъ охоты у тѣхъ же рысей. Съ вершины холма, поднимавшагося надъ небольшою полосой пустынного пространства, я увидѣлъ стадо канадскихъ сѣверныхъ оленей, странное поведете которыхъ меня поразило; и я поспѣшилъ пуститься внизъ, чтобы разслѣдовать, въ чемъ дѣло. Когда я дошелъ до густого кустарника, окаймлявшаго равнину, я увидѣлъ, что олени тревожно столпились у основанія большой скалы, возвышавшейся надъ поляной, не болѣе какъ въ двухстахъ ярдахъ отъ меня. Очевидно, тамъ было что-то, сильно возбуждавшее ихъ любопытство — надо сказать, что эти сѣверные олени принадлежатъ къ числу самыхъ любопытныхъ животныхъ среди всѣхъ лѣсныхъ жителей; однако, мнѣ пришлось внимательно разглядывать всю скалу въ бинокль, прежде чѣмъ удалось различить на ней круглую свирѣпую голову крупной рыси, плотно прижавшейся къ сѣрому камню. Одна сторона скалы возвышалась надъ равниной почти перпендикулярно, приблизительно на пятнадцать, двадцать футовъ; другая сторона ея образовала менѣе крутой спускъ по направленію къ лѣсу; и большая рысь, пришедшая, вѣроятно, изъ лѣсу и вскарабкавшаяся на скалу, чтобы оттуда удобнѣе подкарауливать оленей, теперь на половину свѣсилась за край скалы, и поматывая своей страшной головой изъ стороны въ сторону, вытягивала то одну, то другую мощную лапу по направленію къ стоявшимъ внизу оленямъ.

Олени все больше и больше волновались и любопытство ихъ росло съ каждой минутой. Въ этомъ отношеніи они сильно напоминаютъ индѣекъ; когда они видятъ, что-нибудь новое, они готовы умереть, лишь бы имъ узнать, что это такое. Теперь они то сходились, то расходились, то приближались, то удалялись отъ скалы, тревога ихъ возростала; настороживъ уши и вытянувъ морды, они не отводили глазъ отъ страннаго, прилипшаго къ скалѣ предмета, и понемногу подходили къ нему все ближе и ближе.

Вдругъ рысь спрыгнула со скалы, не на оленей, такъ какъ они находились еще слишкомъ далеко отъ нея, но просто въ воздухъ, и при этомъ широко разставивъ лапы, упала въ снѣжный сугробъ, сдѣлала нѣсколько бѣшеныхъ круговъ и, наконецъ, двумя сильными прыжками безшумно скрылась подъ сѣною ближняго кустарника. Олени испуганно разсыпались по сторонамъ, при видѣ столь страннаго зрѣлища, но потомъ тотчасъ же вернулись посмотреть, что это ихъ такъ испугало. Однако, ничего не было видно вокругъ, и они стали робко приближаться, точно стадо глупыхъ барановъ, обнюхивая снѣгъ и настораживая уши на скалу; а тамъ, на вершинѣ уже снова появилась старая рысь, все такъ же ворочая головой изъ стороны въ сторону и поочередно вытягивая надъ оленями то одну, то другую лапу, словно хвалясь ихъ красотой и силой.

Потихоньку стадо приблизилось къ скалѣ, а рысь подалась назадъ, какъ бы заманивая оленей подойти поближе. Олени сгорали отъ любопытства, но они уже видѣли первый прыжокъ, убѣдились, насколько онъ былъ страшенъ и потому держались на почтительномъ разстояніи. Затѣмъ одинъ молодой олень отдѣлился отъ товарищей и пошелъ вдоль лѣсной опушки, обнюхивая снѣгъ и видимо стараясь напасть на слѣдъ страннаго звѣря или подойти къ скалѣ съ той стороны, откуда дулъ вѣтеръ, и такимъ образомъ съ помощью обонянья — единственное изъ всѣхъ пяти чувствъ, которое у оленя сильно развито, — узнать въ чемъ дѣло. Между тѣмъ на вершинѣ скалы клочки сухой

травы зашевелились, словно отъ дуновенія ветерка; я тотчасъ же навелъ туда бинокль и въ волненіи притаилъ дыханіе; я различилъ уши съ кисточками на концахъ, принадлежавшія еще двумъ или тремъ рысямъ, вплотную растянувшимся на высокой скалѣ; оставаясь совершенно незамѣтными для глазъ глупаго стада оленей, онѣ слѣдили за каждымъ ихъ движеніемъ злыми, желтыми неморгающими глазами.

Молодой олень нашелъ слѣдъ, уткнулся въ него носомъ, потомъ осторожно пошелъ назадъ по направленню къ скалѣ, съ цѣлью обнюхать другую дыру въ снѣгу и убѣдиться, что она пахнетъ совершенно такъ же, какъ и первая

На вершинѣ скалы большая рысь подалась назадъ, все стадо столпилось кучкой, высоко поднявъ голову и слѣдя за тѣмъ, что она дѣлаетъ, а молодой олень подкрался и снова уткнулся носомъ въ свѣжій слѣдъ. Тутъ три живыхъ катапульти сорвались съ крутого края скалы и упали прямо на него. Съ быстротой молніи старая рысь поднялась на ноги, вытянулась во весь ростъ и испустила дикій торжествующій вопль вслѣдъ убѣгавшему стаду. А вслѣдъ за этимъ и она ринулась внизъ со скалы, вцѣпилась прямо въ затылокъ старавшемуся вырваться молодому оленю, и поволокла его по снѣгу.

Эпвикисъ глупъ отъ природы. Онъ такъ же глупо суетъ свою большую голову въ проволочную ловушку, какъ любой кроликъ, а потомъ бѣшено дерется съ длиннымъ шестомъ, привязаннымъ къ другому концу западни, пока самъ себя не задушитъ. Но невозможно хладнокровно наблюдать его удивительную погоню за дичью по снѣгу; или безъ біенія сердца сидѣть подь соснами и наблюдать за его охотничьими приѣмами, по хитрости живо напоминающими лисьи; нельзя не отнестись съ уваженіемъ къ этому скользящему съ легкостью тѣни создание, оставляющему за собой круглые большіе слѣды, которые разбѣгаются по всѣмъ направленіямъ въ занесенныхъ снѣгомъ лѣсахъ; нельзя не задуматься надъ дикой школой, въ которой самка Эпвикисъ взращиваетъ и воспитываетъ своихъ дѣтенышей.

ТОЛСТЯКЪ КДУНКЪ

Толстякъ Кдункъ, какъ называетъ его Симмо, вышелъ изъ своей зимней норки въ то самое утро, когда пасторъ Джемсъ только что успѣлъ разрыхлить землю въ одной изъ своихъ цвѣточныхъ клумбъ. Это было въ началѣ апрѣля и первый ароматъ ранней весны стоялъ въ воздухѣ, тотъ нѣжный голосъ матери-земли, которымъ она зоветъ своихъ сонныхъ дѣтей проснуться поскорѣе, выйти на волю и приняться за дѣло.

Пасторъ Джемсъ потянулъ носомъ, вдыхая весенній воздухъ и, вспомнивъ при этомъ свое дѣтство, какъ бываетъ со всѣми при наступленіи весны, рѣшилъ отправиться на рыбную ловлю, какъ только окончитъ утреннее чтеніе газеты. Жена его тоже почувала запахъ весны, вышла за дверь, вздохнула полной грудью и воскликнула: — Ну, не чудесный ли, сегодня, день! — Потомъ взялась за скребокъ — когда мужчину потянетъ на рѣку за первой форелью, женщина, побуждаемая тѣмъ же внутреннимъ влеченіемъ, непременно начнетъ копать въ землѣ — и направилась къ клумбамъ. Черезъ секунду ея взволнованный голосъ уже доносился въ комнаты черезъ открытое окно:

— Дже-е-е-мсъ? Джемсъ! — раздалось сначала протяжно-вопросительно, а потомъ уже болѣе рѣшительно, — что ты сѣялъ на этой клумбѣ?

— А что? — откликнулся пасторъ Джемсъ, смѣшно щурясь черезъ очки, у открытаго окна, — мнѣ кажется, я сѣялъ портулакъ.

— Такъ вотъ выйди и полюбуйся, что у тебя возшло, — сказала жена. Удивленный старичекъ подошелъ къ дверямъ и растерянно заморгаль, увидѣвъ трехъ жирныхъ жабъ, такъ же моргавшихъ отъ яркаго солнечнаго свѣта, и огромную черепаху, барахтавшуюся и съ негодованіемъ шипѣвшую въ большой дырѣ, вырытой въ самой середкѣ его клумбы.

Лукавая, плутовская искорка вспыхнула подъ очками стараго священника, когда онъ взглянулъ на странные всходы, показавшгесе за ночь.

— Что человекъ посѣетъ, что человекъ посѣетъ, — тихонько повторялъ онъ, какъ бы про себя, вопросительно поглядывая на жабъ и слегка пихая въ бокъ черепаху, но тотчасъ же отдергивая руку при видѣ крючковатаго клюва и при звукахъ злобнаго шипѣнія. Затѣмъ, не имѣя у себя въ библіотекѣ книги, которая бы могла удовлетворительно объяснить это удивительное явление, онъ остановилъ бѣжавшаго въ школу маленькаго мальчика и послалъ его ско-

рѣ ко мнѣ, съ приглашеніемъ притти и разъяснить ему этотъ необыкновенный случай.

Дѣло въ томъ, что три жирныхъ жабы также почуяли весну въ своей мягкой норѣ подъ луговиной, куда зарылись прошлой осенью на зимнюю спичку. Когда пасторъ Джемсъ поднялъ дернъ, онѣ оттаяли подъ лучами теплаго солнышка, которое принесло имъ радостную вѣсть о наступленіи весны; узнавъ объ этомъ, онѣ быстро полѣзли на поверхность, полныя новой жизни, словно никогда и не лежали замерзшими, безчувственными деревяшками въ продолженіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ. Что же касается, большой черепахи, то запахъ свѣжей земли, вѣроятно выманилъ ее изъ сосѣдняго пруда искать гнѣзда, куда бы она могла нанести яицъ. Найдя мягкую теплую землю на клумбѣ съ портулакомъ, она стала рыться въ ней и положила себѣ путь вглубь, при чемъ рыхлая земля сыпалась на нее и скрывала ее по мѣрѣ того, какъ она углублялась внизъ. Когда зоркій женскій глазъ окинулъ клумбу, онъ сразу открылъ углубленіе посрединѣ, указывавшее на чью-то небрежную работу. — Эту дыру надо сравнять, — быстро рѣшила мистриссъ Джемсъ, но сначала, какъ настоящая женщина, она глубоко воткнула въ нее скребокъ. — Ага! камень — вотъ нерадивый человѣкъ, — изрекла она приговоръ, еще глубже засунувъ скребокъ и обѣими руками напирая на твердый предметъ. Тутъ изъ земли показалась большая черепаха, шипя, брыкаясь, клювомъ и когтями, изъясняя свой протестъ на такое насильственное удаленіе изъ лучшаго гнѣзда, какое ей удавалось найти въ столь раннее время года.

Въ эту ночь странные звуки раздавались въ травѣ и сухихъ листьевъ, — какое-то шуршаніе, кваканіе и хриплыя трели, въ то время, какъ жабы по парно и по три за разъ, бодро подвигались въ припрыжку къ ближнему пруду. Онѣ ползли со всѣхъ сторонъ изъ сада, съ луговины и изъ лѣсу, и со старой кирпичной стѣны, квакая и заливаясь трелями въ тихія весеннія сумерки и восторженно подпрыгивая, какъ только до нихъ доносился запахъ изъ воды. Онѣ лѣзли по берегамъ, скользя, скатываясь, и кувыркаясь другъ черезъ друга, лишь бы только поскорѣ спуститься, съ радостнымъ всплескомъ воды попадая, наконецъ, на теплыя отмели, гдѣ онѣ тотчасъ принимались царапать и кусаться другъ съ другомъ, вступая въ какую-то смѣшную борьбу и состязаніе, приемы, которыми жабы рѣшаютъ всѣ свои ссоры и отбиваютъ подругъ у соперниковъ. Онѣ оставались въ пруду въ теченіе двухъ или трехъ дней, наполняя воздухъ громкимъ булькающимъ кваканьемъ и оставляя въ водѣ безконечныя нити, окутанныхъ клейкой студенистой пленкой яицъ, въ такомъ огромномъ количествѣ, что весь прудъ до самыхъ краевъ былъ бы наполненъ головастиками, если бы не вмѣшательство матери-природы, которая своей милосердной рукой устраняла, по крайней мѣрѣ, девяносто процентовъ всей этой массы уже черезъ нѣсколько дней послѣ выхода головастиковъ изъ яицъ, а остальныхъ заставляла усердно поѣдать другъ друга, по мѣрѣ того, какъ они подростали; такъ что, въ концѣ концовъ, каждый головастикъ одной своей особой представлялъ больше сотни своихъ товарищей, которыхъ поглотилъ въ періодъ своего развитія. Но уже задолго до этого времени взрослые жабы покинули прудъ, и разбрелись на всѣ четыре стороны, оставивъ свое потомство на произволъ судьбы. Тогда-то толстякъ Кдункъ снова вернулся къ клумбѣ съ портулакомъ.

Мистриссъ Джемсъ увидала его на клумбѣ въ слѣдующее утро — большую бородавчатую сѣрую жабу, съ расплывшимся въ широкую улыбку ртомъ, съ толстымъ брю-

хомъ и сверкавшими, какъ алмазь глазами,— сонно моргавшую ими послѣ ночной охоты.

— Батюшки! опять эта противная жаба. Я надѣюсь,—осторожно оглядѣлась она по сторонамъ, — я надѣюсь, что она не привела съ собой черепахи.

Она пихнула Кдунка скребкомъ, стараясь согнать его съ клумбы, въ отвѣтъ на что Кдункъ забрался въ свою норку подъ нависшимъ кускомъ дерна и ни за что не хотѣлъ выходить оттуда, хотя и получалъ толчки скребкомъ; но рука, направлявшая это орудіе противъ него, была слишкомъ нѣжна, чтобы причинить ему боль. Такъ онъ тамъ и оставался, молчаливо ополчившись противъ скребка, пока я, случайно проходя мимо, не убѣдилъ добрую даму, что она напрасно, такъ упорно старается изгнать изъ клумбы самаго лучшаго друга, котораго когда-либо имѣли ея цвѣты. Съ тѣхъ поръ Кдункъ мирно поселился на клумбѣ, и мы всѣ стали наблюдать за нимъ.

Его первой заботой было устройство нѣсколькихъ норокъ въ разныхъ мѣстахъ сада, гдѣ онъ могъ бы прятаться. Большею частью это были просто углубленія въ рыхлой землѣ, въ которыя Кдункъ садился и закрывалъ глаза при приближеніи враговъ. Цвѣтъ его кожи скоро совершенно измѣнился и почти не отличался отъ цвѣта окружавшихъ его предметовъ; такъ что, когда онъ смиренно лежалъ, закрывъ блестящіе глаза, въ одной изъ своихъ многочисленныхъ норокъ, найти его почти не было никакой возможности. Но послѣ того, какъ раза два или три его потревожила комнатная собака — толстая, страдающая одышкой, маленькая моська, всегда приходившая въ страшное волненіе, какъ только Кдункъ выходилъ погулять и попрыгать по вечерамъ, но никогда не рѣшавшаяся дотронуться до скользкаго предмета, хотя она и поднимала на него отчаянный лай,— онъ нарылъ еще норку подъ пластами дерна возлѣ скалы, куда мопсу трудно было до него добраться, такъ какъ отъ усиленнаго движенія онъ совершенно задышался.

Наша дружба началась съ того, что мы стали чесать ему спину палочкой, и это ему такъ нравилось, что онъ надувался и кричалъ отъ удовольствія. Но никогда нельзя было отгадать, въ какой моментъ это удовольствіе начинало ему пріѣдаться, или когда его самолюбіе неожиданно бывало задѣто, и онъ въ страшномъ гнѣвѣ въ припрыжку удалялся въ садъ. Тогда мы угощали его мухами и маленькими кусочками мягкаго мяса, которые шевелили передъ нимъ стебелькомъ, чтобы они казались ему живыми. Въ то же самое время мы насвистывали ему какую-нибудь мелодію, чтобы дать ему понять, что ужинъ готовъ и ждетъ его. Постепенно, путемъ кроткаго и ласковаго обхожденія и баловства, онъ сдѣлался совершенно ручнымъ, и стоило ему слышать свистъ, какъ онъ уже вылѣзалъ изъ-подъ ступеньки крыльца, гдѣ проживалъ днемъ, и весело направлялся къ намъ въ припрыжку, зная, что мы его будемъ кормить или поиграемъ съ нимъ.

Хотя у Кдунка было много интересныхъ чертъ, которыя мы съ удивленіемъ открывали въ лѣтніе дни, по мѣрѣ того, какъ росло наше знакомство съ нимъ, но мнѣ кажется, что самымъ обильнымъ источникомъ нашего восторга и удивленія служила его манера ѣсть и всевозможныя штуки, которыя онъ при этомъ выкидывалъ. Стоило толь-

ко посмотрѣть на него, когда онъ выслѣживалъ муху, чтобы васъ охватило волненіе, вродѣ того, которое вы испытываете, принимая участіе въ охотѣ на оленя. Часто, когда онъ сидѣлъ у пенька или близъ большого кома земли въ полумракѣ угасающаго лѣтняго дня, какая-нибудь запоздалая муха или наоборотъ, слишкомъ рано вылетѣвшій ночной жучекъ опускался на землю передъ нимъ.

Тотчасъ же алмазные глазки Кдунка загорались и сверкали радостнымъ огонькомъ. Онъ присѣдалъ и подползалъ поближе, переваливаясь совершенно какъ утка, одной уморительной лапкой цѣпляясь за другую, крадучись съ осторожностью настоящей кошки,

подстерегающей птичку на стѣнѣ. Потомъ, когда дичь была уже совсѣмъ близко, глаза его загорались еще ярче и красненькая узкая полоска мелькала въ воздухѣ съ такой поразительной быстротой, что вашъ глазъ не въ силахъ былъ услѣдить за ней, и муха мгновенно исчезала. Послѣ этого Кдункъ что-то съ шумомъ проглатывалъ, торжественно закрывъ глаза, словно читая про себя благодарственную молитву; можно было думать, что когда онъ закрывалъ глаза на весь окружающій міръ, то проглоченный кусочекъ казался ему еще вкуснѣе. Красная полоска была, разумѣется, ничто иное какъ языкъ Кдунка, въ которомъ и заключается весь секретъ его охотничьихъ приѣмовъ. Онъ прикрѣпленъ къ внѣшнему краю его рта и складывается, заворачиваясь назадъ въ горло. Внутренній кончикъ языка широкъ, мягокъ и покрытъ клейкимъ веществомъ, и онъ можетъ по желанію выпускать и собирать его назадъ съ такой же быстротой, какъ и ящерица. Стоитъ языку коснуться до какого-нибудь злосчастнаго насѣкомаго, какъ это послѣднее навѣки перестаетъ надобдаться человѣку. Клейкій языкъ подхватываетъ и убираетъ его въ широкій ротъ Кдунка съ такой быстротой, что оно не только не успѣваетъ двинуть крыломъ, но ему даже нѣтъ времени сообразить, что собственно съ нимъ случилось.

Однажды я видѣлъ, какъ Кдункъ охотился за кузнечикомъ, большимъ, шустрымъ зеленымъ молодцомъ, который какимъ-то необыкновенно размашистымъ скачкомъ выпрыгнулъ изъ-подъ защиты высокой травы, и очутился на темной землѣ прямо противъ Кдунка тамъ, гдѣ онъ занимался ловлей мухъ, прилетавшихъ цѣлыми роями на положенную мною для нихъ приманку. Кдункъ тотчасъ же оставилъ мухъ и обратилъ все свое вниманіе на болѣе крупную дичь. Не успѣлъ языкъ его съ обычной стремительностью вылетѣть въ воздухъ, какъ кузнечикъ, заподозрѣвъ что-то неладное, сдѣлалъ скачокъ, стараясь попасть въ надежное пристанище. Мягкій языкъ промахнулся по немъ на одинъ волосокъ, но задѣлъ его за одну изъ волочащихся длинныхъ ногъ и отбросилъ его въ сторону. Въ ту же секунду Кдункъ уже опять бросился за нимъ, ноги его отчаянно цѣплялись за траву, глаза горѣли, а языкъ показывался тонкой огненной ленточкой и вновь прятался. Кузнечикъ только что собралъ всѣ силы для гигантскаго прыжка, какъ языкъ ударилъ его, и больше я ничего не видалъ. На этотъ разъ Кдункъ глоталъ и давился еще усерднѣе, глаза его оставались закрытыми дольше обыкновеннаго, и какое-то громкое протестующее шуршанье слышалось у него въ горлѣ, точно длинные ноги кузнечика, брыкаясь, ползли по дорогѣ туда, откуда нѣтъ возврата.

Крупная гусеница, которую я однажды нашелъ и принесъ Кдунку, доставила намъ всѣмъ возможность сдѣлать нѣсколько крайне интересныхъ наблюдений. Гусеница эта была волосатое созданіе, словно щетиной сплошь покрытое довольно жесткими колючими волосами, и я очень сомнѣвался, чтобы на языкѣ Кдунка оказалось достаточно слизи, къ которой она могла бы прилипнуть. Но у Кдунка не было ни малѣйшихъ сомнѣній на этотъ счетъ. Онъ выбросилъ языкъ и важно закрылъ глаза. Одновременно съ этимъ и я увидѣлъ, что гусеница какъ-то съежилась и еще больше ошетибилась. Тутъ обнаружилось нѣчто очень любопытное, а именно: ротъ у Кдунка такъ великъ, а добыча его обыкновенно такъ мелка, что онъ совершенно не чувствуетъ, какой вкусъ имѣетъ

попадающій къ нему въ ротъ кусокъ; онъ просто машинально его проглатываетъ, словно удачная ловля дичи для него столь обыкновенное дѣло, что ему и въ голову не приходитъ мысль о возможности когда-нибудь промахнуться. Когда онъ открылъ глаза и увидѣлъ гусеницу на томъ же самомъ мѣстѣ, онъ, очевидно, подумалъ, что это другая, таинственно прилетѣвшая къ нему на крыльяхъ, какъ мухи на мою приманку. Снова показался красный языкъ, а глаза опять закрылись при восторженномъ заглатываньи воображаемой добычи. Но только онъ открылъ глаза, а ужъ передъ нимъ сидѣла третья гусеница. Ни одна жаба въ мірѣ никогда еще не встрѣчала такой полной гармоніи между спросомъ и предложеніемъ. Снова и снова вылеталъ языкъ, и каждый выстрѣлъ сопровождался закрытіемъ глазъ и довольнымъ глоткомъ. Въ теченіе всей этой непрерывной стрѣльбы Кдункъ былъ убѣжденъ, что ему попадаютъ все новыя и новыя гусеницы, а волосатая тварь тѣмъ временемъ все больше и больше щетинилась, точно ежъ.

Но при каждомъ новомъ выбрасываньи языка, на ней накапливалось все больше и больше слизи. — Это гусеница уже черезчуръ заважничала, ей недолго жить, — рѣшилъ маленькій Джонни, слѣдившій вмѣстѣ со мной за охотой, и едва успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ волосатый шарикъ влетѣлъ въ большой ротъ, широко раскрытый какъ бы въ ожиданіи его прибытія, а затѣмъ Кдункъ спокойно вернулся къ прежней охотѣ на мухъ.

Отсутствіемъ вкусовыхъ ощущеній у Кдунка можно, по всей вѣроятности, объяс-

нить поразительное разнообразіе поглащаемой имъ пищи. Онъ не пропускалъ ни одного вида, ни одной породы насѣкомыхъ. Мухи, осы, сверчки, гусеницы, клопы, жуки, шмели всевозможныхъ породъ привѣтствовались однимъ и тѣмъ же выбрасываніемъ языка и проглатывались съ тѣмъ же довольнымъ видомъ. Человѣкъ шесть дѣтей— мальчиковъ и дѣвочекъ, вмѣстѣ со мной наблюдавшихъ за нашимъ баловнемъ, напрасно напрягали свои мозги, пытаясь отыскать что-нибудь, чтобы онъ нашелъ несъѣдобнымъ. Одинъ мальчикъ, собирая бруснику, принесъ нѣсколько противныхъ мелкихъ клоповъ, НЕ имѣющихъ особаго названія, но хорошо извѣстныхъ каждому деревенскому мальчику, и обладающихъ тѣмъ же свойствомъ, какъ и вонючка, именно, испускать одуряющій запахъ, какъ только ихъ потревожатъ; мальчикъ этотъ думалъ, что онъ перехитрилъ, наконецъ, нашего любимца; но не тутъ-то было: Кдункъ проглотилъ клоповъ съ особеннымъ удовольствіемъ, точно ихъ спеціально доставили ему, какъ особое лакомство, для возбужденія аппетита. Другой принесъ картофельныхъ клоповъ, но и они оказались по вкусу Кдунку. Наконецъ, третій мальчикъ, завѣдывавшій огородомъ, побѣждалъ за чѣмъ-то, потряхивая головой, и говоря, что у него приготовлено нѣчто такое, чего не въ состояніи съѣсть ни одно живое существо. Когда онъ вернулся, у него въ рукахъ была бутылочка, сдѣланная изъ корешка хрѣна, которая буквально кишѣла тыквенными клопами; штукъ двадцать или тридцать этихъ отвратительно пахнущихъ насѣкомыхъ онъ выбросилъ на землю и расшевелилъ палкой.

Кто-то изъ дѣтей побѣждалъ и притащилъ Кдунка изъ одного изъ его многочисленныхъ убѣжищъ, и положилъ его на землю передъ двигающейся массой насѣкомыхъ. Съ секунду онъ, какъ будто, съ удивленіемъ смотрѣлъ на предложенное ему блюдо. Потомъ присѣлъ, нагнулся, и красный язычекъ усердно принялся за дѣло. Черезъ четыре минуты, по часамъ, всѣ живые клопы исчезли, а съ остальными Кдункъ покончилъ, какъ только мы стали шевелить ихъ соломинкой, чтобы заставить ихъ казаться живыми.

Мы бросили напрасныя старанія побѣдить его разнообразный вкусъ и задались цѣлью, казавшеюся намъ очень легкой, узнать: сколько насѣкомыхъ онъ можетъ съѣсть, пока не запроситъ пощады. Но и тутъ мы не могли справиться съ Кдункомъ; никто изъ насъ въ отдѣльности, ни всѣ вмѣстѣ, никакъ не могли добраться до предѣльной точки его аппетита. Одинъ разъ мы скормили ему девяносто жучковъ, собранныхъ съ розановъ. Въ другой разъ, когда собрались три мальчика къ одному и тому же часу, мы сложили вмѣстѣ весь нашъ уловъ, представлявшій весьма разнообразное собраніе мухъ, жуковъ и всевозможныхъ ползающихъ тварей—всего сто шестьдесятъ четыре штуки. До вечера Кдункъ поѣлъ ихъ всѣхъ и ушелъ въ припрыжку въ садъ на вечернюю ловлю, какъ ни въ чемъ не бывало.

Позднѣ мы придумали другой способъ и заставляли дичь прилетать къ Кдунку на собственныхъ крыльяхъ, вмѣсто того, чтобы бѣгать искать и ловить ее по всѣмъ закоулкамъ. Близъ гумна находилась заброшенная сточная канава, гдѣ завелось такое количество мухъ, которое вынуждало насъ принять серьезныя санитарныя мѣры. Здѣсь я смастерилъ небольшую проволочную клѣтку, въ которую положилъ мертвую крысу и кое-какіе объѣдки со стола. Когда полуденное солнце стало припекать и отбросы стали издавать запахъ, къ нимъ начали слетаться большія мухи съ громкимъ жужжаньемъ, которое, повидимому, служило сигналомъ для ихъ товарищей; обыкновенно тѣ же самыя мухи летаютъ совершенно безшумно, но

лишь только онѣ найдутъ кусочекъ падали, куда онѣ кладутъ свои яички, онѣ начинаютъ громко издавать жужжанье, которое слышать другія мухи. Такимъ образомъ, важное извѣстіе распространяется очень быстро—или по крайней мѣрѣ жужжаніе этому способствуетъ—и мухи слетаются отовсюду.

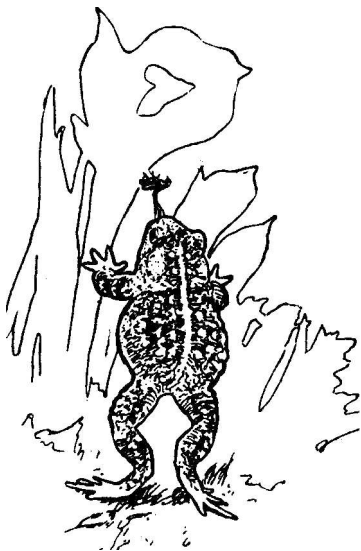
Въ три часа я оторвалъ Кдунка отъ размышлений, которымъ онъ безмятежно предавался подъ ступеньками крыльца, и посадилъ въ клѣтку, заслонивъ его глаза ревеннымъ листомъ отъ чрезчуръ ослѣпительныхъ лучей солнца. Потомъ я взялъ часы, и сѣвъ на камень, сталъ считать.

Въ течете первыхъ десяти минутъ Кдункъ поймалъ не болѣе дюжины мухъ. При яркомъ солнечномъ свѣтѣ, онѣ его остерегались, да и онъ какъ-то еще недостаточно оживился. Но спустя нѣкоторое время онъ присѣлъ между мертвой крысой и кусочками ѣды, устроилъ себѣ углубленіе, въ которомъ онъ могъ незамѣтно поворачиваться, и игра краснымъ язычкомъ началась по-настоящему. Въ теченіе слѣдующаго получаса онъ поймалъ шестьдесятъ шесть мухъ, т.-е., среднимъ числомъ болѣе двухъ мухъ въ минуту. Въ часъ онъ дошелъ до ста десяти, и до того времени, какъ я его покинулъ, онъ уничтожилъ еще дюжины двѣ нашихъ враговъ. Послѣ этого мухи перестали прилетать, стало прохладнѣе, и я унесъ его на крыльцо. Въ эту ночь онъ, хотя и нѣсколько позднѣе обыкновеннаго, но все же вышелъ въ садъ продолжать свою великолѣпную работу. Когда появились лѣтніе свѣтлячки мы увидали другой, не менѣе любопытный родъ охоты. Однажды ночью, сидя на крыльцѣ въ мягкомъ сумракѣ, я увидѣлъ перваго свѣтлячка, горѣвшаго въ травѣ, и пошелъ за нимъ, чтобы посадить его въ видѣ украшенія въ волосы одной изъ дамъ. Протянувъ руку подъ кустъ, я увидалъ, что свѣтъ погасъ, а рука моя, вмѣсто свѣтлячка наткнулась на Кдунка. Онъ также увидѣлъ свѣтъ, и тотчасъ же пошелъ охотиться на огонекъ.

Нѣсколько позже я поймалъ свѣтлячка, посадилъ его въ крошечную стеклянку и бросилъ ее прямо передъ Кдункомъ въ то время, какъ онъ выходилъ на луговину поздно вечеромъ. Увидѣвъ свѣтъ черезъ стекло онъ тотчасъ же направилъ на него языкъ. Такъ же, какъ и при ловлѣ волосатой гусеницы, онъ закрылъ глаза, глотая воображаемый лакомый кусочекъ, а когда онъ ихъ открывалъ, передъ нимъ появлялись все новые свѣтляки, какъ разъ на томъ же мѣстѣ,

гдѣ былъ и первый. Такимъ образомъ маленькій пузыречекъ скакалъ у него по травѣ, подталкиваемый его языкомъ, а онъ тѣмъ временемъ глоталъ, закрывая и открывая глаза, до тѣхъ поръ, пока у свѣтляка не закружилась голова отъ такой непрерывной качки въ странной клѣткѣ, и онъ, сложивъ крылышки, не спряталъ своего огонька. Кдункъ послѣ этого поскакалъ дальше, несомнѣнно размышляя по своему, что хотя свѣтляки и очень часто попадались въ эту ночь, и охота за ними чрезвычайно интересна, однако они плохо отвѣчаютъ нуждамъ голоднаго желудка; и ихъ никакъ нельзя сравнить съ тѣмъ ужиномъ, который онъ могъ бы получить, прыгая за насѣкомыми, скрывающимися на нижней сторонѣ листьевъ cadaго растенія въ саду.

Мнѣ не приходилось больше убѣждать добрую мистриссъ Джэмсъ въ томъ, что Кдункъ ея вѣрный другъ.

Она даже заплатила одному маленькому мальчику по десяти центовъ за каждую жабу съ тѣмъ, чтобы онъ поймалъ шесть штукъ и выпустилъ въ садъ на помощь Кдунку въ его полезной работѣ. И садъ процвѣталъ на славу, благодаря скромной маленькимъ помощникамъ. Но кромѣ практической полезности у Кдунка было много другихъ качествъ; онъ всегда продѣлывалъ самыя неожиданныя вещи, заставлявшія насъ съ величайшимъ наслажденіемъ слѣдить за нимъ, выжидая, что-то будетъ дальше. Какъ я уже сказалъ, онъ скоро научился приходить на зовъ; но мало того, онъ былъ страшный охотникъ до музыки. Стоило вамъ только начать потихоньку насвистывать какую-нибудь пѣсенку, какъ онъ смирно усаживался и внимательно слушалъ до конца, прежде чѣмъ отправиться на ночную охоту. Притомъ, если вы мѣняли мотивъ или свистѣли фальшиво, онъ тотчасъ же удалялся, словно больше въ васъ не нуждаясь.

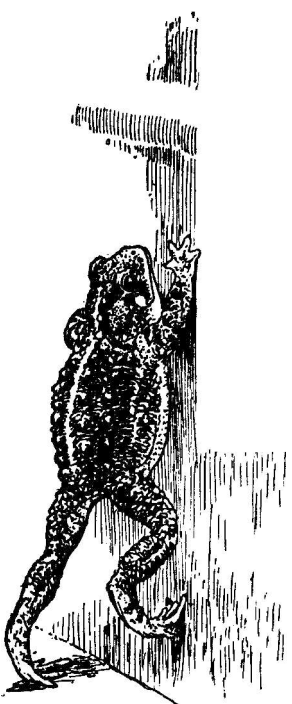
Иногда, по вечерамъ, молодежь собирались на крыльцѣ и пѣла хоромъ, что часто выманивало Кдунка изъ его убѣжища подъ ступенькой, и однажды, даже заставило его поспѣшно прискакать изъ сада, куда онъ за часъ передъ тѣмъ удалился поискать ужина. Повидимому онъ больше всего любилъ, когда исполняли церковные

гимны, потому что во время ихъ исполненія, онъ сидѣлъ не шевелясь, точно творилъ молитву, что ужасно радовало пастора Джэмса, — но легкомысленную и плохую музыку онъ положительно ненавидѣлъ, судя по его поведенію во время ея исполненія и потому, что онъ тотчасъ же удалялся, когда мелодія не производила на него впечатлѣнія или не нравилась ему.

Однажды вечеромъ одна молодая дѣвушка, обладавшая необыкновенно пріятнымъ голосомъ, пѣла у выходившаго на крыльцо окна. На этотъ разъ, чтобы доставить удовольствіе стариками, она пѣла простыя старинныя мелодіи, которыя они больше всего любили. Близъ окна стоялъ рояль, на которомъ тихо аккомпанировали пѣнію. Легкое шуршаніе въ травѣ привлекло мое вниманіе и я увидалъ Кдунка, тщетно старающегося влѣзть на ступеньку. Я потихоньку обратилъ вниманіе мистриссъ Джэмсъ на страннаго гостя и помогъ ему взобраться на террасу. Онъ пошелъ вдоль периль, пока не подошелъ совсѣмъ близко къ пѣвицѣ, гдѣ и сидѣлъ все время неподвижно, весь обратясь въ слухъ, пока она не перестала пѣть. Въ этотъ вечеръ она такъ и не замѣтила самаго маленькаго изъ своихъ слушателей.

Въ продолженіе лѣта это повторялось два или три раза. Голосъ дѣвушки обладалъ

особой притягательной силой для нашего простоватаго любимца, и едва только раздавались первыя звуки ея нѣжнаго пѣнія, какъ онъ поспѣшно выходилъ изъ своего убѣжища и старался взобраться на ступеньки. Когда я бралъ его на крыльцо, онъ тотчасъ же садился рядомъ съ пѣвицей и сидѣлъ смирно, слушая и наслаждаясь, до тѣхъ поръ, пока она не прекращала пѣнія. Однажды вечеромъ, когда онъ скромно и внимательно прослушалъ двѣ, спѣтыхъ ею пѣсни, попросили спѣть одного тенора, учившагося пѣнію въ Нью-Йоркѣ, и иногда выступавшаго въ концертахъ. Онъ охотно согласился и тотчасъ же запѣлъ какую-то ужасно немзыкальную вещь. Если бы Кдункъ былъ нѣмцемъ-капельмейстеромъ, онъ не могъ бы быстрѣе и опредѣленнѣе выразить своего мнѣнія объ этомъ отвратительномъ пѣніи. Конечно, онъ не могъ судить ни о бессмысленныхъ словахъ, которыхъ къ счастью не понималъ, ни о плохой музыкѣ; скорѣй всего, на него удручающе подѣйствовалъ самый голосъ пѣвца съ его неестественнымъ, вымученнымъ тѣмбромъ, такъ часто встрѣчающимся у теноровъ. При первыхъ пронзительныхъ нотахъ Кдункъ безпокойно задвигался на мѣстѣ, потомъ убѣжалъ на самый край лѣстницы, откуда и кувыркнулся

внизъ всей своей тяжестью, такъ онъ спѣшилъ спуститься и поскорѣе уйти отъ этихъ надрывающихъ душу звуковъ. Его внезапное бѣгство едва не произвело паники и ужаснаго нарушенія правилъ вѣжливости и гостепріимства, среди немногихъ, молчаливо за нимъ наблюдавшихъ лицъ; захлебываясь отъ неудержимаго смѣха, я незамѣтно спустился внизъ вслѣдъ за Кдункомъ, который удралъ въ клумбы съ цвѣтами. Уходя, я слышалъ, какъ кроткая мистриссъ Джэмсъ, самая добрая и гостепріимная душа во всемъ свѣтѣ, усиленно кашляла, уткнувшись въ носовой платокъ, точно сильный сквознякъ вызвалъ простуду ея чувствительнаго горла; но мнѣ сдавалось, что это былъ не кашель, а сдавленный смѣхъ. Теноръ, между тѣмъ, продолжалъ свое пѣніе, и все обошлось благополучно. Кдункъ тѣмъ временемъ былъ занятъ болѣе производительнымъ трудомъ, уничтоженія вредныхъ жуковъ въ саду, изрѣдка останавливаясь, присаживаясь на заднія лапки, и по своему обыкновенно какъ-то необычайно смѣшно почесывая передней лапкой то мѣсто, гдѣ бы должно было находиться его ухо. Вскорѣ послѣ этого, когда мы всѣ очень сильно успѣли привязаться къ Кдунку, всплыла на свѣтъ самая поразительная сторона его странной жизни.

Въ противоположность животнымъ высшаго порядка, Кдункъ не получаетъ никакого воспитанія отъ своихъ родителей. Животныя низшаго порядка живутъ такой несложной жизнью, что для нея имъ вполне хватаетъ инстинкта; и такимъ образомъ природа, которая временами бываетъ не только расточительной, но и предусмотрительной, не беретъ на себя бесполезной заботы учить ихъ чему-либо. Но онъ часто дѣлалъ на нашихъ глазахъ такія вещи, которыя никакъ нельзя было объяснить однимъ только инстинктомъ, и передъ нимъ выросло столько препятствій, преодолѣть которыя однимъ только врожденнымъ знаніемъ было невысказуемо; и тогда мы видѣли, какъ напряженно работали его бѣдные, тупые мозги надъ неожиданными и головоломными загадками и вопросами.

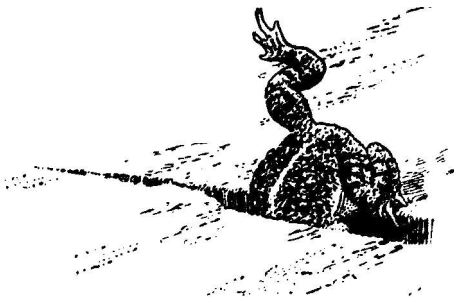
Съ наступленіемъ жаркихъ лѣтнихъ дней Кдункъ покинулъ приступку у крыльца и устроилъ себѣ жилище поудобнѣе. Во время лѣтняго зноя всѣ жабы поступаютъ одинаково — а именно вырываютъ себѣ убѣжище подъ кускомъ дерна, или корнемъ, или подъ гнилымъ пнемъ, и дремлютъ тамъ въ прохладной, сыроватой тѣни весь день, пока солнце припекаетъ. Какъ разъ у входа на крыльцо находилась вымощенная широкими каменными плитами площадка, простиравшаяся черезъ луговину боковой дорожки. Въ теченіе многихъ зимъ сильные морозы раздвинули плиты, однѣ больше, другія меньше, такъ что между ними образовались щели, и зеленая травка лентой вилась между камнями. На разсѣлинѣ, гдѣ кайма травы была всего шире, Кдункъ какимъ-то способомъ открылъ, что тонкій слой дерна скрываетъ ямку, и онъ сталъ царапать его до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, деренъ не провалился, и онъ попалъ въ помѣстительную пещерку подъ одной изъ каменныхъ плитъ. Здѣсь было всегда прохладно, и онъ немедленно распростился съ приступкой у крыльца, и проспалъ всѣ тихіе августовскіе дни въ удобномъ мѣстѣ, на которое ему указалъ собственный разумъ. Между тѣмъ Кдункъ, благодаря удачной охотѣ по саду и обильному искусственному питанію изъ нашихъ рукъ, съ каждымъ днемъ толстѣлъ все больше и больше. Часто, возвращаясь въ припрыжку домой по утрамъ, съ животомъ, необычайно раздутымъ, отъ безчисленныхъ поглощенныхъ имъ насѣкомыхъ, онъ находилъ разсѣлину между каменными плитами слишкомъ узкой для себя. И другія жабы встрѣчаются съ такими же затрудненіемъ, и устраняютъ его просто тѣмъ, что немного расширяютъ входъ въ свои норки, но сколько Кдункъ ни копалъ и ни пихалъ камни, онъ все-таки не могъ раздвинуть каменныхъ плитъ.

Послѣ первой неудачной попытки, онъ продолжилъ ходъ въ длину, но это ничему не помогло. Дверь въ его жилище оставалась все же слишкомъ узкой, и когда онъ входилъ въ

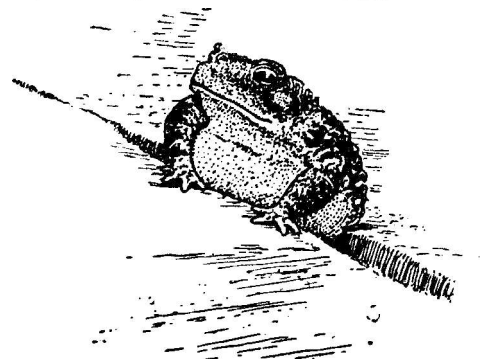
свой домъ, то напоминалъ мнѣ толстаго, раздувагося господина, старающагося пролѣзть черезъ рогатку, пихаясь и толкаясь, и наконецъ протискивающагося въ нее съ громкимъ криканіемъ, негодующимъ взоромъ окидывая неудобное изобрѣтеніе. Выходить изъ норы—ему было легко, такъ какъ за день онъ успѣвалъ переварить пищу и снова худѣлъ, но какъ поудобнѣе влѣзть въ нее поутру съ переполненнымъ желудкомъ — въ этомъ-то и заключался весь вопросъ.

Однажды утромъ я увидалъ его возвращавшимся изъ сада и сразу понялъ, что ему предстоитъ много хлопотъ. Онъ за ночь нашелъ роскошныя гнѣзда жуковъ и страшно наѣлся; его толстое брюхо тащилось по травѣ, такъ что онъ ползъ, а не подпрыгивалъ, направляясь къ своей двери, и его единственнымъ желаніемъ было какъ можно скорѣе кувыркнуться въ норку и лечь спать. Но, увы, онъ никакъ не могъ пролѣзть въ нее. Въ концѣ-концовъ его толщина дошла до предѣльной точки. Сначала онъ просунулъ голову

и плечи, и напирая изнутри на плитнякъ, старался приподнять его и протиснуться внутрь. Все напрасно! Его толстое туловище застряло между упорными плитами, и только все больше и больше защемлялось между ними. Часть его тѣла, выдававшаяся наружу, была настолько больше уже вошедшей внутрь части, что онъ бы, конечно, самъ бросилъ свои старанія, если бы хотя на секунду могъ посмотрѣть на себя со

стороны. Но онъ продолжалъ свои усилія съ удивительнымъ терпѣніемъ, пока не убѣдился окончательно, что они ни къ чему не приведутъ; тогда онъ вылѣзъ и сѣлъ у своего негостепріимнаго входа, растерянно мигая, весь покрытый пылью и корнями травы. Сидя такимъ образомъ, онъ не переставая чесывалъ то мѣсто, гдѣ должно было находиться ухо, точно соображая что-то. Секунды черезъ двѣ онъ, словно рѣшивъ задачу, повернулся и засунулъ въ отверстіе заднія ноги. Онъ проталкивался туда задомъ, но осторожно, довольно неуклюже, какъ будто еще не привыкъ къ этому. Но этотъ способъ оказался еще хуже перваго, такъ какъ его толстый животъ сжался еще больше, и опираясь на плиты передними лапами, онъ съ каждымъ новымъ толчкомъ приподнимался, вмѣсто того, чтобы опускаться внутрь щели. На этотъ разъ онъ скорѣе пришелъ въ отчаяніе, такъ какъ голова его была снаружи и ему были виднѣе его успѣхи. Наконецъ, онъ легъ, снова какъ бы разрѣшивъ задачу, и старался протолкнуться черезъ длинное отверстіе вдоль. Это уже было лучше. Онъ могъ пропустить туда или заднія ноги, или голову и плечи, но точно ведра въ колодезь, когда одинъ конецъ опускался, другой поднимался, а упрямое толстое туловище все отказывалось протиснуться вмѣстѣ съ остальными частями тѣла. Но все же онъ, казалось, дѣлалъ нѣкоторые успѣхи, такъ какъ каждое сильное движеніе головы и ногъ утрамбовывало его непокорный обѣдъ. Въ концѣ-концовъ его такъ крѣпко придавило между плитами, что ему было труднѣе выкарабкаться оттуда, нежели залѣзть внутрь. Отчаянными толчками и брыканьемъ ему удалось высвободиться и онъ снова присѣлъ, весь встрепанный, моргая на щель и размышляя. Вдругъ онъ опять обернулся и опустилъ заднія лапки въ отверстіе. Теперь онъ продѣлывалъ это еще осторожнѣе, боясь быть защемленнымъ. Опустившись насколько было возможно, онъ нѣсколько секундъ посидѣлъ безъ движенія, опираясь съ обѣихъ сторонъ на переднія лапы. Вдругъ онъ мѣдленно раздвинулъ челюсти. Пораженный страннымъ судорожнымъ движеніемъ, которое онъ производилъ, я подползъ къ нему на четверенькахъ и заглянулъ въ его широко-раскрытый ротъ. Я увидѣлъ

весь его объѣдъ — разнаго рода мухъ, ночныхъ жучковъ, постепенно поднимавшихся кверху и задерживаемыхъ его огромнымъ ртомъ, точно въ корзинѣ, въ то время, какъ желудокъ его работалъ внизу и посылалъ кверху запасы пищи, чтобы уменьшить давление.

Понемногу онъ проскальзывалъ все ниже, по мѣрѣ того, какъ камни отпускали свои суровые тиски. Еще толчокъ, поворотъ, животъ его какъ бы укладывался поудобнѣе, наконецъ, еще одно послѣднее усиліе — и дѣло было сдѣлано. Кдункъ опирался передними лапами на плиты, туловище его находилось въ щели, и только ротъ торчалъ наружу, все еще широко раскрытый, все еще держа свой драгоценный объѣдъ, точно старомодный развалившійся чемоданъ. Затѣмъ онъ опять большими глотками отправилъ въ желудокъ свой потревоженный объѣдъ и исчезъ въ своей прохладной пещерѣ.

Этой ночью онъ уже больше не показывался, но на слѣдующій вечеръ онъ, какъ всегда, занимался своимъ дѣломъ въ саду. Къ нашему великому огорченію онъ съ этого дня совсѣмъ покинулъ, какъ порогъ нашего дома, такъ и нору подъ каменными плитами съ ея узкимъ отверстіемъ.

Онъ, можетъ быть, по своему рѣшалъ вопросъ, что бы съ нимъ было, если на него напала сова по его возвращеніи домой въ это утро; я уже засталъ его въ полной безопасности подъ гнилыми корнями старой яблони, гдѣ входъ былъ настолько широкъ, что онъ могъ свободно туда пролѣзть, какъ бы ни наѣлся. Тамъ онъ и оставался въ продолженіе всего времени, что я наблюдалъ за нимъ. Мнѣ удалось открыть еще одну интересную черту въ его жизни въ послѣдніе лѣтніе дни, заключающуюся въ его умѣніи отыскивать наиболѣе благопріятныя мѣста для охоты. Какъ разъ за его норкой въ старой яблонѣ находилась каменная стѣна, подъ которой водилось множество всякаго рода насѣкомыхъ. Нора Кдунка была на восточной сторонѣ, такъ что на закатѣ солнца прохладная тѣнь отъ стѣны простиралась на все это мѣсто и, благодаря этому, нашъ любимецъ покидалъ свое убѣжище раньше обыкновеннаго. Какимъ-то путемъ онъ открылъ, что западная сторона стѣны освѣщается послѣдними лучами заходящаго солнца, что поэтому къ вечеру мухи и всякаго рода насѣкомыя садятся на нее и ползаютъ по горячимъ камнямъ, погрѣться до солнечнаго заката. Онъ устроилъ подземный ходъ подъ стѣной, какъ разъ за своей норкой, ложился, прижавшись къ одному сѣрому камню на западной сторонѣ, при чемъ его сѣрая окраска дѣлала его совершенно незамѣтнымъ, и ловилъ садившихся на стѣну мухъ съ быстротой и увѣренностью любой ящерицы. Когда жучки и другія насѣкомыя выползали погрѣться на тепломъ камнѣ, Кдункъ, зоркій глазъ

котораго ни на минуту не переставалъ обозрѣвать свой охотничій участокъ, лежалъ неподвижно до тѣхъ поръ, пока они не усаживались на стѣну поудобнѣе, и лишь тогда потихоньку подползалъ къ нимъ и съ быстротой молніи подхватывалъ ихъ языкомъ, такъ что глазъ еле-еле успѣвалъ слѣдить за нимъ. Въ теченіе двадцатидневныхъ наблюдений я ни разу не

замѣтилъ, чтобы онъ промахнулся, между тѣмъ, какъ число уничтоженныхъ имъ насѣкомыхъ можно было считать сотнями.

На томъ же полѣ паслись четыре или пять коровъ, и въ хорошую погоду ихъ доили тутъ же на волѣ, не гоняя на скотный дворъ. Всякій, кто наблюдалъ коровъ во время дойки, вѣроятно,

замѣчалъ, что мухи садятся цѣлыми роями на ихъ ноги, собираясь густыми кучками надъ копытами, гдѣ корова, обмахиваясь хвостомъ, не въ состояніи ихъ достать. Кдункъ также это примѣтилъ и часто, во время дойки, когда коровы стоятъ смирно, подходилъ къ какой-нибудь изъ нихъ и ползалъ отъ одного копыта къ другому, подхватывая всѣхъ мухъ, находившихся на нихъ. Потомъ онъ прыгалъ, доставая мухъ, сидѣвшихъ повыше, при чемъ подхватывалъ ихъ языкомъ почти безъ промаха, часто падая на спину, послѣ удачнаго прыжка и тотчасъ же снова поднимаясь и карабкаясь на копыто, чтобы подхватить еще одну муху. Но всего любопытнѣй было то, что онъ привязывался къ какой-нибудь одной коровѣ и отыскивалъ ее среди стада, гдѣ бы ее не доили. Насколько я могъ замѣтить, онъ никогда не подходилъ къ другимъ коровамъ, зато эта корова, спустя нѣкоторое время, начала признавать жабу за друга и послѣ дойки часто стояла, не двигаясь, пока Кдункъ сидѣлъ у нея на копытѣ. Къ концу лѣта, когда зелень въ саду стала пропадать, Кдункъ покинулъ садъ, забираясь все дальше и дальше въ поле для ночной охоты. Онъ сталъ дичать, какъ всѣ животныя къ осени, и вскорѣ пересталъ откликаться и возвращаться даже на самыя громкіе свистки. Поймала ли его сова, или онъ все еще наслаждается долгой жизнью, которой природа надѣляетъ жабъ — я не знаю. Но въ то время, какъ я пишу, на краю клумбы съ портулакомъ виднѣется ямка, еще не успѣвшая скрыться подъ снѣгомъ. Я буду наблюдать за этой ямкой будущей весной съ удвоеннымъ вниманіемъ, и тогда увижу, вспомнитъ ли толстякъ Кдункъ своихъ старыхъ друзей.

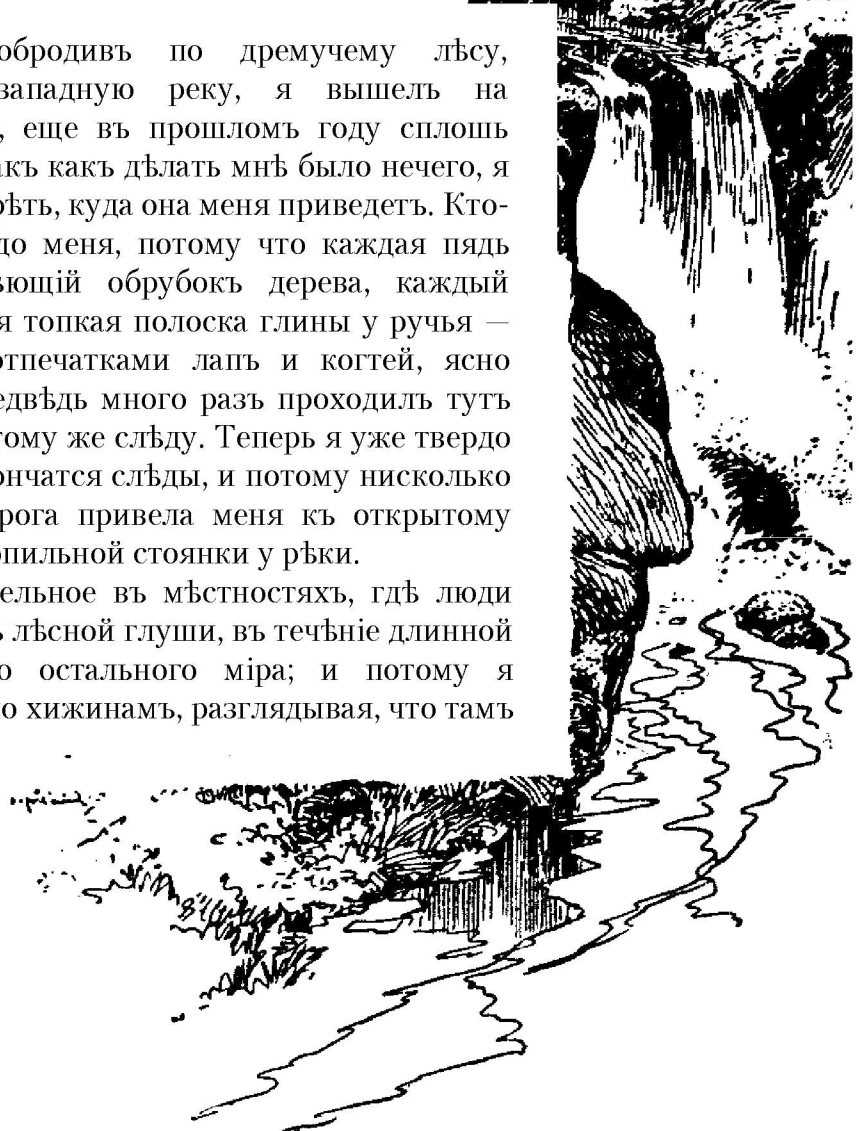

БЕРЛОГА МУВИНА

Однажды, долго пробродивъ по дремучему лѣсу, огибающему Малую Юго-западную реку, я вышелъ на заброшенную старую дорогу, еще въ прошломъ году сплошь заросшую кустарникомъ, и, такъ какъ дѣлать мнѣ было нечего, я пошелъ по ней, чтобы посмотрѣть, куда она меня приведетъ. Кто-то недавно проходилъ тутъ до меня, потому что каждая пядь мягкой почвы, каждый тлѣющій обрубокъ дерева, каждый комокъ болотнаго мха, каждая топкая полоска глины у ручья — были покрыты глубокими отпечатками лапъ и когтей, ясно говорившихъ, что Мувинъ-медвѣдь много разъ проходилъ тутъ взадъ и впередъ по одному и тому же слѣду. Теперь я уже твердо зналъ, кого найду тамъ, гдѣ кончатся слѣды, и потому нисколько не былъ удивленъ, когда дорога привела меня къ открытому двору, покинутой теперь, лѣсопильной стоянки у рѣки.

Есть что-то привлекательное въ мѣстностяхъ, гдѣ люди вели простой образъ жизни въ лѣсной глуши, въ течѣніе длинной зимы отрѣзанные отъ всего остального міра; и потому я потихоньку пошелъ бродить по хижинамъ, разглядывая, что тамъ осталось. Дверь въ низкій хлѣвъ была открыта настежь и какъ бы приглашала войти, но теперь было тамъ темно, сыро, стоялъ непріятный затхлый запахъ, хотя зимой, надо думать, тамъ было довольно уютно; теперь въ хлѣву поселились дикобразы. Заглянувъ въ

хлѣвъ, я тотчасъ же вышелъ оттуда и направился къ хижинѣ, гдѣ помѣщались люди. Дверь въ нее была заперта на замокъ, но медвѣди продѣлали большую дыру въ крышѣ, и я забрался въ хижину черезъ это отверстіе. До меня здѣсь уже не разъ побывалъ Муvinъ. Каждый уголокъ большой комнаты, лари, шкафы, даже печка — все было обшарено и перерыто; всюду стоялъ сильный характерный для медвѣдей запахъ, доказывавшій, что они недавно произвели здѣсь обыскъ. Вонъ въ углу валяется большая жестяная коробка съ оторванной крышкой, мука просыпана на полъ; точно вихрь пронесся по хижинѣ. Муvinъ былъ, очевидно, въ игривомъ настроеніи; или же обозлился, что вещество, съ которымъ онъ такъ долго возился, оказалось слишкомъ сухимъ, а потому не съѣдобнымъ. Бѣлые слѣды лапъ виднѣлись повсюду, и на полу, и на стѣнахъ. Это, повидимому, были лапы маленькаго медвѣдя, безъ сомнѣнія опоздавашаго и принужденнаго поэтому довольствоваться тѣмъ, что осталось послѣ первыхъ посѣтителей.

Видно было, что по досчатому полу катали какую-то стеклянку или посудину, прежде чѣмъ просыпать муку; и я тотчасъ же догадался, что напалъ на слѣдъ перваго, входившаго сюда медвѣдя, большого звѣря, отодравшаго кусокъ крыши, и обнюхавшаго всю стоянку, ничего не трогая до тѣхъ поръ, пока онъ не нашелъ того, чего хотѣлъ. Катая лапою этотъ предметъ, онъ разлилъ по полу все его содержимое, и Муvinъ ходилъ и подлизывалъ то, что вытекло, подчистивъ все до послѣдней капли, такъ что отъ пролитой жидкости не осталось и слѣда; но судя по мухамъ, собиравшимся кучками на каждомъ освѣщенномъ солнцемъ мѣстечкѣ, я понималъ, что вещество это было, должно быть, сладкимъ, по всей вѣроятности патокой, — и что Муvinъ, поѣвъ ее вволю, унесъ съ собой ведро или банку, въ которой она находилась, чтобы вылизать дочиста, какъ

почти всегда дѣлають медвѣди, когда грабятъ лѣсной складъ.

Другіе медвѣди приходили потомъ въ стоянку, но нашли только жалкія крохи. Одинъ выбилъ дно изъ боченка, до половины наполненнаго свининой, порвалъ на мелкіе куски соленое содержимое, а потомъ съ любопытствомъ обнюхалъ грудь старыхъ мокасиновъ. Дюжина топоровъ и пилъ были вынуты изъ боченка и выброшены на полъ, — очевидно съ цѣлью посмотрѣть, не спрятано ли подъ ними въ боченкѣ что-нибудь вкусное. Всѣ горшки и сковороды были вынуты изъ большого шкафа и каждую изъ нихъ Муvinъ лизнулъ, чтобы узнать, что на ней готовилось въ послѣдній разъ; а одинъ изъ медвѣдей, повидимому, всталъ на заднія лапы и однимъ взмахомъ передней смелъ все, что стояло на полкѣ. Во всякомъ случаѣ стоянка была разгромлена дотла, такъ что теперь медвѣдю уже не стоило труда производить въ ней дальнѣйшихъ поисковъ. Стоянка, казалось, молчаливо поджидала осенняго прихода пыльщиковъ, которые могли бы привести все въ порядокъ.

Я выползъ изъ хижины черезъ отверстіе въ крышѣ и принялся тщательно осматривать большой дворъ. Если Муvinъ унесъ съ собой что-нибудь за ограду, то это навѣрное лежитъ гдѣ-нибудь по близости, а для меня, по крайней мѣрѣ, всякій предметъ, который трогали жители лѣсовъ, всякая вещь, побывавшая у нихъ въ лапахъ, представляетъ захватывающій интересъ. Ольховый пруть, вчера сломанный бобромъ, или маленькій глиняный пирожокъ, слѣпленный и разглаженный его лапками; сучекъ, служившій игрушкой молодымъ енотамъ, и помогавшій имъ проводить томительные часы въ ихъ логовищѣ во время отсутствія матери; дерево, у котораго двое или трое медвѣдей измѣряли свой ростъ и нацарапали на корѣ свои зарубки; бревно, на которомъ токуетъ тетеревъ; сброшенный рогъ лося; слѣдъ неизвѣстнаго звѣря; покинутое логовище рыси

— во всѣхъ этихъ вещахъ, какъ и въ тысячѣ другихъ, кроется для меня какое-то непонятное очарованіе, заставляющее меня часто пройти лишнюю милю только для того, чтобы секунду постоять тамъ, гдѣ проходили дикія лапки, и прочесть и понять безмолвную лѣтопись, оставшуюся послѣ нихъ. Передъ воротами, ведущими во дворъ стоянки, лежала огромная куча щепокъ и стружекъ; это было то мѣсто, гдѣ пильщики въ теченіе долгой зимы пилили дрова. Я прошелъ по кучѣ, дивясь ея величинѣ и производя невѣроятный трескъ, такъ какъ щепки поползли изъ подъ моихъ ногъ. Вдругъ у меня подъ ногами раздалось страшное рычанье. Изъ груды щепокъ неожиданно выскочилъ медвѣдь, точно взлетѣвъ кверху силою какого-то взрыва, и стремглавъ бросился бѣжать въ лѣсную глушь.

Этого достаточно, чтобы испугать ничего не подозревающего человека. Я искалъ предмета, оставленного Мувиномъ, но никакъ не ожидалъ найти самого Мувина. Я такъ и замеръ на кучѣ щепы, не сводя глазъ съ убѣгавшаго медвѣдя, сначала раздумывая, откуда онъ могъ появиться, а затѣмъ о томъ, что могло бы произойти, если бы онъ находился въ хижинѣ, когда я влѣзъ туда черезъ крышу. Потомъ я сошелъ съ кучи и увидаль самое любопытное логовище, на которое мнѣ когда либо приходилось наткаться въ лѣсу. На сѣверной сторонѣ кучи медвѣдь вырылъ ходъ около двухъ футовъ длиною, а изъ середины кучи выбросилъ щепки, такъ что тамъ образовалась маленькая пещерка, какъ разъ такого размѣра, чтобы Мувинъ могъ въ ней улечься. Я всунулъ въ нее голову и къ великому своему удивленно увидѣлъ, что это былъ настоящій ледникъ, въ которомъ снѣгъ и ледъ были плотно набиты между щепой. Я изслѣдовалъ кучу въ другомъ мѣстѣ и всюду нашель то же самое. На глубинѣ одного или двухъ футовъ ледъ такъ превосходно сохранился, точно дѣло было въ январѣ, а не въ серединѣ лѣта. Тутъ была такая тѣнь и прохлада, которой не могло нарушить самое знойное солнце, и меня осенила мысль, какимъ путемъ образовался этотъ ледникъ. Пильщики всю зиму рубили дрова на томъ же самомъ мѣстѣ, работая исключительно топорами, и оставляя огромное количество щепокъ и сора. Когда выпалъ глубоки снѣгъ, они не стали его отгрѣбать, а просто продолжали рубить дрова на его поверхности, плотно утаптывая снѣгъ и заваливая его новыми щепками. Такимъ образомъ куча росла, — сначала слой щепокъ, потомъ толстый покровъ снѣга, затѣмъ снова щепки, и опять снѣгъ, — куча все увеличивалась, пока, наконецъ, въ апрѣлѣ лѣсопромышленники не заперли своей хижины и не принялись за весенній сплавъ досокъ.

Когда снѣгъ въ лѣсахъ растаялъ подъ лучами весенняго солнца, огромная куча осталась, какъ была, только понемногу осѣдая по мѣрѣ того, какъ погода становилась теплѣе. Въ полдень верхній слой снѣга таялъ, и вода протекала внизъ черезъ щепу; по ночамъ сильно морозило, и снѣгъ внутри кучи превращался въ ледъ. Когда въ лѣсу снѣгъ уже окончательно сошелъ, въ кучѣ онъ остался, такъ какъ толстый слой щепы, покрывавшій его сверху, не давалъ ему таять; и самага долгаго лѣта не хватило бы для того, чтобы снѣгъ въ кучѣ могъ растаять до нижняго слоя, который былъ образованъ первымъ снѣгомъ, выпавшимъ прошедшей осенью.

Было начало поля, когда я набрелъ на это мѣстечко. Солнце сильно припекало, цѣлые міриады мухъ и комаровъ летали кругомъ, но въ логовищѣ Мувина не оттаяли еще два или три слоя льда. Въ ямѣ было свѣжо, какъ въ погребѣ, и никакая муха не удержалась бы въ ней ни одной секунды.

Привыкнувъ къ темнотѣ, глазъ мой различилъ въ дальнемъ концѣ берлоги какой-то блестящій предметъ. Я протянулъ руку и вынулъ его. Это былъ каменный кувшинъ, и я сейчасъ же догадался, что въ немъ то и хранилась патока, разлитая по полу въ хижинѣ. Вѣроятно, Мувинъ вытащилъ пробку и каталъ кувшинъ, подлизывая выливавшійся си-

ропъ. Когда въ кувшинѣ ничего уже больше не осталось, онъ взялъ кувшинъ подъ мышку и вылъзъ съ нимъ на крышу, а теперь хранилъ его въ своемъ прохладномъ жилищѣ и облизывалъ, надѣясь найти случайно оставшуюся каплю патоки. Можетъ быть, ему доставляло удовольствіе совать носъ или языкъ въ горлышко кувшина и вдыхать запахъ лакомства, достать которое онъ уже не могъ.

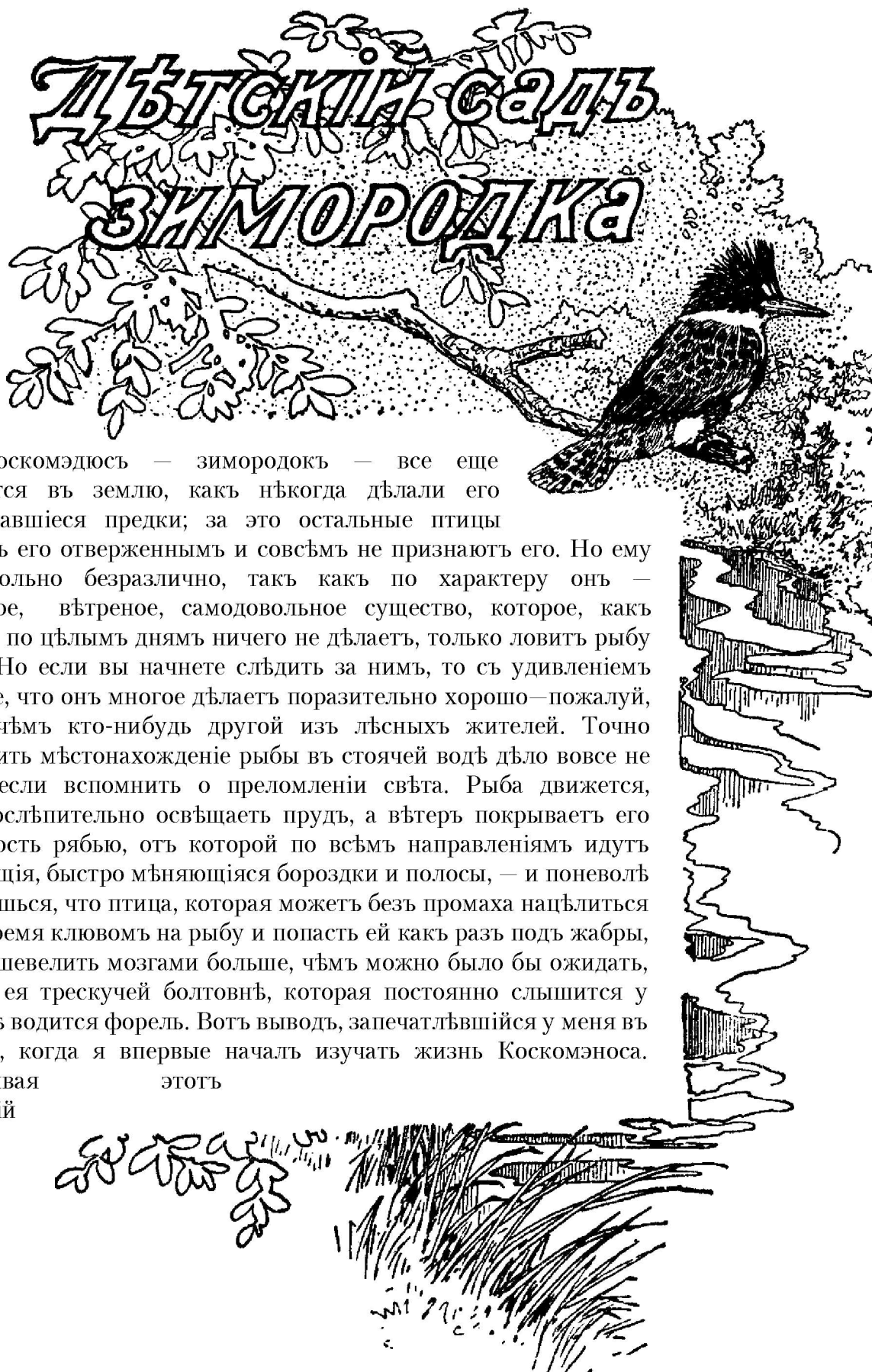
Мнѣ случалось находить еще два-три любопытныхъ логовища Мувины, идя по его слѣдамъ по снѣжному пространству на протяженіи многихъ миль. Когда его выгоняли изъ зимней квартиры и онъ искалъ другой берлоги въ отдаленныхъ лѣсныхъ дебряхъ, онъ оставлялъ за собой безконечные слѣды съ явнымъ намѣреніемъ совершенно заморить охотника, который попытался бы итти за нимъ. Я нѣсколько разъ находилъ лужи и небольшіе пруды, въ которыхъ онъ купался, и наблюдалъ, какъ онъ ищетъ прохладныхъ убѣжищъ въ разгаръ знойнаго лѣта — топкую мель подъ тѣнью ольховыхъ деревьевъ, въ ручьѣ, гдѣ водятся форели, мшистую пещеру на сѣверной сторонѣ крутого обрыва, — и спасается тамъ отъ жары и отъ мухъ. Но ни одно изъ этихъ убѣжищъ не могло сравниться съ берлогой въ ледяной кучѣ, завладѣть которой ему подсказалъ его разумъ, и въ которой, судя по многимъ признакамъ, онъ неизмѣнно отдыхалъ въ жаркіе часы лѣтняго дня; но ни одна изъ многихъ его любопытныхъ чертъ не поражала меня такъ сильно, какъ комичное лукавство, побудившее его взять кувшинъ къ себѣ въ берлогу. Тамъ кувшинъ былъ въ безопасномъ мѣстѣ — былъ-ли Мувинъ дома или нѣтъ, — такъ какъ никакой медвѣдь не залѣзетъ въ чужую берлогу, если самъ хозяинъ не пригласитъ его туда; и въ то время, какъ другіе медвѣди, подъ палящими солнечными лучами бродили по стоянкѣ, стараясь отыскать сносный кусокъ соленой свинины или пригоршню сухой муки, Мувинъ уютно лежалъ въ своемъ ледяномъ домикѣ, облизывая кувшинъ съ патокой, представлявшій его личную долю сообща нагабленной добычи.

ДѢТСКІЙ САДЪ ЗИМОРОДКА

Коскомэдюсъ — зимородокъ — все еще зарывается въ землю, какъ нѣкогда дѣлали его пресмыкавшіеся предки; за это остальные птицы считаютъ его отверженнымъ и совсѣмъ не признаютъ его. Но ему это довольно безразлично, такъ какъ по характеру онъ — болтливое, вѣтреное, самодовольное существо, которое, какъ кажется, по цѣлымъ днямъ ничего не дѣлаетъ, только ловить рыбу и ѣсть. Но если вы начнете слѣдить за нимъ, то съ удивленіемъ замѣтите, что онъ многое дѣлаетъ поразительно хорошо — пожалуй, лучше, чѣмъ кто-нибудь другой изъ лѣсныхъ жителей. Точно опредѣлить мѣстонахождение рыбы въ стоячей водѣ дѣло вовсе не легкое, если вспомнить о преломленіи свѣта. Рыба движется, солнце ослѣпительно освѣщаетъ прудъ, а вѣтеръ покрываетъ его поверхность рябью, отъ которой по всѣмъ направленіямъ идутъ сверкающія, быстро мѣняющіяся бороздки и полосы, — и поневолѣ убѣждаешься, что птица, которая можетъ безъ промаха нацѣлиться въ это время клювомъ на рыбу и попасть ей какъ разъ подъ жабры, должна шевелить мозгами больше, чѣмъ можно было бы ожидать, судя по ея трескучей болтовнѣ, которая постоянно слышится у рѣкъ, гдѣ водится форель. Вотъ выводъ, запечатлѣвшійся у меня въ сознаніи, когда я впервые началъ изучать жизнь Коскомэноса. Набрасывая этотъ маленькій очеркъ,

описывающій эти первыя сильныя впечатлѣнія, я не задавался цѣлью дать всѣ свѣдѣнія объ окраскѣ зимородка, или о его примѣтахъ и о томъ, какъ онъ размножается — все это вы можете узнать изъ учебниковъ орнитологіи — но я стремился дать наиболѣе правдоподобный отвѣтъ на вопросъ, какимъ образомъ онъ приобрѣтаетъ столько знаній и какъ онъ преподаетъ всю эту премудрость своимъ птенчикамъ.

Недалеко отъ мѣстности, гдѣ я поселился однажды лѣтомъ, но нѣсколько пониже ея, находился прудокъ, въ которомъ водились форели. Еще ниже этого пруда находился маленькій прудокъ, кишѣвшій пискарями и служившій своего рода кладовой для верхняго пруда, гдѣ форели кормились на утренней и вечерней зарѣ и гдѣ, удачно насадивъ красный плавникъ на тонкій крючокъ и забросивъ его въ воду съ развилины склонившагося дерева, удавалось иногда поймать крупную рыбу.

Какъ-то разъ, рано утромъ, сидя подъ деревомъ, я увидалъ зимородка, пролетѣвшаго вверхъ по рѣкѣ и скрывшагося на противоположномъ берегу. Очевидно, у него было тамъ гнѣздо, такъ искусно скрытое подъ нависшимъ корнемъ, что я до сихъ поръ не замѣчалъ его, хотя не разъ уже удиль на этомъ мѣстѣ и видѣлъ, какъ зимородки пролетали мимо по нѣсколько разъ. Они были необыкновенно шумливы въ моемъ присутствіи и безпрестанно летали, пересѣкая прудъ съ протяжнымъ трескучимъ крикомъ — хитрость, путемъ которой они надѣялись внушить мнѣ, что ихъ гнѣздо находится гдѣ-нибудь гораздо выше.

Послѣ этого я сталъ внимательно слѣдить за гнѣздомъ въ промежутки между уженіемъ и узналъ многое, что заставило меня не только подивиться этой мало-извѣстной, болтливой и презираемой птичкѣ — обитательницѣ пустынныхъ рѣкъ, — но и начать уважать ее. Зимородокъ проявляетъ необыкновенную преданность и заботливость къ своей самкѣ и кормить ее съ большой нѣжностью, пока она сидитъ на яйцахъ.

Одинъ разъ у меня на глазахъ зимородокъ прогналъ выдру и чуть не убилъ этого злого звѣря. У зимородковъ существуетъ вполне выработанный уставъ рыбной ловли, который они сами строго соблюдаютъ, никогда не выходя изъ предѣловъ своихъ владѣній и не позволяя другимъ браконьерствовать въ своихъ пискариныхъ прудахъ. Сколько опытности и знанія по части рыбной ловли сидитъ въ хохлатой головкѣ зимородка. Дуетъ ли вѣтеръ съ юга, или съ сѣверо-запада, стоитъ ли пасмурный или ясный день, онъ всегда отлично знаетъ, гдѣ находится мелкая рыба и какъ ее нужно ловить.

Когда вывелись птенцы, тутъ то и обнаружилась самая интересная сторона жизни Коскомэноса. Однажды утромъ, укрывшись въ кустахъ и наблюдая оттуда, я увидѣлъ, что зимородокъ-самка высунула голову изъ норы и тревожно оглядѣлась кругомъ. Большая водяная змѣя лежала на прибитомъ водою къ берегу стволѣ дерева. Зимородокъ тотчасъ же бросился на нее и прогналъ прочь. Немного выше, какъ разъ у начала пруда съ форелями, выводокъ чирятъ крикалъ и плескался въ мелководьѣ. Они были неопасны, но, несмотря на это, зимородокъ накинулся на нихъ, треща и бранясь, точно торговка рыбой, и загналъ ихъ всѣхъ въ ближнее глухое болотце.

На обратномъ пути matka пролетѣла надъ большой, степенной, сонной лягушкой, сидѣвшей на водяной лиліи въ ожиданіи солнечной ванны.

Чигвутьцъ* охотится временами на молодыхъ форелей, а иногда даже ловить и маленькихъ птичекъ, когда онѣ прилетаютъ къ рѣкѣ пить; но онѣ никогда не подумаль бы напасть на выводокъ зимородковъ; несмотря на это, самочка, точно сварливая хозяйка, тыкающая половой щеткой въ каждый уголокъ невыметенной комнаты, съ громкимъ трескучимъ окрикомъ опустилась прямо на голову сонной лягушки, и она, спотыкаясь и пуская пузыри, удрала на топкій берегъ, точно за ней гнался самъ Гуагакъ**. Вслѣдъ за этимъ, еще разъ окинувъ взглядомъ рѣку и убѣдившись, что на ней никого не видно, самочка испустила грозный трескучій крикъ, какъ бы предостерегая всѣхъ, кого она могла не замѣтить, и шмыгнула къ себѣ въ гнѣздо, въ которомъ и исчезла, самодовольно вильнувъ хвостикомъ, какъ утка.

Немного погодя изъ отверстія норы высунуль голову птенчикъ и растеряннымъ взглядомъ впервые оглядѣль окружающій его Божій міръ. Толчекъ сзади прервалъ его созерцательное настроеніе, онѣ безпрекословно перелетѣль на сухую вѣтку на противоположномъ берегу рѣки. Второй и третій птенцы послѣдовали за нимъ туда же, какъ будто каждому заранѣе было сказано, куда летѣть и что дѣлать, пока, наконецъ, вся семья не усѣлась рядышкомъ надъ журчащей рѣкой, подъ сѣнью темно-синяго неба и разстилающихся вокругъ шумящихъ обширныхъ лѣсовъ.

Это былъ первый урокъ молодыхъ зимородковъ, и они вскорѣ за него получили награду. Самецъ уже съ самага разсвѣта былъ занятъ рыбной ловлей; теперь онѣ принялся таскать птенцамъ пискарей, которыхъ онѣ складывалъ и сохранялъ въ ближней стремнинѣ, и сталъ кормить свою голодную семью, вѣроятно, доказывая ей по-своему, что

этотъ безпредѣльный міръ, столь мало похожій на родную норку, также прекрасенъ, что въ немъ живетъ совсѣмъ недурно и можно добывать немало вкусной пищи.

Слѣдующій урокъ былъ еще интереснѣе—это былъ урокъ рыбной ловли. Школой былъ

тихій мелкій прудокъ съ топкимъ дномъ, на фонѣ котораго рыба ясно выдѣлялась: надъ водою нависъ свалившійся стволъ стараго дерева, съ котораго удобно было спускаться на воду. Старыя птицы наловили десятка два пискарей, убили ихъ и разбросали по пруду подъ самымъ деревомъ. Затѣмъ онѣ привели молодыхъ птицъ, показали имъ добычу и объяснили путемъ многократныхъ примѣровъ, какъ нужно нырять и доставать ее.

Птенцы были голодны и горячо увлеклись охотой, но одинъ изъ нихъ оробѣль, и только, когда мать дважды нырнула и вытащила рыбу, показывая ее трусишкѣ, а потомъ снова выпуская ее изъ клюва въ воду и какъ бы заманивая его, — онѣ, наконецъ, собрался съ духомъ и нырнулъ въ рѣку.

Нѣсколько дней спустя, бродя утромъ по берегу, я наткнулся на маленькій, совершенно отрѣзанный отъ большой рѣки, прудикъ, въ которомъ около дюжины испуганныхъ пискарей плескались съ такимъ видомъ, словно они попали въ какіе-то чужеземные края. Я стоялъ и смотрѣль на нихъ, не понимая, какъ они могли перебраться черезъ полосу суши, отдѣлявшую прудъ отъ рѣки, какъ вдругъ увидаль зимородка, летѣвшаго вверхъ по рѣкѣ съ рыбкой въ клювъ. Увидавъ меня, онѣ молча повернулъ и скрылся за изгибомъ рѣки. Когда я опять вернулся къ пискарямъ, а потомъ перешель рѣку въ бродъ и спрятался въ кустахъ, мнѣ пришла въ голову мысль, не дѣтскій ли садъ дикой

* Водяная лягушка.

** Соколь.

птицы находится передо мной. Прошелъ цѣлый часъ въ ожиданіи, и Коскомэносъ вернулся, наконецъ, съ большой осторожностью тщательно осмотрѣлъ прудъ и рѣку и полетѣлъ вверхъ по теченію съ рѣзкимъ трескучимъ крикомъ. Вскорѣ онъ вернулся въ сопровожденіи своей самки и всего семейства, и птенцы, увидѣвъ, какъ опускались на воду за рыбой ихъ родители, и отвѣдавъ ея, сами стали ловить ее. Первые попытки были большей частью неудачны, и, если имъ и попадался пескарь, то это несомнѣнно была одна изъ раненныхъ рыбокъ, которыхъ Коскомэносъ спустилъ въ прудъ, чтобы пріохотить и поощрить своихъ малютокъ.

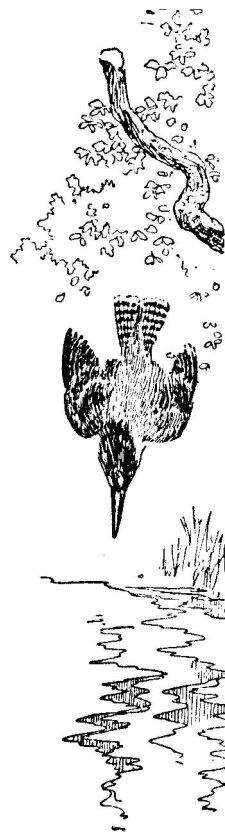
Но, промахнувшись раза два-три, они, повидимому, уловили пріемъ, наловчились и стали бросаться внизъ, отвѣсно, точно гирьки, клювомъ впередъ; или быстро опуска-

лись подъ острымъ угломъ и сильнымъ ударомъ били нырявшую вглубь рыбу. Рѣка была очень быстра и представляла много препятствій, съ которыми подъ силу было справиться только опытнымъ рыболовамъ. Въ тихихъ затонахъ и запрудахъ рыбы не водилось, а тамъ, гдѣ жили пескари, либо теченіе, либо берега не благопріятствовали молоденькимъ зимородкамъ, которые еще не научились летать и ловить рыбу съ лета. Поэтому Коскомэносъ и подыскалъ удобный для нихъ прудокъ и самъ заселилъ его рыбой, чтобы облегчить своей самочкѣ трудъ преподаванія и дать птенцамъ возможность скорѣе научиться добыванію пищи. Самымъ интереснымъ въ его методѣ было то, что онъ въ данномъ случаѣ принесъ пескарей живыми въ свой дѣтскій садъ, вмѣсто того чтобы убивать или ранить ихъ, какъ на первомъ урокѣ. Онъ зналъ, что рыба не можетъ уйти изъ пруда и что птенцы понемногу переловятъ ее всю.

Когда я снова увидѣлъ выводокъ зимородковъ нѣсколько недѣль спустя, птенцы уже твердо знали свою науку и не нуждались въ раненой или плѣнной рыбѣ для утоленія голода. Они были настроены весьма жизнерадостно и дали мнѣ однажды возможность видѣть любопытную игру, — единственный примѣръ забавы и веселья у зимородковъ, который мнѣ пришлось наблюдать. Ихъ было трое, и, когда я ихъ увидалъ, они сидѣли каждый на отдѣльномъ пнѣ, выступавшемъ надъ водяной рябью. Рѣка кишѣла го-

ловлями, пескарями и веселыми окуньками. Вдругъ, точно по командѣ: „впередь!“ они всѣ сразу бросились въ рѣку носами внизъ. Въ одно мгновеніе они вынырнули изъ воды и бросились каждый на свой пень, закинувъ головы назадъ и спѣша проглотить пойманныхъ пискарей съ такой поспѣшностью, что, казалось, они непременно подавятся. Покончивъ съ этимъ, они запрыгали и заплясали на своихъ пняхъ, треща и чирикавая во всю мочь. Я ровно ничего не понималъ, пока они не повторили игры два или три раза подрядъ, каждый разъ, точно по командѣ, одновременно ныряя въ воду и возвращаясь оттуда на пни. Только тогда смыслъ игры сталъ для меня прозрачнымъ, какъ рѣчная глуби-

на. Получая вдоволь корму и не зная никакихъ заботъ, они забавлялись веселой игрой, состоявшей въ томъ, что они ловили рыбу на перегонки и слѣдили, кто первымъ успѣетъ долетѣть до пня и проглотить добычу. Порою то одинъ, то другой промахивался въ погонѣ за рыбой и уныло возвращался съ пустымъ клювомъ; иногда всѣ трое сталкивались, происходила свалка, и много было шума, прежде чѣмъ они успѣвали разрѣшить споръ; но кончалось всегда однимъ и тѣмъ же; именно, они начинали игру сначала.

Коскомѣнось вообще живетъ одинокой жизнью, у него мало радостей и совсѣмъ нѣтъ товарищей, съ которыми можно было бы дѣлиться ими. Это, несомнѣнно, объясняется особенностями его рыболовныхъ уставовъ, по которымъ каждый зимородокъ получаетъ право собственности на извѣстную часть озера или рѣки. Только молодые зимородки изъ одного и того же семейства занимаются рыбной ловлей сообща, и потому я вполне увѣренъ, что игравшія вмѣстѣ птички были тѣ же самыя, за воспитаніемъ которыхъ я наблюдалъ, и которыя теперь по своему веселились и наслаждались жизнью, какъ и всѣ другіе жители лѣсовъ въ сытые, беззаботные, счастливые осенніе дни.

Пикомпфъ — дикая кошка — одно изъ хищныхъ животныхъ, которыя еще не совсѣмъ вывелись въ сосѣдствѣ человѣческаго жилья. Взбираясь иногда по лѣсистому склону холма, возвышающагося надъ жилищемъ фермѣра, вы можете наткнуться на злобное, похожее на кошку животное, которое грѣется на солнышкѣ, вытянувшись на скалѣ. При видѣ человѣка, оно быстро вскакиваетъ на ноги съ яростнымъ рычаніемъ, и въ вашемъ распоряженіи остается одинъ мимолетный мигъ для опредѣленія его роста. Дикая кошка вдвое больше домашней, у ней круглая голова и большіе невыразительные глаза, которые смѣло встрѣчаютъ вашъ взглядъ и горятъ злобнымъ зеленоватымъ огонькомъ. Ея красновато-бурая бедра покрыты неровными пятнами, а на бѣлой шерсти живота виднѣются черныя крапинки — такая окраска помогаетъ ей скрываться въ лѣсной игрѣ свѣта и тѣни. Безъ сомнѣнія, это — кошка, но особой породы, которой вы до сихъ поръ, навѣрное, не встрѣчали. Пока вы смотрите и удивляетесь, раздается едва слышный звукъ, на который вамъ не мѣшаетъ обратить вниманія. Мышцы ея длинныхъ толстыхъ ногъ нервно работаютъ, и эти движенія сопровождаются какимъ-то угрожающимъ мур-

лыканьем, но это не тѣ нѣжные переливы, которые мы привыкли слышать отъ нашей домашней кошки, когда она чѣмъ-нибудь довольна, это — звукъ отъ царапанья большихъ, страшныхъ когтей, злобно цѣпляющихся за сухія листья. Ея короткій, словно обрубленный, хвостъ нервно подергивается — вы сначала совсѣмъ и не примѣтили его, но теперь онъ сердито дергается изъ стороны въ сторону, — словно хочетъ обратить ваше вниманіе на то, что природа не совсѣмъ-таки обдѣлила Пикомпфа этой окончательностью. Стукъ, стукъ, — да, конечно, — это хвостъ. Ко-я-а-а!!! И вы испуганно подпрыгиваете, когда свирѣлая тварь бѣшено взвизгиваетъ вамъ прямо въ лицо.

Если вы встрѣтитесь съ дикой кошкой въ первый разъ въ жизни, то, разумеется, растеряетесь и не будете знать, что дѣлать; — лучше всего оставаться на мѣстѣ совершенно неподвижно, если у васъ нѣтъ съ собой ружья или палки; но, если даже вамъ и приходилось раньше встрѣчаться съ Пикомпфомъ, вы все-таки не можете съ увѣренностью сказать, какъ онъ поступитъ на этотъ разъ. Большинство хищныхъ звѣрей, какъ бы они ни были свирѣпы, предпочитаютъ оставлять другихъ въ покоѣ и идти своей дорогой, и умѣютъ уважать это и въ человѣкѣ. Но, когда вы натываетесь на дикую кошку, вы никогда не знаете, чего отъ нея можно ожидать, Это объясняется тѣмъ, что она труслива и вѣроломна, какъ вообще всѣ кошки, и никогда не знаетъ, какъ ей съ вами держаться. Она безъ всякаго основанія относится къ вамъ подозрительно, такъ какъ знаетъ, что вы относитесь къ ней подозрительно, не безъ основанія. Обыкновенно она уходитъ, крадучись, или неожиданнымъ прыжкомъ скрывается въ лѣсной чащѣ, смотря по тому, какимъ образомъ вы къ ней подходите. Хотя она меньше ростомъ, чѣмъ канадская рысь и пантера, но еще злобнѣе ихъ, и случается, что она, присѣвъ на заднія лапы, рычитъ на васъ или даже бросается вамъ прямо на грудь при первой вашей попыткѣ двинуться съ мѣста.

Однажды, рассказывали мнѣ, дикая кошка съ яростью кинулась прямо на плечи одному человѣку, спѣшившему домой вечеромъ, когда уже смеркалось, и случайно остановившемуся подъ деревомъ, гдѣ она сидѣла. Человѣкъ этотъ и не подозрѣвалъ, что по-

близости находится дикая кошка, и такъ бы вѣроятно и остался въ счастливомъ невѣдѣніи, если бы прошелъ мимо, не останавливаясь. Какъ онъ мнѣ впослѣдствіи передавалъ, онъ неожиданно почувствовалъ приливъ какой-то странной тревоги, и, остановившись, сталъ прислушиваться. Въ тотъ-же мигъ хищница рѣшила, что ее замѣтили, и бросилась на него, чтобы предупредить ожидаемое нападеніе человѣка. Дикая кошка съ визгомъ впиалась въ него когтями и стала рвать на немъ одежду; человѣкъ началъ отчаянно звать на помощь, на крикъ его откликнулись два дровосѣка и прибѣжали съ топорами въ рукахъ. И въ ту-же ночь шкурку Пикомпфа растянули и прибили гвоздями къ воротамъ амбара, чтобы она сперва посохла на солнышкѣ, а потомъ выдѣляли ее и смастерили изъ нея муфту для маленькой дочки дровосѣка, чтобы ей было въ чемъ грѣть свои пальчики въ жестокіе зимніе морозы.

Тамъ, гдѣ цивилизація разогнала почти всѣхъ его товарищей, Пикомпфъ робокъ и молчаливъ, но въ мѣстностяхъ, гдѣ фермы разбросаны далеко одна отъ другой, и горные склоны пустынные и лѣсисты, онъ смѣлѣе и шумливѣе, чѣмъ въ совсѣмъ незаселенныхъ мѣстностяхъ. Съ порога хижины угольщика въ горахъ Коннэктикута вы и теперь еще нерѣдко слышите, какъ

дикая кошка визжитъ и дерется со своими товарками, и отъ ея пронзительныхъ воплей дрожь пробѣгаетъ у васъ по спинѣ сильнѣе, чѣмъ отъ любого шума, который вамъ приходится слышать въ глуши.

Проходя извилистыми берегами рѣчки, населенной форелями, откуда уголыцикъ ежедневно беретъ воду для своего котла, вы можете увидѣть Пикомпфа; растянувшись, лежитъ онъ на свалившемся деревѣ подъ ольхами, пристально смотреть въ воду и ждетъ, ждетъ — чего?

Нужно немало лѣтъ усердныхъ наблюдений, пока наконецъ, удастся получить отвѣтъ на этотъ вполне естественный вопросъ, который уже много разъ задавалъ себѣ каждый, кто изучалъ жизнь дикихъ животныхъ. Всѣ

кошки обладаютъ лишь однимъ родомъ терпѣнія, — а именно терпѣніемъ спокойнаго ожиданія. Кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онѣ измучены голодомъ, ихъ охотничій пріемъ заключается въ томъ, что онѣ караулятъ у тропинокъ, гдѣ проходитъ дичь, или сидятъ на большомъ стволѣ, надъ тѣмъ мѣстомъ, куда ихъ добыча приходитъ утолять жажду. Иногда онѣ нѣсколько мѣняютъ программу и бродятъ наудачу по лѣсу, въ

пока, наконецъ, удастся
получить отвѣтъ на этотъ

одиночку или парами, надѣясь случайно наткнуться на дичь; вообще же онѣ очень плохіе охотники. Онѣ рѣдко идутъ по слѣду, не только потому, что чутье у нихъ не развито, — но даже, идя по такому ясному слѣду, какъ оленья тропа на снѣгу, онѣ сбиваются съ него съ безразсуднымъ нетерпѣніемъ и спугиваютъ дичь, которая стремглавъ бросается бѣжать, спасаясь отъ нихъ. Тогда онѣ сидятъ подъ низкорослой сосной и смотрятъ на слѣдъ въ упоръ, не отрывая отъ него круглыхъ неморгающихъ глазъ, и ждутъ возвращенія напуганныхъ животныхъ или появленія другой какой-нибудь дичи, которая пойдетъ по тѣмъ-же слѣдамъ. Даже при обученіи своихъ дѣтенышей дикая кошка нетерпѣлива, рычитъ, злится и капризничаетъ; но стоитъ ей слышать вдалекѣ кулдыканье лѣсной индѣйки или увидѣть выхухоль, прошмыгнувшую въ свою нору, или лѣсную мышь, пробирающуюся потаеннымъ ходомъ въ свое жилище, — и къ Пикомпфу тотчасъ же возвращается утраченное терпѣніе. Ворчливости и дурнаго расположенія духа какъ не бывало. Пикомпфъ садится, ждетъ и забываетъ все на свѣтѣ. Она при этомъ, можетъ быть, только что наѣлась самыхъ излюбленныхъ ею блюдъ и совершенно сыта, и ей совсѣмъ не хочется заниматься ловлей добычи; но она все-таки будетъ караулить и ждать словно для того только, чтобы убѣдиться что глаза ее не обманули и что Тукисъ*, дѣйствительно спряталась гдѣ-нибудь подъ мшистымъ камнемъ; Пикомпфъ видѣла, какъ она пробѣжала туда на коротенькихъ лапкахъ, и оттуда доносится до ея слуха испуганный пискъ.

Но для чего кошка сидитъ и караулитъ у пруда съ форелями, гдѣ ничто не вознаграждаетъ ея терпѣнія? Это оставалось для меня неразгаданной тайной в теченіе многихъ лѣтъ. Я часто видѣлъ Пикомпфа растянувшимся на стволѣ упавшаго дерева или прижавшимся къ основанію высокой скалы надъ водою и настолько углубленнымъ въ ожиданіе, что онъ не слышалъ моего осторожнаго приближенія. Раза два, плывя по рѣкѣ въ челнокѣ, я видѣлъ Эпвикиса на берегу пустынного озера, притаившагося въ потем-

* Лѣсная мышь.

нѣвшихъ отъ сырости корняхъ прибитой къ берегу сосны; огромныя лапы его были спущены, такъ что почти касались поверхности воды, неподвижный, не отрывающійся взглядъ немигающихъ глазъ былъ устремленъ вглубь озера.

Однажды, занимаясь ловлей форелей, на быстрой рѣчкѣ, какъ разъ противъ большого склада бревенъ и заготовленнаго къ сплаву лѣса, я только что собирался закинуть удочку, но вдругъ остановился подъ влїяніемъ какого-то жуткаго ощущенія, под-сказывавшаго мнѣ, что за мной слѣдитъ чей-то невидимый глазъ.

Въ лѣсной глуши никогда не слѣдуетъ относиться пренебрежительно къ такого рода предчувствїямъ.

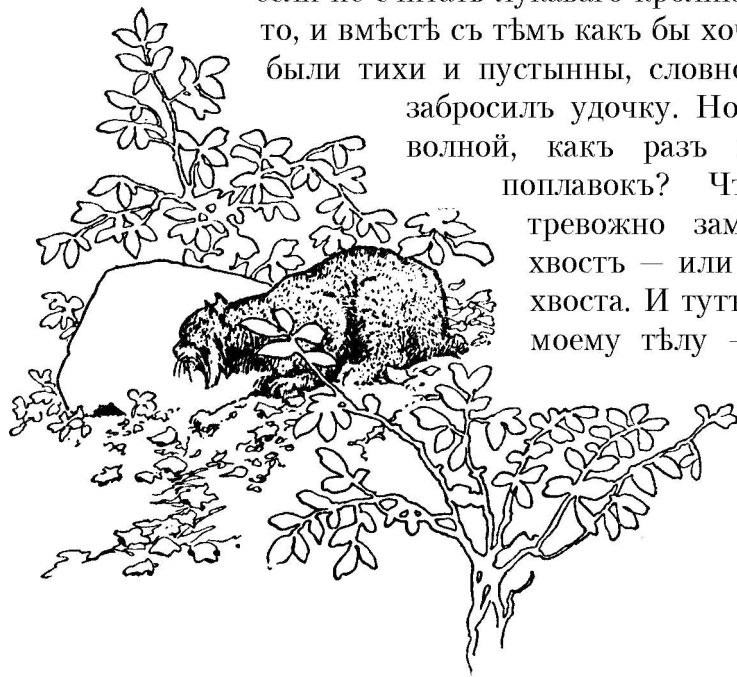
Я быстро оглянулся по сторонамъ, посмотрѣлъ и внизъ и вверхъ, но на рѣчкѣ не было замѣтно никакихъ признаковъ жизни, кромѣ журчанья бѣгущихъ струй. Я внима-тельно осмотрѣлъ берега и подозрительно заглянулъ въ раскинувшійся позади лѣсъ, но,

если не считать лукаваго кролика, который вѣчно словно ищетъ чего-то, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы хочетъ скрыть это отъ васъ, берега рѣки были тихи и пустыньны, словно въ первый день творенія. Я снова

забросилъ удочку. Но что это мелькнуло тамъ, за легкой волной, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, куда упаль мой поплавокъ? Что-то задвигалось, завертѣлось и тревожно замоталось по сторонамъ. Это былъ

хвостъ — или вѣрнѣе вѣчно безпокойный кончикъ хвоста. И тутъ-то — невольная дрожь пробѣжала по моему тѣлу — я различилъ очертанія огромнаго

сѣраго звѣря, вытянувшагося вдоль упавшаго дерева, и встрѣтилъ его свирѣпый, блестящій взглядъ, въ упоръ устремленный на меня. Не успѣлъ я опомниться, какъ животное, словно тѣнь, исчезло въ лѣсу. Но что же выслѣживала здѣсь пантера до того времени, какъ начала слѣдить за мной?

Отвѣтъ явился совершенно неожиданно. Это было въ долину Пемиджевассетъ въ срединѣ лѣта. На разсвѣтѣ я, не спѣша, отправился по лѣсной тропинкѣ къ запрудѣ съ форелями и остановился на минутку, наблюдая засновавшей вдоль берега выдрой. Когда она скрылась подъ сложенными здѣсь бревнами, я сталъ спокойно поджидать, не покажется ли еще кто-нибудь изъ лѣсныхъ жителей. Легкое движеніе на концѣ бревна — передо мной оказался Пикомпфъ, притаившійся такъ, что глазъ едва могъ его различить; онъ осторожно опускалъ лапу въ воду и выдергивалъ ее назадъ особымъ закругленнымъ взмахомъ. Онъ опять повторилъ это движеніе, и я видѣлъ, какъ онъ при этомъ выпустилъ длинныя, кривыя, острые, какъ удильныя крючки, когти. Очевидно, онъ ловилъ рыбу, багря ее съ неменьшимъ, чѣмъ у любого индѣйца, терпѣніемъ; и едва успѣлъ я сдѣлать это открыто, какъ въ воздухѣ за взмахомъ его лапы что-то блеснуло, точно серебро, и Пикомпфъ выпрыгнулъ на берегъ, и прилегъ, нагнувшись надъ выброшенной изъ воды рыбой.

Такимъ образомъ Пикомпфъ сторожитъ надъ прудами такъ же, какъ подкараули-ваетъ бѣлку въ дуплѣ, просто потому, что видитъ добычу, а также потому, что предпочи-таетъ рыбу всему, чѣмъ только можетъ поживиться въ лѣсныхъ дебряхъ. Но сколько времени приходится ему подстерегать крупную форель, прежде чѣмъ удастся поймать хоть одну изъ нихъ? Иногда поздними сумерками, самая крупная рыба снимается изъ затоновъ и плыветъ вдоль береговъ, ища корма, такъ что спинныя плавники высовыва-

ются изъ мелкой воды. Возможно, что Пикомпфъ ловить ее тогда; завидя блеснувшую въ глубинѣ рыбу, онъ остается на мѣстѣ и стережетъ, слѣдуя непреодолимому влеченію, овладѣвающему кошками при видѣ какой бы то ни было добычи. Этимъ онъ отличаются отъ хищныхъ животныхъ всѣхъ другихъ породъ, которыя не обращаютъ никакого вниманія на мелкую дичь, когда сыты.

Съ другой стороны возможно, что Пикомпфъ въ своей хитрости доходитъ и до большаго. Старый Ноэль, охотникъ изъ Микмэка, говорилъ мнѣ, что какъ дикая кошка, такъ и рысь, хитрость которыхъ — хитрость глупости, изобрѣли замѣчательный способъ рыбной ловли. Онъ лежатъ, низко пригнувъ голову къ самой водѣ, загнувъ лапу такъ, чтобы успѣть быстро схватить добычу, и, полузакрывъ глаза съ цѣлью обмануть рыбу, едва касаясь воды усами и чуть-чуть шевеля ими по ея поверхности. Окраска ихъ тѣла сливается съ окружающими предметами и дѣлаетъ ихъ совершенно незамѣтными

Форели, замѣтивъ легкую рябь тамъ, гдѣ длинные усы касаются водяной поверхности, но не отличая притаившагося животного отъ обрубка дерева или скалы, на которой оно лежитъ, всплываютъ на поверхность, какъ онъ обыкновенно дѣлаютъ, когда ищутъ себѣ кормъ, и попадаютъ подъ ударъ движущейся съ быстротою молніи лапы.

Я не вполне увѣренъ, такъ ли это на самомъ дѣлѣ, или нѣтъ. Енотъ несомнѣнно ловить раковъ и мелкихъ рыбокъ такимъ способомъ; и мнѣ случалось заставить кошекъ разныхъ породъ — дикихъ кошекъ, канадскихъ рысей, такъ же, какъ домашнихъ кошекъ — сидящими у воды, низко склонивъ къ ней голову, совершенно неподвижно, такъ что онъ дѣйствительно казались частью дерева или скалы, на которой притаились. Однажды я въ продолженіе пяти минутъ тщетно старался показать моему проводнику большую рысь, лежавшую на корняхъ дерева на открытомъ мѣстѣ въ разстояніи всего какихъ-нибудь тридцати ярдовъ отъ нашего челнока; онъ шопотомъ увѣрялъ, что у него прекрасное зрѣніе и что это только пень. Но рысь, услышавъ насъ, вскочила, поглядѣла и прыгнула въ кусты. Такое умѣнье скрываться легко можетъ обмануть даже и форель, такъ какъ мнѣ часто случалось приманиваться на край высокаго берега, и, пролежавъ совершенно смирно минутъ десять, видѣть, какъ осторожная рыба постепенно поднималась изъ-подъ древесныхъ корней и разсматривала вѣточку или соломинку, которая была у меня въ рукахъ и которою я то тутъ, то тамъ дотрагивался до воды, подражая играющему насѣкомому.

Старикъ Ноэль вѣроятно былъ правъ, говоря, что Пикомпфъ ловить рыбу своими усами; всѣ привычки какъ рыбъ, такъ и кошекъ видимо подтверждаютъ его наблюденіе. Но хитрость Пикомпфа ничто въ сравненіи съ его врожденной подозрительностью и безумной яростью, въ которую онъ впадаетъ, когда его раздражаютъ или когда онъ попадаетъ въ капканъ. Сѣверо-американскіе охотники ловятъ его тѣмъ же способомъ, какъ и его крупнаго родственника — рысь: ставятъ ловушку по кроличьимъ тропкамъ, по которымъ дикія кошки бродятъ по ночамъ. Прямо напротивъ петли, къ противоположному

концу веревки привязывают длинную дубину, которая тащится за кошкой въ то время, какъ послѣдняя убѣгаетъ съ петлей на шеѣ. Будь это лисица, она бы непременно выпуталась какъ-нибудь изъ западни, или осталась бы на мѣстѣ, разгрызла бы веревку зубами и убѣжала. Но, какъ всѣми пойманными кошками, Пикомпфомъ овладѣваетъ слѣпое бѣшенство. Онъ яростно визжитъ на безобидную палку, царапаетъ ее, дерется съ ней и въ своей злобѣ буквально самъ себя душитъ. Или, если это случается, со старой кошкой, которая хитрѣе, она осторожно уходитъ, выбираетъ самое высокое дерево и влѣзаетъ на него вмѣстѣ съ мѣшающимъ ей предметомъ, который болтается за ней и непрерывно стучить. Достигнувъ вершины дерева, она свѣшиваетъ палку на одну сторону ствола, а сама украдкой спускается съ другой стороны, думая обмануть такимъ путемъ своего нѣмого врага и потихоньку отъ него удрать. Дѣло можетъ кончиться двоякимъ образомъ. Или палка запутается въ вѣтвяхъ, и Пикомпфъ повиснетъ, какъ на висѣлицѣ, или палка отъ сильного толчка перетянетъ кошку и вмѣстѣ съ нею упадетъ на землю, обыкновенно при этомъ убивая ее на мѣстѣ.

Этотъ жестокий, звѣрскій способъ охоты къ счастью кошачьяго племени, почти совершенно вышелъ изъ употребленія въ Сѣверо-Американскихъ лѣсахъ, кромѣ далекаго сѣверо-запада, гдѣ метисы нерѣдко съ успѣхомъ примѣняютъ его для ловли рысей.

Какъ примѣръ того, какимъ образомъ охотники пользуются какой-нибудь характерной чертой животного съ цѣлью истребленія его, онъ положительно не имѣетъ себѣ равнаго.

Что хитрость Пикомпфа имѣетъ много общаго съ подозрительной хитростью кошки, безъ того отгѣнка ловкости и ума, который мы замѣчаемъ у волка и лисицы, показываетъ одна любопытная привычка, свойственная какъ дикой кошкѣ, такъ и рыси; а именно, привычка уносить всякую украденную добычу на вершину какого-нибудь высокаго дерева и тамъ поѣдать ее. Когда имъ удастся самостоятельно поймать кролика или рыбу, онѣ обыкновенно сѣдаютъ ихъ тутъ же на мѣстѣ, но, когда онѣ похищаютъ то же животное изъ ловушки или западни, или крадутъ его у болѣе мелкаго охотника, то вся кошачья подозрительность просыпается въ нихъ вмѣстѣ съ какимъ-то смутнымъ

сознаніемъ дурнаго поступка, которое, болѣе или менѣе, знакомо всѣмъ животнымъ безъ исключенія— и онѣ удираютъ съ добычей и съ жадностью поѣдаютъ ее тамъ, гдѣ по ихъ мнѣнію никто ихъ не можетъ увидѣть.

Однажды, подкарауливая въ теченіе нѣсколькихъ дней подъ рядъ у гнѣзда рыбакова животныхъ, приходившихъ украдкой поѣдать остатки пищи, выбрасываемые ея птенцами по утоленіи голода, я увидѣлъ яркое проявленіе этой кошачьей привычки. Другіе звѣри приходили, спокойно сѣдали то, что имъ удавалось найти, и такъ же спокойно уходили; кошки-же, наоборотъ, съ горящими глазами, схватывали кусокъ, словно бросая вызовъ законности и порядку, и либо сѣдали его тутъ-же не переставая при этомъ свирѣпо рычать, либо убѣгали съ виноватымъ видомъ, и какъ я потомъ открылъ, за ними слѣдомъ влѣзали на самое высокое дерево, и, лишь забравшись

на самую верхнюю его вѣтвь, на которой только можно было удержаться, принимались ѣсть утащенный кусокъ. А разъ, въ ноябрѣ, на берегу Мона я былъ свидѣтелемъ жестокаго сраженія, разыгравшагося на вершинѣ высокаго дерева, гдѣ сидѣла дикая кошка рычавшая, какъ двадцать дьяволовъ: надъ нею вился большой орелъ, старавшійся отнять украденную Пикомпфомъ добычу.

Но самый любопытный примѣръ коварства Пикомпфа я наблюдалъ однажды лѣтомъ, года три-четыре тому назадъ. До послѣдняго времени я думалъ, что онъ подмѣченъ мной однимъ; но прошлымъ лѣтомъ одинъ мой пріятель, ежегодно отправляющійся на Ньюфаундлендъ ловить лососей, сдѣлалъ надъ канадской рысью сходное наблюденіе, которое еще сильнѣе подчеркиваетъ склонность кошекъ взбираться на вершины деревь-

евъ съ краденной добычей, хотя съ этой привычкой совершенно не приходится сталкиваться въ тѣхъ случаяхъ, когда кошка сама честно ловила добычу. Дѣло происходило въ Новой Шотландіи, куда я отправился ненадолго на ловлю форелей, и

гдѣ никакъ не думалъ встрѣтиться съ Пикомпфомъ; зимы тамъ стоятъ суровыя, и дикая кошка предоставляетъ такія мѣстности своей родственницѣ—канадской рыси, которая сильнѣе ея, и у которой ноги длиннѣе и лапы крупнѣе и лучше приспособлены для ходьбы по снѣгу. Даже въ Южномъ Беркширѣ, идя по слѣдамъ Пикомпфа, вы видите, что ему приходится плохо, что онъ тащится, увязая по брюхо, совершенно какъ домашняя кошка, въ мягкихъ снѣжныхъ сугробахъ, когда ищетъ тетеревовъ и кроликовъ, и ложится въ изнеможеніи, ожидая, пока снѣгъ не осядетъ и не станетъ тверже. Однако къ моему немалому удивленію Пикомпфъ оказался здѣсь крупнѣе ростомъ, злобнѣе и хитрѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ; правда, мнѣ пришлось убѣдиться въ этомъ только послѣ долгихъ поисковъ. Однажды я занимался рыбной ловлей съ самаго разсвѣта до шести часовъ и поймалъ за это время двухъ крупныхъ форелей, все, что, повидимому, можно было ожидать на этотъ день. Тутъ я вспомнилъ объ одномъ маленькомъ прудѣ, находившемся въ лѣсу за горой, въ которомъ я думалъ найти форелей, и гдѣ, насколько мнѣ было извѣстно, никто еще не пробовалъ ловить ихъ на приманку. Побуждаемый скорѣе желаніемъ посмотреть новыя мѣста, чѣмъ жаждой хорошаго улова, я отправился туда попытать счастья.

Взбираться на гору лѣсомъ было нелегко, потому я не взялъ съ собой ничего, кромѣ удочки, катушки и пакета съ мухами. Пальто я повѣсилъ на ближній кустъ, сѣтку для рыбы положилъ въ тѣнь на скалу, всунувъ конецъ ея ручки въ землю подъ древесными корнями и пустилъ въ нее моихъ двухъ форелей, прикрывъ ихъ отъ солнца папоротникомъ и мхомъ. Затѣмъ я направился лѣсомъ къ маленькому пруду.

Возвратясь съ пустыми руками черезъ нѣкоторое время, я замѣтилъ, что форели вмѣстѣ

съ сѣткой исчезли. Прежде всего мнѣ пришла въ голову вполне естественная мысль, что ихъ кто-нибудь стащилъ, и я сталъ искать слѣдовъ вора; но, кромѣ отпечатковъ моихъ собственныхъ ногъ, никакихъ слѣдовъ не было видно на берегу ни вверхъ ни внизъ по рѣкѣ. Тогда я принялся внимательно разсматривать землю вокругъ скалы и нашелъ клочки мха, рыбы чешуйки и почти стертые слѣды какого-то животного, но слѣды эти настолько неясно запечатлѣлись на крупномъ пескѣ, что не было никакой возможности опредѣлить, какому звѣрю они принадлежать. Я пошелъ по этимъ неяснымъ слѣдамъ и приблизительно ярдовъ черезъ сто они привели меня къ огромной соснѣ, гдѣ слѣды окончательно исчезли, точно существо это внезапно куда-то улетѣло вмѣстѣ съ сѣткой и всѣмъ прочимъ; и я ушелъ, такъ и не узнавъ, чьи это были слѣды.

Около двухъ недѣль кража эта не переставала мучить мое любопытство. Меня не столько тревожила потеря сѣтки и моихъ двухъ форелей, сколько беспокоило сознаніе, что мнѣ измѣнилъ мой охотничій опытъ и умѣніе распознавать животныхъ по слѣдамъ.

Сѣтка была большая, даже слишкомъ велика и тяжела для ловли форелей. Въ послѣднюю минуту передъ отправленіемъ на эту охоту я увидѣлъ, что моя сѣтка для форелей сгнила и никуда не годится, и потому взялъ то, что мнѣ попало подъ руку, именно сдѣланную на заказъ сорока-вершковую сѣть, которую я въ послѣдній разъ бралъ съ собой въ одну научную экспедицію на озеро, къ сѣверу отъ Новаго Брауншвейга. Ручка была длинная, а самый шестъ, какъ я уже не разъ испыталъ, настолько проченъ, что имъ можно было какъ багромъ вытащить двадцатипяти фунтового лосося изъ воды, и я никакъ не могъ понять, какимъ образомъ звѣрь, какой бы то ни было, могъ тащить подобный предметъ по лѣсу, не оставляя за собой видимаго слѣда; я сгоралъ желаніемъ узнать, что это было за животное, и почему оно не съѣло рыбы на томъ мѣстѣ, гдѣ она

была взята. Была ли это канадская рысь, или случайно забѣжавшій волкъ? Или тотъ страшный Злой Духъ, о которомъ еще до сихъ поръ съ ужасомъ рассказываютъ, сидя у пылающаго очага зимними вечерами, можетъ быть, вернулся въ свои родные лѣса? Цѣлую недѣлю я ломалъ себѣ голову надъ этимъ вопросомъ снова и снова возвращался къ тому же мѣсту и тщетно пытался итти по слабымъ слѣдамъ, оставшимся на мху. И послѣ, когда бы я ни бродилъ поблизости отъ этого мѣста, я всегда старался напасть на этотъ слѣдъ, дѣлалъ все большіе круги по лѣсу, въ надеждѣ отыскать сѣтку или какой-нибудь признакъ, который бы помогъ мнѣ узнать укравшаго ее звѣря.

Однажды въ лѣсу меня осянула внезапная мысль, что хотя я и ходилъ по этимъ слѣдамъ три или четыре раза, но ни разу не догадался осмотрѣть дерево, подъ которымъ этотъ слѣдъ пропадалъ. Съ этой мыслью я направился къ большой сосне, и на ней, дѣйствительно, оказались ярко-бурыя пятна въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ шероховатая верхняя кора была содрана. И тутъ же бѣлѣлъ кусочекъ засохшей слизи, очевидно въ томъ мѣстѣ, гдѣ рыба коснулась коры дерева. Кто бы ни былъ этотъ звѣрь, онъ очевидно, взобрался на дерево со своей добычей; сдѣлавъ это открытіе, я немедленно полѣзъ туда же.

У самой вершины, я нашелъ свою сѣтку, длинная ручка которой была крѣпко зацементирована между двумя сучками, дужка ея зацѣпилась за выдавшійся сукъ, а мѣшокъ висѣлъ въ воздухѣ. Въ сѣткѣ лежала большая дикая кошка, просунувъ свою круглую голову въ дыру, которую она прогрызла на днѣ сѣтки, при чемъ жесткія петли затянули ей горло. Всѣми четырьмя ногами ея, она съ помощью когтей порывала петли сѣтки, но каждый толчекъ и усиліе лишь больше запутывали и душили ее. По этимъ признакамъ я возстановилъ, наконецъ, всѣ подробности происшествія. Пикомпфъ нашелъ рыбу и старался вытащить ее изъ сѣтки, но невиданный имъ предметъ и стучавшая ручка возбудили его подозрѣніе. Съ хитростью настоящей рыси, наполовину граничащей съ глупостью, онъ унесъ сѣтку и полѣзъ съ ней на самое высокое изъ находившихся поблизости деревьевъ. У вершины ручка завязла въ сучьяхъ, и въ то время, какъ онъ старался освободить ее, сѣтка вмѣстѣ съ рыбой свѣсилась со ствола дерева. Въ сосновой корѣ ниже ручки я нашелъ отмѣтины, по которымъ видно было, что въ этомъ мѣстѣ онъ, уцѣпившись за дерево, старался лапой достать качавшуюся въ воздухѣ форель; на сучкѣ, подъ которымъ застряла дужка сѣтки, виднѣлись знаки, указывавшіе на то мѣсто, откуда онъ съ вождельніемъ смотрѣлъ на рыбу, лежавшую на днѣ сѣтки, какъ разъ подъ самымъ его голоднымъ ртомъ. Съ этой вѣтки онъ либо свалился, либо, что вѣроятнѣе, въ припадкѣ слѣпой ярости прыгнулъ въ сѣтку, которая его опутала и держала крѣпче желѣзнаго капкана. Когда я въ первый разъ подбѣжалъ къ дереву по его слѣду, онъ, вѣроятно, лежалъ на боку надъ моей головой и пристально смотрѣлъ на меня, когда же я вернулся вторично, онъ уже издохъ.

Это было все, что можно было сказать съ увѣренностью объ этомъ случаѣ. Но мѣстами оборванная петля, клокъ шерсти или поцарапанная когтями вѣтка указывали на происходившую здѣсь ожесточенную борьбу, изступленную ярость которой легко было дополнить воображеніемъ.

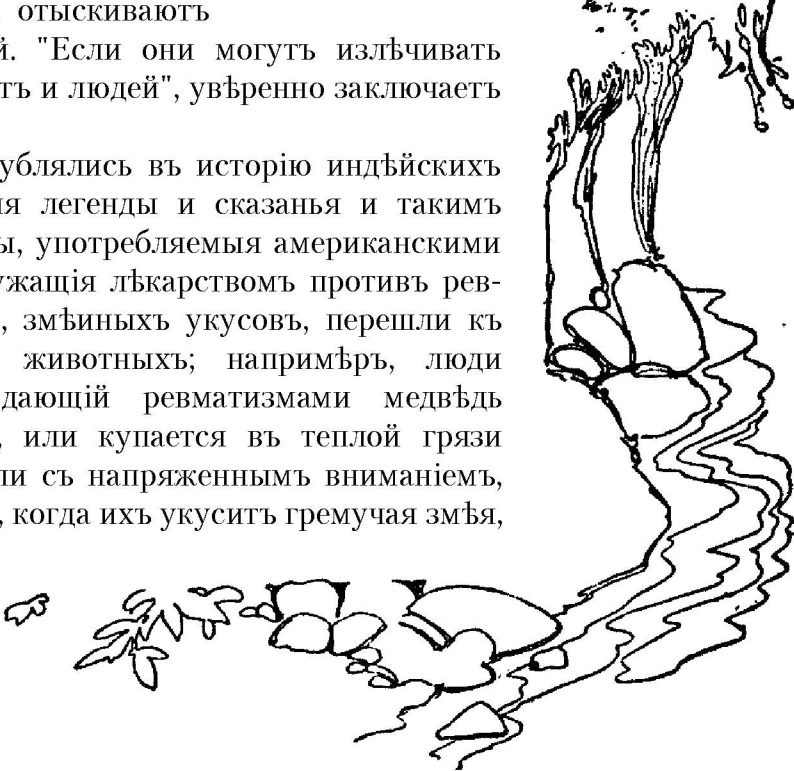
ХИРУРГІЯ ЖИВОТНЫХЪ

Разумѣется, многимъ приходилось видѣть, какъ больная кошка ѣстъ траву или какъ собака, почувствовавшая себя дурно, отыскиваетъ сорныя травы и поѣдаетъ ихъ съ жадностью, чтобы облегчить мучающія ее боли въ желудкѣ. Иные можетъ быть читали совѣты Джона Уэслея о томъ, что надо дѣлать, чтобы сохранить здоровье, и убѣждались съ изумленіемъ въ справедливости его замѣчанія, что многія лѣкарства, примѣняемыя

простонародьемъ и современными ему врачами, были открыты путемъ наблюденія надъ животными, которыя ихъ отыскиваютъ для излѣченія своихъ болезней. "Если они могутъ излѣчивать животныхъ, значитъ, они излѣчаютъ и людей", увѣренно заключаетъ онъ по этому поводу.

Другіе, можетъ быть, углублялись въ исторію индѣйскихъ племенъ, изучали ихъ народныя легенды и сказанья и такимъ путемъ узнали, что многія травы, употребляемыя американскими племенами, особенно травы, служащія лѣкарствомъ противъ ревматизма, дизентеріи, лихорадки, змѣиныхъ укусовъ, перешли къ людямъ непосредственно отъ животныхъ; на примѣръ, люди замѣчали, какъ старый, страдающій ревматизмами медвѣдь вырываетъ корни папоротника, или купается въ теплой грязи сѣрнаго источника; либо слѣдили съ напряженнымъ вниманіемъ, какія растенія ѣдятъ дикіе звѣри, когда ихъ укуситъ гремучая змѣя, или когда ихъ трясетъ изнурительная лихорадка. Третьихъ, можетъ быть, интересовали зачатки медицинской науки у древнихъ грековъ, безъ сомнѣнія перешедшей къ нимъ съ Востока, и они прочли, что

свято хранимыя тайны Асклешадовъ и цѣлебная сила, приписываемая Эскулапу, содержать въ себѣ, между прочимъ, многія простая средства, которыя оказались дѣйствительными для излѣченія животныхъ въ ихъ дикомъ, естественномъ состояніи. Извѣстно, также, что Гиппократъ, величайшій врачъ древности, который подъ именемъ Бократа Мудраго прославился на всю Аравію и даже самыя отдаленныя пустыни, обязанъ многими изъ своихъ медицинскихъ рецептовъ тѣмъ наблюденіямъ, которыя онъ самъ или его предшественники производили надъ дикими животными. И всѣ тѣ, кто наблюдалъ и читалъ по этому вопросу, вѣроятно поражались, какими обширными познаніями обладаютъ эти животныя, а главное, какимъ путемъ они пріобрѣтаютъ ихъ.

Для уясненія этого вопроса, приведу самый простой примѣръ, взятый изъ современной намъ жизни: олень, котораго гоняли цѣлый день собаки и которому наконецъ удалось спастись отъ ихъ преслѣдованія, переплывъ уже начинавшую замерзать рѣку, упалъ въ изнеможеніи на противоположномъ берегу; было очевидно, что онъ немедленно заснетъ на снѣгу. Для человѣка это означало бы неминуемую и быструю смерть. Въ теченіе почти всей ночи олень встаетъ и прохаживается черезъ короткіе промежутки времени, вмѣсто того, чтобы спать безъ просыпу, и поутру просыпается совершенно здоровымъ и способнымъ пробѣжать столько же, какъ и наканунѣ. Если того же оленя запереть въ теплое стойло на ночь, какъ это нѣсколько разъ пробовали дѣлать съ животными, содержащимися въ паркахъ, онъ непременно къ утру умираетъ.

Вотъ примѣръ естественнаго хода лѣченія, который, если бы его подмѣтили древніе греки или индѣйцы, тотчасъ же былъ бы ими примѣненъ въ видѣ указанія, какъ надо поступать въ случаѣ сильной простуды и истощенія и въ случаѣ отравленія, происходящаго отъ паралича мышцъ. Конечно, этотъ методъ, хотя и нѣсколько суровый, долженъ дать достаточно случаевъ полнаго исцѣленія, чтобы передъ нимъ преклонились люди, не имѣющіе къ несчастью ни малѣйшаго понятія о химическихъ составахъ, о шотландской виски, или сахарныхъ пилюляхъ. Несомнѣнно, что животныя примѣняютъ своего рода упрощенную медицину и хирургію. Единственный вопросъ, оставшійся открытымъ это— какъ они знаютъ, что нужно дѣлать? Сказать, что они доходятъ до этого путемъ инстинкта— значитъ оставить вопросъ безъ отвѣта. Кромѣ того, это неправда, такъ какъ многіе поступки животныхъ выходятъ далеко за предѣлы инстинкта. Случай съ оленемъ, который путемъ движенія спасъ себѣ жизнь, вмѣсто того, чтобы заснуть крѣпкимъ сномъ и умереть, можно до нѣкоторой степени объяснить инстинктомъ. Лично мнѣ онъ представляется скорѣе слѣдствіемъ опыта, такъ какъ молодая лань, находясь въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, безъ сомнѣнія легла бы, заснула и умерла, если бы при ней не было матери, которая заставитъ ее двигаться.

Очень часто свѣдѣнія о лѣкарствахъ или начальныхъ хирургическихъ пріемахъ оказывается единоличнымъ открытіемъ и собственностью нѣкоторыхъ рѣдко встрѣчающихся одиночныхъ животныхъ и не распространяются на всю породу, подобно инстинкту. Подобными свѣдѣніями животныя дѣлятся съ другими, что указываетъ на существованіе нѣкотораго общенія между ними, характеръ котораго мы можемъ уловить лишь изъ мимолетныхъ проблесковъ и намековъ — но это не входитъ въ предметъ настоящаго очерка. Цѣлю его—является не желаніе отвѣтить на вопросы „какъ и откуда“, а просто указать на нѣкоторые случаи, подмѣченные мною

въ лѣсахъ, какъ на основу для дальнѣйшихъ наблюденій. Самымъ элементарнымъ хирургическимъ приѣмомъ является ампутація сломанной ноги, производимая не всегда и даже не часто, а только въ тѣхъ случаяхъ, когда рана гноится, напримѣръ, отъ укуса мухи, и грозитъ зараженіемъ всѣму тѣлу. Лучшій примѣръ этого рода можетъ быть енотъ, которому свойственны многія черты, ставящія его въ разрядъ самыхъ умныхъ животныхъ. Когда у енота раздроблена пулей лапа, онъ быстро ее отгрызаетъ и полощетъ обрубокъ въ рѣчной водѣ, отчасти для того, чтобы ослабить воспалительный процессъ, отчасти и для того, чтобы его хорошенько промыть. По мѣрѣ того какъ рана начинаетъ постепенно заживать, онъ зализываетъ ее языкомъ, такъ же какъ собака, можетъ быть, для того, чтобы содержать ее въ чистотѣ и легкимъ массажемъ языка уменьшить опухоль и утишить боль.

Все это, можетъ быть, одинъ голый инстинктъ, но возможно, что это и не совсѣмъ такъ. Я лично не знаю; и кто берется сказать съ увѣренностью, кладетъ ли ребенокъ свою ушибленную ручку въ ротъ, сосетъ и облизываетъ ее по вѣлнію инстинкта, или потому, что онъ видѣлъ, какъ это дѣлаютъ другіе, или же, наконецъ, потому, что въ раннемъ дѣтствѣ ему цѣловали мѣста ушибовъ и онъ безсознательно подражаетъ этому дѣйствию, когда при немъ нѣтъ матери?

Почти всѣ самки животныхъ постоянно лижутъ своихъ дѣтенышей. Ласка ли это, или какая-нибудь гигиеническая мѣра, принимаемая съ самаго рожденія, когда мать начисто облизываетъ своихъ малютокъ, чтобы чуткій носъ какого-нибудь голоднаго хищника, не привелъ его къ нимъ и не помогъ ему истребить все семейство? Конечно, дѣтенышамъ пріятно ласковое прикосновеніе мягкаго языка, такъ что, когда они зализываютъ свои раны, то можетъ быть это просто слѣдствіе воспоминанія или подражательности — два двигателя, кстати сказать, лежащіе въ основѣ всякаго первоначальнаго воспитанія. Эта вставка разумѣется не имѣетъ отношенія къ отнятой ногѣ, и хирургія этимъ не ограничивается.

Еще мальчикомъ, когда я имѣлъ жестокость разставлять западни и ловушки, отчасти по врожденной любви къ охотѣ, отчасти, чтобы положить нѣсколько монетъ въ свой пустой кошелекъ, я однажды поймалъ выхухоль въ стальной капканъ, который при первомъ толчкѣ соскользнулъ въ глубокое мѣсто рѣки и милосердно потопилъ животное. Этимъ я былъ обязанъ урокамъ Нэтти Дингля, у котораго я обучался охотничьему искусству и который примѣнялъ этотъ приѣмъ, чтобы ни одна изъ его шкурокъ не испортилась, такъ какъ часто случается, что пойманное въ капканъ животное неловкимъ поворотомъ туловища переломитъ кость на ногѣ и потомъ отгрызаетъ ногу напрочь зубами и убѣжитъ, оставивъ свою лапу въ тискахъ капкана. Это довольно обыденное явленіе среди пушныхъ животныхъ, не возбуждающее особаго удивленія; и я съ грустью припоминаю, что часто у потопленныхъ въ моей ловушкѣ животныхъ я находилъ всякія поврежденія отъ рукъ другихъ охотниковъ. Я особенно хорошо запомнилъ одну большую выхухоль, которую только что собирался застрѣлить поблизости одной изъ разставленныхъ мною западней, но удержался, замѣтивъ у нея что-то неладное. Ловушка была поставлена въ мелкомъ мѣстѣ, откуда изъ рѣки прямо въ траву выходила тропинка, протоптанная выхухольями. Прямо надъ ловушкой на заостренную палочку была насажена рѣпа, съ цѣлю приковать вниманіе животного и отвлечь

его, прежде чѣмъ оно ступить на роковую дощечку, находившуюся подъ приманкой. Но старая выхухоль избѣгала этой тропинки, точно ей уже приходилось пострадать въ подобномъ мѣстѣ. вмѣсто того, чтобы слѣдовать по пути, по которому проходили ея предки, она подошла съ другой стороны, сзади ловушки, и я съ ужасомъ увидѣлъ, что у нея отрѣзаны обѣ переднія лапки, вѣроятно, въ разное время, когда она дважды попадалась въ эти отвратительныя человѣческія изобрѣтенія. Выйдя изъ воды, она поднялась на заднія лапы и пошла, переваливаясь, по травѣ, какъ медвѣдь или обезьяна, такъ какъ за неимѣніемъ переднихъ лапокъ ей не на что было упираться. Взобравшись на кучу дерна рядомъ съ приманкой съ большой осторожностью, она пригнула къ себѣ рѣпу съ помощью своихъ несчастныхъ обрубковъ, съѣла ее тамъ же на мѣстѣ и шмыгнула обратно въ рѣку, оставивъ на берегу изумленного мальчика въ сумракѣ ложившихся на землѣ вечернихъ тѣней, который, карауля ловушки, въ своемъ изумленіи совершенно забылъ про ружье.

Это мало имѣетъ отношенія къ моему разсказу, но дѣло въ томъ, что въ эту ночь ловушки были убраны и больше уже никогда не разставлялись; и я теперь не могу пройти мимо западни, не воткну въ нее палки, чтобы спасти чью-нибудь несчастную, невинную лапку.

За этими отступленіями отъ предмета моего изложенія, я совсѣмъ, кажется, забылъ о хирургіи и о выхухоль, о которой началъ говорить. Она также попала въ чью-то чужую ловушку и отгрызла себѣ лапку всего нѣсколько дней тому назадъ. Рана еще не успѣла зажить, но меня особенно поразило то обстоятельство, что выхухоль наложила на нее какого-то тягучаго растительнаго клея, вѣроятно смолы съ какой-нибудь сосны, которую раскалывали или съ которой сдирали кору, сваливъ на землю, такъ что выхухоль могла легко на нее взобраться. Она густо намазала этимъ клеемъ всю рану почти до бедра, такъ что въ нее не могли проникать не только грязь, но даже воздухъ и вода.

Старый индѣецъ, проживающій и охотящійся на островѣ Ванкуверъ, недавно разсказывалъ мнѣ, что онъ нѣсколько разъ ловилъ бобровъ, которые до того попадались въ ловушки и отгрызали себѣ лапки, спасаясь изъ неволи, и что онъ видѣлъ двоихъ, намазавшихъ свои раны толстымъ слоемъ клея совершенно такъ же, какъ выхухоль. Про-

шлой весной тотъ же индѣецъ поймалъ въ капканъ медвѣдя. На бедрѣ у него была длинная борозда, оставшаяся отъ когтей другого медвѣдя, и на рану былъ наложенъ толстый слой сосновой смолы. Этотъ случай вполне соответствуетъ тому, что однажды произошло со мной. Много лѣтъ тому назадъ, на сѣверѣ Новаго Брауншвейга, я убилъ большого медвѣдя, который до этого былъ сильно раненъ изъ ружья, при чемъ зарядъ прострѣлилъ ему ногу насквозь. Онъ сначала тщательно залѣпилъ рану глиной, очевидно, съ цѣлью остановить кровотеченіе, а затѣмъ наложилъ на разорванную

кожу липкой грязи съ берега рѣки, чтобы мухи не садились на рану и не замедляли ея заживанія. Здѣсь надо замѣтить, это медвѣдь безъ разбора пользуется какъ клеемъ, такъ и глиной, между тѣмъ какъ бобръ и выхухоль болѣе опытни и избѣгаютъ глины, такъ какъ знаютъ, что она легко смывается водой. Эти случаи, выбранные изъ множества другихъ, видѣнныхъ мною лично, или слышанныхъ отъ заслуживающихъ довѣрія охотниковъ, указываетъ на присутствіе у животныхъ какого-то болѣе сознательнаго чувства, нежели врожденный инстинктъ. Среди птицъ подобные случаи встрѣчаются рѣже, но они еще болѣе интересны, такъ какъ птицы стоя на болѣе низкой ступени развитія, болѣе звѣрей подчинены инстинкту, и потому не такъ легко усваиваютъ примѣръ матерей и труднѣе измѣняютъ своимъ естественнымъ привычкамъ при измѣненіи жизненныхъ

условій.

Это, разумѣется, слишкомъ общее положеніе, и можетъ встрѣтиться безконечное множество исключеній изъ него. Зяблики, перевезенные въ Австралію изъ Англіи, кореннымъ образомъ измѣнили устройство своихъ гнѣздъ и теперь выютъ ихъ совершенно иначе, чѣмъ ихъ прародители. Маленькій щегленокъ изъ Новой Англіи, прилѣтывающій второе доньшко къ своему гнѣзду, чтобы отдѣлать чужое яйцо, положенное другой птицей среди его собственныхъ яицъ; тетерева, которые по близости людского жилья дичають и становятся болѣе чуткими въ сравненіи съ ихъ, живущими въ глуши, собратьями; ласточки, поселяющіяся въ печныхъ трубахъ и амбарахъ, вмѣсто дуплистыхъ деревьевъ и глинистыхъ склоновъ ихъ родныхъ лѣсовъ, — всѣ эти примѣры и множество другихъ показываютъ, насколько инстинктъ птицъ подверженъ измѣненію, насколько молодыя птицы способны умнѣть и приобрѣтать большій запасъ знаній въ сравненіи со своими предками. Тѣмъ не менѣе справедливо, что вообще инстинктъ у птицъ сильнѣе развитъ, чѣмъ у звѣрей. Приводимые ниже примѣры тѣмъ сильнѣе свидѣтельствуютъ о томъ, что за предѣлами инстинкта мы должны еще считаться съ воспитаніемъ и изобрѣтательностью отдѣльныхъ особей, если хотимъ найти объясненіе многому, что происходитъ въ пернатомъ царствѣ.

Самымъ поразительнымъ примѣромъ у птицъ, изъ всѣхъ когда-либо подмѣченныхъ мною, я считаю случай съ вальдшнепомъ, вправившимъ свою переломленную ногу съ помощью глиняной повязки, о которомъ я уже рассказывалъ въ одной изъ предыдущихъ главъ. Но есть другой, еще болѣе замѣчательный случай, наводящій на сомнѣнія, разрѣшить который еще труднѣе. Однажды раннею весною я увидалъ двухъ гагаръ, плававшихъ по озеру Гэммокъ на островѣ Нантоккетъ. Мнѣ могутъ сказать, что я ошибся, такъ какъ гагары принадлежатъ къ породѣ утокъ, живущихъ въ соленой водѣ, которыя плаваютъ только въ открытомъ морѣ и извѣстны тѣмъ, что никогда не прилетаютъ на прѣсныя воды, даже для того, чтобы выводить птенцовъ. Я держался того же мнѣнія до тѣхъ поръ, пока не увидалъ этихъ двухъ птицъ, и рѣшилъ посидѣть и послѣдить за ними нѣкоторое время, чтобы, если возможно, узнать, что заставило ихъ измѣнить своимъ обычаемъ. Въ это время года птицы эти постоянно держатся парами, и иногда цѣлая вереница гагаръ, тянущаяся на сто ярдовъ, пролетитъ мимо васъ, спустившись совсѣмъ низко надъ водой, и пронесется вокругъ мѣста вашего наблюденія, при чемъ вы отчетливо увидите, что впереди летитъ хорошенькая коричневая самка, за ней великолѣпный, черный съ бѣлымъ селезень, затѣмъ опять самка и т. д. самцы и самки, чередуясь въ строгой послѣдовательности на протяженіи всей стаи. Эти же птицы были самки, и это послужило еще большимъ основаніемъ къ тому, чтобы я продолжалъ наблюдать за ними, оставивъ безъ вниманія другихъ утокъ, лысухъ и атаекъ, разсѣянныхъ цѣлыми сотнями по большому озеру.

Первое, что я замѣтилъ, было странное поведеніе этихъ птицъ: онѣ опускали свои головки въ воду и держали ихъ тамъ, не вынимая, по цѣлой минутѣ, или даже больше. Это было странно еще и потому, что мѣсто было слишкомъ глубокое для добыванія пищи; кромѣ того гагары предпочитаютъ ждать отлива и уже тогда собирать выброшенныхъ на скалы моллюсковъ, вмѣсто того, чтобы нырять за ними, какъ это дѣлаетъ лысуха.

Быстро наступившая темнота скрыла отъ меня птицъ, продолжавшихъ окуна-

головы въ воду, словно кто ихъ заворожилъ, и я ушелъ, такъ и не узнавъ, въ чемъ тутъ дѣло.

Нѣсколько недѣль спустя на томъ же озерѣ появилась еще гагара, большой селезень, продѣлывавшій тѣ же непонятныя дѣйствія. Думая, что птица эта ранена и помѣшалась отъ попавшаго ей въ голову заряда, я попробовалъ подѣхатъ къ ней на ветхомъ челнокѣ, но при моемъ приближеніи она поднялась, какъ и всякая другая утка, и быстро пролетѣвъ нѣкоторое разстояніе, снова сѣла на дальнемъ краю озера и опять опустила голову въ воду. Любопытство мое было возбуждено до крайности, и я сталъ молчаливо

преслѣдовать странную птицу, пока, наконецъ, послѣ многихъ усилій, мнѣ не удалось застрѣлить ее изъ-за куста. Селезень не представлялъ собою ничего необыкновеннаго, и единственно, что поразило меня,—была большая ракушка, изъ породы живущихъ на скалахъ въ соленой водѣ, крѣпко защебившая языкъ птицы, между своими створками, такъ что гагара не могла ни раздавить ея клювомъ, ни стащить съ языка лапкой. Я снялъ ракушку,

положилъ ее къ себѣ въ карманъ и пошелъ домой, заинтригованный еще болѣе, чѣмъ раньше. Вечеромъ я разыскалъ стараго рыбака, очень опытнаго по этой части, и спросилъ его, не приходилось ли ему встрѣчать гагаръ въ прѣсной водѣ. — "Какъ же, раза два пришлось

видѣть", — отвѣчалъ онъ, — "онѣ не переставая окунали свою голову въ воду, точно сбѣсились". Но онъ ничего не могъ мнѣ объяснить, пока я не показалъ ему ракушки, снятой мною съ языка птицы. Тутъ лицо его просіяло. — "Ракушки этой породы не могутъ жить въ прѣсной водѣ", — объявилъ онъ, взглянувъ на нее; въ тотъ же мигъ намъ обоимъ пришлось въ голову объясненіе страннаго поведенія птицы: гагары просто окунали ракушекъ въ прѣсную воду, чтобы заставить ихъ разжать створки и освободить защеменный языкъ. Это объясненіе безусловно вѣрно, въ чемъ я имѣлъ случай убѣдиться опуская ракушекъ въ прѣсную воду и съ большимъ вниманіемъ наблюдая за птицами въ то время, какъ онѣ кормились. Всю зиму ихъ можно видѣть на нашихъ берегахъ, гдѣ онѣ питаются мелкими моллюсками, разбросанными по скаламъ. Во время отлива онѣ приплываютъ изъ отмелей, гдѣ держатся разсѣянными стаями и подбираютъ ракушекъ, проглатывая ихъ цѣликомъ вмѣстѣ со скорлупою. Много разъ я прятался въ скалахъ за дамбой, выставивъ передъ собой нѣсколько деревянныхъ утокъ для приманки, и ждалъ, когда гагары подплывутъ за кормомъ. Онѣ быстро приближались къ приманкѣ, нѣсколько разъ взмахивали крыльями, какъ бы въ знакъ привѣта, потомъ, очевидно обиженныя тѣмъ, что имъ не отвѣчаютъ такимъ же привѣтомъ, онѣ подплывали къ обманувшимъ ихъ деревяшкамъ и, съ яростью поклевавъ ихъ, съ видимымъ отвращеніемъ оставляли ихъ и разбредались между скалами у самыхъ моихъ ногъ, не обращая на меня вниманія, пока я сидѣлъ смирно. Онѣ гораздо ручнѣе другихъ дикихъ утокъ, и на свою бѣду не хотятъ повѣрить, что человекъ — ихъ злѣйшій врагъ.

Наблюдая за ними и надѣясь еще разъ наткнуться на птицу съ прищемленнымъ ракушкой языкомъ, я замѣтилъ у нихъ еще одну любопытную черту. Когда стая гагаръ пролетаетъ высоко подъ облаками, стоитъ кому-нибудь громко крикнуть или раздаться ружейному выстрѣлу, какъ вся стая съ быстротой молніи спускается къ водѣ и летитъ совсѣмъ близко надъ ней, почти касаясь ея крыльями. У ржанокъ, когда онѣ только-что прилетаютъ изъ Лабрадора, замѣчается та же привычка, но я тщетно пытался подыскать для нея удовлетворительное объясненіе.

Когда птицы добываютъ для себя пищу, случается, что ракушка крѣпко захлопнетъ въ свои створки клювъ или языкъ неосторожной птицы, такъ что ее нельзя ни раздавить, ни проглотить, ни разбить о скалы. Въ этомъ случаѣ птица, если ей извѣстно это средство, летитъ къ прѣсной водѣ и топить въ ней своего мучителя. Извѣстно ли это средство всѣмъ уткамъ, или оно составляетъ достояніе лишь нѣкоторыхъ, опредѣлить нѣтъ никакой возможности. Я самъ видѣлъ трехъ гагаръ, примѣнявшихъ этотъ хирургическій приѣмъ, и слышалъ по крайней мѣрѣ о десяткѣ подобныхъ же случаевъ—все среди птицъ изъ той же породы, по нѣскольку разъ кряду окунавшихъ голову въ воду. Въ обоихъ случаяхъ возникаютъ два интересныхъ вопроса: во-первыхъ, какимъ путемъ птица, вся жизнь которой отъ рожденія до смерти протекаетъ на морѣ, узнаетъ, что извѣстная порода ракушекъ не переноситъ прѣсной воды? И, во-вторыхъ, какимъ образомъ другія птицы узнаютъ объ этомъ средствѣ, какъ только въ немъ возникаетъ столь неожиданная надобность?

Тотъ, кто охотится съ ружьемъ или съ фотографическимъ аппаратомъ, получаетъ огромное удовлетвореніе. Правда, у него бываютъ огорченія, трудности, неудачи и это цѣна, которою онъ добываетъ свой успѣхъ. Тотъ, кто охотится безъ ружья и безъ аппарата получаетъ, по моему, гораздо большее удовольствіе, и притомъ даровое. Къ нему больше чѣмъ къ любому охотнику приложимы слова, сказанныя однимъ, возвратившимся изъ Африки, миссіонеромъ, про свое первое собраніе слушателей. — "Это счастливый народъ, которому солнечные лучи служатъ одеждою, а законъ тяготѣнія — пищею". Охота безъ ружья есть удовольствіе мирнаго человѣка, человѣка, который идетъ въ лѣсъ ради отдыха и душевнаго мира и послѣ года заботъ и труда радъ на нѣкоторое время забыть о нихъ.

Скользя въ челнокѣ по водѣ или неспѣшно проходя по лѣснымъ тропинкамъ, онъ не знаетъ никакого бремени, не носить съ собой ни ружья, ни треножника, ни пластинокъ. Самъ наслаждаясь

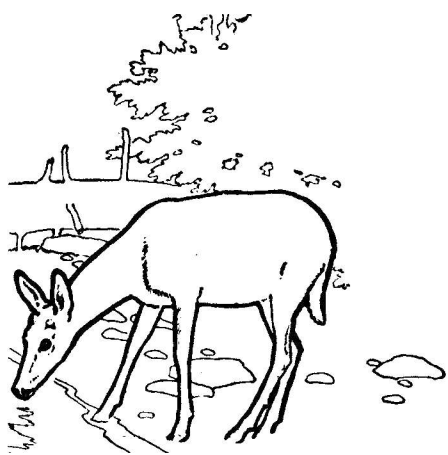
жизнью, онъ не находитъ удовольствія въ смерти дикихъ животныхъ. Довольствуясь тѣмъ, что онъ можетъ созерцать, слушать и понимать, онъ не раздражается, если солнце свѣтитъ не съ той стороны, откуда ему нужно, ему не приходится точно размѣрять разстоянія, а затѣмъ злиться и сыпать бранью, какъ случается и съ хорошими людьми, когда дичь снимается съ мѣста, или тучи заслоняютъ солнце, или пластинки не дѣйствуютъ съ достаточной быстротой, или, еще хуже того, когда онъ убѣждается, уже послѣ ухода звѣря, что на пленкѣ, приготоваенной для лося, уже запечатлѣлся раньше какой-то пейзажъ съ плывущимъ по рѣкѣ челнокомъ.

Я вовсе не намѣренъ осуждать охоты, такъ какъ самъ испробовалъ самые разнообразные виды ея и нахожу, что она даетъ большое наслажденіе. Я просто предпочитаю охоту безъ ружья и безъ аппарата всѣмъ другимъ видамъ охоты по тремъ причинамъ: во-первыхъ, потому что она спокойна и вмѣстѣ съ тѣмъ доставляетъ много удовольствія, притомъ совершенно незамѣнима въ жаркое лѣтнее время; во-вторыхъ, потому что въ ней не встрѣчаешь ни хлопотъ, ни огорченій, ни разочарованій, что благотворно дѣйствуетъ, на человѣка, которому приходилось часто переносить ихъ; и наконецъ, въ-третьихъ, потому, что она знакомитъ васъ съ жизнью и индивидуальными особенностями дикихъ животныхъ такъ, какъ никакая другая охота не можетъ, уже потому, что тутъ вы подходите къ звѣрю спокойно, не волнуясь; поэтому и они дѣлаются смѣлѣе, держатъ себя естественно и непринужденно и даже любопытствуютъ узнать кто вы такой, и что вы тутъ дѣлаете. Вмѣстѣ съ тѣмъ она бываетъ и увлекательна и можетъ волновать васъ въ той степени, въ какой вы сами пожелаете. Подползать по выжженной лѣснымъ пожаромъ землѣ къ медвѣдицѣ съ медвѣжатами, собирающими чернику со смѣшными, жадными ужимками; безшумно приближаться на лодкѣ къ крупному лосю въ то время, какъ онъ держитъ голову подъ водой и виднѣются лишь его широкіе рога; удобно лежать у лѣсной тропинки, на которой чередуются свѣтлыя и темныя пятна отъ лучей солнца, и смотрѣть, какъ бѣлки скачутъ у васъ по ногамъ и птички съ любопытствомъ разглядываютъ подошвы вашихъ сапогъ или — дивное зрѣлище въ лѣсу раннимъ утромъ, — замѣтить какъ куница прошмыгнетъ мимо васъ въ напряженномъ волненіи, разыскивая слѣдъ зайца или тетерева, пробѣжавшихъ здѣсь часъ тому назадъ; красться одному вдоль пустынныхъ береговъ въ тихую темную ночь, и молча направлять свой фонарикъ на утокъ, или лосей, или на лань съ ея дѣтенышами, — развѣ мало радостей и волненія во всемъ этомъ, и не довольно ли этого, чтобы удовлетворить любителя природы и лѣсной глуши. Можно также многому научиться, особенно, если вспомнить, что именно этихъ самыхъ, видѣнныхъ вами животныхъ, еще ни разу не видѣлъ человѣческій глазъ, что каждое изъ нихъ имѣетъ свои личныя особенности, и что въ любую минуту они могутъ проявить какую-нибудь интересную черту животной жизни, до сихъ поръ еще ни разу не замѣченную ни однимъ натуралистомъ. Прошлымъ лѣтомъ рядомъ съ моей стоянкой на Матагаммонѣ находился небольшой участокъ берега, между двумя мысами, окруженный густымъ лѣсомъ, который олени любили больше всѣхъ другихъ уголковъ на всемъ озерѣ. При нашемъ прибытіи олени находились совсѣмъ близко отъ нашего лагеря. Съ порога нашихъ палатокъ мы видѣли, какъ они бродятъ по берегу озера, а по вечерамъ они робко подходили къ нашему жилищу за картофельной и яблочной шелухой. Мало-по-малу шумная жизнь стоянки отгѣснила ихъ далеко къ горнымъ вершинамъ, но въ ненастныя ночи они все-таки возвращались, когда въ лагерь все затихало и не было видно огней. Я часто слышалъ изъ своей палатки осторожное шуршаніе или трескъ сложенной вѣтки, вмѣстѣ съ шумомъ и стукомъ дождевыхъ капель по крышкѣ, и, выходя наружу въ темноту, могъ различить двухъ-трехъ оленей, обыкновенно матку съ дѣтенышами, стоящихъ подъ крышей нашего деревяннаго навѣса, спасаясь отъ ливня.

Упомянутый выше бережокъ лежалъ подальше, за рукавомъ озера; его не было видно съ нашей стоянки, и нашъ шумъ не долеталъ до него, поэтому олени никогда не

покидали его, хотя мы ежедневно наблюдали за нимъ. Я такъ и не могъ узнать причины ихъ привязанности къ этому бережку. Вдоль береговъ озера было много луговинъ гораздо больше и ровнѣ этой, и на многихъ изъ нихъ кормъ былъ гораздо лучше, но тѣмъ не менѣ олени стремились сюда въ большемъ количествѣ, чѣмъ во всякое другое мѣсто. По близости находился огромный, заросшій лугъ, съ густыми лѣсными чащами по склонамъ, расположеннымъ за нимъ, гдѣ водилось много оленей. Прежде чѣмъ выйти на вечернюю кормежку на большой лугъ, они заходили на бережокъ и играли тамъ около часу или болѣе; и я вполне увѣренъ, что мѣсто это служило имъ площадкой для игръ, такой же, какую выбираютъ себѣ для забавы и развлечения кролики, лисицы и вороны, и большинство другихъ дикихъ животныхъ.

Однажды на утренней зарѣ я лежалъ, притаившись въ старыхъ корняхъ, на краю этого бережка и наблюдалъ за интересной игрой. Штукъ десять оленей, самокъ, дѣтенышей и молодыхъ бычковъ, вышли на поляну и быстро бѣгали по тремъ кругамъ, расположеннымъ въ рядъ, такимъ образомъ: оОо. Посрединѣ находился большой кругъ, имѣвшій около пятнадцати футовъ въ діаметрѣ, а по обѣимъ его сторонамъ были два малыхъ круга меньшихъ размѣровъ, діаметрами вдвое меньше перваго, какъ я, впоследствии узналъ, измѣривъ ихъ по оставленнымъ оленями слѣдамъ. По одному изъ этихъ малыхъ круговъ олени бѣгали непременно справа налево, а по другому — наоборотъ, слѣва направо; по большому же кругу, въ серединѣ, они бѣгали безразлично въ обѣ стороны, хотя, если случалось двумъ или тремъ оленямъ бѣжать на этомъ кругу одновременно, пока остальные рѣзвились по боковымъ, то они держались одного и того же направленія. Во время игры всѣ три кольца были все время заняты, при чѣмъ больше бѣгали по двумъ малымъ, крайнимъ кольцамъ, нежели по большому центральному. Иные олени быстро перебѣгали съ одного кольца на другое, но, что было всего любопытнѣе, — я ни разу не видалъ, чтобы хоть одинъ олень, даже дѣтенышъ, пересѣкъ большой кругъ поперекъ, перебѣгая съ одного крайняго кольца на другое. Когда они ушли, кольца ясно обрисовались на утопанномъ пескѣ, но ни одинъ слѣдъ не пересѣкалъ ихъ поперекъ.

Смыслъ этой игры былъ очень простъ. Кромѣ игры молодые олени этимъ путемъ обучались искусству, дѣлать быстрые повороты и узлы на полномъ скаку, но каковы были точныя правила игры и — кружились ли они въ разныя стороны, чтобы избѣжать головокруженія, — этого я никакъ не могъ опредѣлить, несмотря на то, что олени находились въ разстояніи не больше тридцати ярдовъ отъ меня, и каждое ихъ движеніе я могъ ясно различить въ бинокль. Что олени хорошо усвоили себѣ игру и ея правила, бы-

ло ясно всякому, кто слѣдилъ за этой удивительной забавой хотя бы минутъ пять. Хотя они бѣгали очень быстро съ удивительной легкостью и граціей, но при этомъ не замѣтно было ни путаницы, ни замѣшательства. По временамъ одна изъ ланей забѣгала впередъ и заграждала дорогу какому-нибудь олененку, въ то время, какъ онъ направлялся къ большому кругу, а онъ съ быстротой молніи дѣлалъ поворотъ на мѣстѣ и удиралъ съ торжествующимъ или недовольнымъ фырканьемъ. Одинъ разъ молодой бычекъ, а потомъ лань съ двумя подростками-оленьятами выбѣжали изъ лѣса, и, немного послѣдивъ за увлекательной игрой, присоединились къ ней сами, словно прекрасно понимая, что имъ надо дѣлать. Они играли въ эту игру по нѣсколько минутъ къ ряду, потомъ разсыпались по берегу, прохаживаясь по немъ, подходя къ водѣ и обнюхивая ее. Потомъ одинъ или двое возвращались, къ нимъ присоединялись другіе, и въ мигъ игра была снова въ полномъ разгарѣ. Оленьята быстро кружились по кольцамъ, упражняя каждую отдѣльную мышцу и приучаясь въ совершенствѣ управлять своимъ граціознымъ тѣломъ и не подозревая, что старшіе придумали для нихъ эту игру съ опредѣленной цѣлью. При наблюденіи за этой игрой уясняешь себѣ въ точности нѣкоторыя любопытныя особенности въ анатомическомъ строеніи оленя. Плечо его вовсе не прикрѣплено къ скелету; оно свободно лежитъ подъ кожей, соединенное лишь нѣжной эластичной тканью съ мускулами его туловища. Когда оленю внезапно заграждаютъ дорогу и онъ какъ вкопанный замираетъ на мѣстѣ, все тѣло наклоняется впередъ, такъ что переднія ноги кажутся приставленными къ самой серѣдинѣ брюха; когда же онъ встаетъ на дыбы, онъ какъ-бы поддерживаютъ его шею, на много впереди того мѣста, гдѣ онъ собственно должны находиться. Эта подвижность плеча и придаетъ необыкновенную гибкость и грацію движеніямъ оленя, и она же смягчаетъ и уменьшаетъ сотрясеніе тѣла при высокихъ прыжкахъ во время бѣга между скалами и по валежнику, въ изобиліи встрѣчающемся на его пути въ лѣсныхъ дебряхъ.

Въ разгарѣ игры, за которой я наблюдалъ уже съ полчаса, въ лѣсу справа отъ меня послышался шорохъ, и я замеръ на мѣстѣ, увидѣвъ великолѣпнаго оленя, стоявшаго въ кустарникѣ, наполовину спрятавшись въ чащѣ. Я зналъ, что по склонамъ этой части озера, беззаботно проживаютъ два или три большихъ оленя съ пышными рогами, которыхъ я выслѣживалъ уже в теченіе нѣсколькихъ недѣль. Въ противоположность самкамъ, оленьятамъ и полувзрослымъ молодымъ оленьямъ, они были дики, какъ соколы, и такіе-же эгоисты, какъ кошки. Они рѣдко показывались на открытыхъ мѣстахъ, и если ихъ случайно заставали тамъ вмѣстѣ съ другими оленьями, они немедленно уходили, едва завидѣвъ или зачуявъ опасность. Самки и оленьята при моемъ приближеніи принимались топтать и свистѣть, предупреждая другихъ оленей, прежде чѣмъ спастись самимъ или разслѣдовать опасность; взрослые же самцы убѣгали или уходили украдкой, смотря потому, какъ къ нимъ приближались, и, спасая свою шкуру, нисколько не заботились о безопасности пасущагося рядомъ стада. И вотъ почему въ обыкновенное время оленьи самки рѣдко позволяютъ оленьямъ-самцамъ быть вожаками стада. Лѣтняя сонная лѣнь еще не сошла съ этихъ оленей; имъ еще не сообщила дикая стремительность осенней поры. Я какъ-то разъ ушелъ съ проводникомъ ловить форелей на дальнемъ озерѣ. Я сталъ наблюдать за дикобразомъ, стараясь сыскать его довѣріе съ

помощью куска шоколада, — что, кстати сказать, мнѣ совсѣмъ не удалось, — а въ то время проводникъ ушелъ далеко впередъ. Въ то время, какъ онъ поднимался на гору, весь поглощенный поисками заросшей тропинки, стараясь опредѣлить ее по отмѣткамъ на деревьяхъ, я замѣтилъ легкое движеніе въ боковыхъ кустахъ и, наведя на нихъ бинокль, увидалъ голову стараго оленя, пристально смотрѣвшаго на проводника изъ своей засады. Дѣло было близко къ полдню, и лѣнивый олень, вѣроятно, соображалъ, нужно ли ему спастись бѣгствомъ, или нѣтъ. Проводникъ быстро прошелъ мимо, и къ моему удивленно голова тотчасъ же исчезла; очевидно олень легъ, не тронувшись съ мѣста.

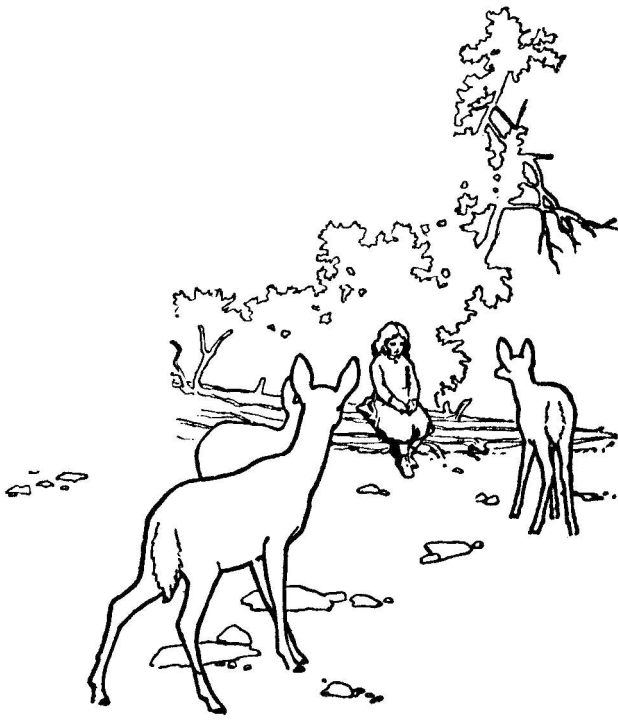
Не отрывая глазъ отъ кустовъ, я пошелъ за проводникомъ. Проходя по чащѣ, я не замѣтилъ никакихъ признаковъ жизни, хотя, безъ сомнѣнія, осторожный олень зорко слѣдилъ за каждымъ моимъ движеніемъ. Я прошелъ мимо, въ чащѣ по прежнему все было тихо; тогда, описавъ кругъ, я постепенно вернулся къ прежнему мѣсту. Послышался легкій шорохъ, и олень снова поднялся на ноги. Онъ, очевидно, рѣшилъ, что я уйду вслѣдъ за первымъ человѣкомъ, и подумалъ, что ему незачѣмъ вставать. Я сдѣлалъ шага два впередъ, снова раздался шорохъ и слабое движеніе въ кустарникѣ, — настолько легкое, что если бы въ это время подулъ вѣтеръ, глаза мои не могли бы его примѣтить; движеніе это указало мнѣ, въ какомъ направленіи олень безшумно скользнулъ на другое мѣсто, гдѣ онъ обернулся и стоялъ, стараясь узнать, открылъ ли я его въ новомъ убѣжищѣ, или просто перемѣнилъ направленіе, какъ человѣкъ, заблудившійся въ лѣсу. Это было далеко въ горахъ, гдѣ старые олени бродятъ и скрываются по одиночкѣ въ продолженіе лѣтняго времени. У озера, однако, находилось два или три оленя, изрѣдка появлявшихся вмѣстѣ съ другими, но они были такъ робки и дики, что охотиться за нимъ безъ ружья было почти невозможно. Тотъ, который стоялъ теперь въ разстояніи двадцати футовъ отъ меня, нетерпѣливо слѣдя за игравшими оленями, былъ одинъ изъ этихъ молодцовъ. Онъ топнулъ копытомъ и тихонько фыркнулъ.

Игра моментально прекратилась, и большой олень вышелъ на поляну. Онъ окинулъ взоромъ озеро, на которомъ такъ часто видѣлъ людей въ лодкахъ, повелъ носомъ по вѣтру, осмотрѣлъ землю у себя подъ ногами и, настороживъ уши, обернулся къ тому мѣсту, гдѣ я находился, потомъ сталъ снова пристально разсматривать озеро; можетъ быть онъ завидѣлъ вдаль мою лодку, лежавшую вверхъ дномъ въ водоросляхъ; вѣроятно же всего, безсознательное ощущеніе близости врага, которое такъ часто встрѣчается въ животныхъ и хорошо знакомо охотящимся съ ружьемъ и безъ ружья, встревожило его и возбудило въ немъ подозрѣніе. Пока онъ осматривалъ озеро и его берега, ни одинъ олень не двинулся съ мѣста. Какое-то безмолвное приказаніе пронеслось въ воздухѣ, и, казалось, я самъ въ своей засадѣ почувствовалъ его. Старый олень вдругъ повернулся и безшумно направился къ лѣсу, все стадо тотчасъ же послѣдовало за нимъ безъ малѣйшаго колебанія или сомнѣнія. Даже крошечные оленята, не настолько беззаботные, чтобы не почувствовать поданнаго знака, поняли, что въ поведеніи стараго оленя кроется нѣчто болѣе серьезное, нежели ихъ игра, — можетъ быть они почуяли въ воздухѣ что-то новое, небывалое, — и, безпрекословно повинуясь призыву, побѣжали за матерями, расплываясь, подобно блѣднѣющимъ тѣнямъ, въ надвигавшемся на лѣса сумракѣ.

Много лѣтъ до этого, на другомъ озерѣ, охотясь также безъ ружья, я наткнулся на еще одинъ любопытный примѣръ оленьей разсудительности. Надобно сказать, что олени, повидимому, рождаются безъ всякаго чувства

страха передъ человѣкомъ. Оленята, которыхъ находятъ въ лѣсахъ совсѣмъ маленькими, обыкновенно игривы и любопытны; олененокъ, отбившійся отъ матери, скорѣе пойдетъ за человѣкомъ, чѣмъ за какимъ бы то ни было другимъ животнымъ. Когда олень видитъ васъ впервые, все равно, старъ онъ или молодъ, онъ осторожно подойдетъ къ вамъ, если вы только не спугнете его какимъ-нибудь рѣзкимъ движеніемъ, и милыми приѣмами, будетъ стараться познакомиться съ вами. Какъ большинство дикихъ звѣрей, олени обладаютъ тонкимъ чутьемъ и вмѣстѣ съ медвѣдемъ и сѣвернымъ оленемъ, прежде всего довѣряютъ, главнымъ образомъ, своему носу. Когда они въ первый разъ почуютъ человѣка, они обыкновенно убѣгаютъ не потому, что знаютъ, что это такое, а какъ разъ по обратной причинѣ;

именно, потому, что въ воздухѣ носится сильный незнакомый имъ запахъ, и матери еще не показали имъ, какъ нужно къ нему относиться. Если ты чего-нибудь не знаешь и сомнѣваешься — скорѣй убѣгай; — вотъ правило, подсказываемое чутьемъ и втолкованное матерями всѣмъ дикимъ животнымъ; между тѣмъ, повинаясь слуху или зрѣнію они поступаютъ какъ разъ наоборотъ. Все это хорошо извѣстно охотникамъ, но бываютъ любопытныя исключенія изъ этого правила. Въ то время, какъ я наблюдалъ за оленями, собиравшимися на одну изъ своихъ площадокъ для игръ, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, въ нашъ лагерь прибылъ проводникъ съ женой и маленькимъ ребенкомъ. Они остановились у насъ мимоходомъ, направляясь на собственную стоянку къ охотничьему сезону. Желая доставить удовольствіе маленькой дѣвчонкѣ, которая была большой охотницей до животныхъ, я взялъ ее съ собой, чтобы показать ей, какъ играютъ олени. Въ то время какъ они бѣгали по берегу, я велѣлъ ей выйти на полянку изъ нашей засады, любопытствуя узнать, какъ къ этому отнесутся олени. Слѣдуя моимъ указаніямъ, малютка тихонько вышла и стала между ними. Сначала они встревожились, две взрослыхъ самки тотчасъ же описали кругъ и по вѣтру стали опредѣлять его запахъ, но даже послѣ того, какъ они почуяли подозрительный человѣческій запахъ, котораго привыкли бояться, они все-таки смѣло подошли къ ней, поднявъ уши и опустивъ свои выразительные хвосты безъ нервнаго виланія, характернаго для оленѣй, почуявшихъ подозрительный запахъ. Дѣвчонка тѣмъ временемъ сидѣла на берегу, и, широко раскрывъ глаза, съ любопытствомъ разглядывала красивыхъ животныхъ, при этомъ какъ настоящая маленькая героиня повинаясь моимъ наставленіямъ, которыя я ей передалъ шопотомъ, и оставаясь безъ движенія, какъ притаившійся отъ погони кроликъ. Два маленькихъ пятнистыхъ олененка уже игриво кружились возлѣ нея; а третій прямо подошелъ къ ней, протягивая носъ и уши, какъ бы намѣреваясь приласкаться, а потомъ попятился назадъ, красиво притопывая передней ножкой, чтобы заставить смирно сидѣвшаго ребенка пошевелинуться или заговорить, или можетъ быть, давая ей понять на своемъ собственномъ языкѣ, что хотя онъ и дружелюбно къ ней относится, однако, нисколько ея не боится. Въ стадѣ находился одинъ олень-самецъ—трехлѣтка, съ рогами довольно внушительныхъ размѣровъ. Сначала онъ одинъ изъ всѣхъ оленей выказывалъ нѣкоторый страхъ къ маленькой посетительницѣ, и мнѣ казалось, что страхъ этотъ обуславливался больше всего подозри-

тельностью или чувствомъ раздраженія противъ всякаго, кто отвлекалъ вниманіе стада отъ него самого. Дикое осеннее настроеніе уже овладѣвало имъ, и оно выражалось въ беспокойной суетливости, въ томъ, что онъ безъ всякой причины бодаль самокъ и грубо и бессмысленно гонялся за ними. Теперь онъ подошелъ къ дѣвчкѣ, потрясая рогами, какъ мнѣ показалось, не угрожающе а просто, чтобы показать другимъ оленямъ, что онъ все еще ихъ владыка, великій самодержецъ, съ мнѣніемъ котораго они во всемъ должны считаться. Тутъ только маленькая дѣвочка впервые нервно вздрогнула при видѣ угрожающаго движенія оленя. Я потихоньку окнулъ ее и шепнулъ ей, чтобы она не боялась и продолжала смирно сидѣть; въ то же самое время я безшумно вышелъ изъ кустовъ. Въ одинъ мигъ идиллія была нарушена, и олени бросились въ мою сторону. Имъ раньше приходилось видѣть людей, и они хорошо знали, что это значитъ. Бѣлые хвостики испуганно поднялись вверхъ, и въ воздухѣ раздались продолжительные свистки, въ то время какъ олени и оленята поскакали по разбросанному валежнику, какъ стая невзначай поднятыхъ куропатокъ, и исчезли подъ дружественной сѣнью ближняго лѣса.

Есть люди, утверждающіе, что жизнь звѣря управляется исключительно слѣпымъ инстинктомъ и привычкой. Но здѣсь на берегу, на моихъ глазахъ разыгралась сцена, требующая иного объясненія.

Хотя олени и являются самыми распространенными и интересными животными для охоты безъ ружья, но существуетъ и кромѣ нихъ дичь, дающая много наслажденій сердцу охотника и заставляющая его весело поглядывать на свой пустой ягдташъ. Кромѣ обыкновенныхъ оленей на тѣхъ же водныхъ пространствахъ водятся и американскіе олени, и если къ нимъ потихоньку и безшумно приблизиться въ лѣтнее время, особенно въ лодкѣ, они почти не проявляютъ страха передъ человѣкомъ.

Прошлымъ лѣтомъ, пробираясь по каналу въ Матагаммонъ, я увидѣлъ неясные контуры самки сѣверо-американскаго оленя и ея дѣтеныша въ узкой рѣчкѣ. Я молча наблюдалъ за ней нѣкоторое время, подмѣчая ея любопытный способъ насыщенія — то она отщипнетъ клочекъ сочной водоросли, то, вытянувъ шею, огромной мордой достаетъ листья водяного клена, хватая одно, бросаясь на другое, какъ мальчикъ, попеременно надкусывающій то одно, то другое яблоко; дѣтенышъ между тѣмъ бродилъ по берегу, не обращая вниманія на челнокъ, хотя онъ прекрасно его видѣлъ, въ то время какъ мать и не подозрѣвала о его приближеніи. Поглядѣвъ на нихъ еще нѣсколько минутъ, я осторожно продвинулся къ противоположному берегу и поплылъ внизъ по теченію, чтобы узнать, нельзя ли проѣхать мимо, не спугнувъ ихъ. Дѣтенышъ чѣмъ-то занялся на берегу, мать вся ушла въ водоросли, когда я плылъ мимо, низко нагнувшись ко дну лодки, чтобы остаться незамѣченнымъ. Самка примѣтила меня, когда я уже поравнялся съ нею, и, бросивъ удивленный взглядъ, продолжала спокойно жевать. Тогда я осторожно повернулъ челнокъ и сталъ къ нимъ по вѣтру, на разстояніи десяти ярдовъ, слѣдя за каждымъ движеніемъ. Въ эту минуту дѣтенышъ находился ближе ко мнѣ; мать молчаливымъ знакомъ приказала ему отойти и поставила его въ сторону, подальше отъ меня; но ея запрещеніе подходить близко возбудило любопытство маленькаго животного, и онъ все время выглядывалъ изъ-подъ брюха матери или просовывалъ голову между ея колѣнями, стараясь разсмотрѣть, кто я такой, и что я тутъ дѣлаю. Но при этомъ онъ не обнаруживалъ ни малѣйшаго страха, и я понемногу сталъ отодвигаться назадъ, оставивъ ихъ мирно пастись тамъ, гдѣ они были.

Любопытный контрастъ этому случаю представляла слѣдующая моя встрѣча съ американскими оленями. Это

было на маленькой рѣчкѣ, заселенной бобрами пониже озера Гэй въ мѣстности, по своей дикости напоминавшей самыя фантастическія грезы Дорэ и изобиловавшей отличнымъ кормомъ для американскихъ оленей. Я занимался ловлей форелей, какъ вдругъ самка американскаго оленя показалась между кустами ольхи и черники. Я больше не закидываль удочки и притаился, присѣвъ на дно лодки; она же не замѣчала меня, пока не очутилась отъ меня на разстояніи двадцати футовъ. Тогда она презрительно мотнула своей огромной головой и спокойно пошла дальше, обращая на меня такъ же мало вниманія, какъ на раскинутыя по берегу жилища бобровъ. Въ десяти шагахъ за ней слѣдоваль дѣтенышъ. Едва скрывшая ее листва успѣла сомкнуться надъ ней, какъ дѣтенышъ выглянулъ изъ-за кустовъ и наткнулся прямо на меня. Замычавъ и подскочивъ, какъ испугнутая лань, онъ бросился назадъ въ кусты, и я слышалъ, какъ сучья затрещали подъ ногами у матери, когда она закружилась, ища дѣтеныша, чтобы узнать, что его такъ напугало. Черезъ десять минутъ, притаившись въ томъ же мѣстѣ, я увидѣлъ огромную голову, выглядывавшую изъ кустовъ, въ которыхъ исчезъ олененокъ. Онъ привелъ мать посмотрѣть на меня, и теперь, навѣрное, по своему спрашиваль: "Что это такое, мама, что это?" — хотя ни одного звука не было слышно. Такъ они и стояли, какъ вкопанные, въ продолженіи цѣлой минуты, при чемъ ни у нихъ, ни у меня не дрогнуль ни одинъ мускулъ; потомъ они молча подались назадъ и исчезли, оставивъ за собой лишь двойной рядъ дрожащихъ и покачивавшихся кустовъ, словно слѣдъ огромной змѣи, указывавшій мнѣ направленіе, по которому они пошли. На этой же рѣчкѣ я встрѣтился со знаменитымъ американскимъ оленемъ-самцомъ, главнымъ трофеемъ моей поѣздки. Я безшумно двигаль веслами, скользя вдоль рѣки, какъ вдругъ на поворотѣ неясныя очертанія огромной темной массы всплыли надъ водой прямо противъ моего челнока. Надъ темной массой торчали два огромныхъ рога, самые большіе, какіе мнѣ когда-либо приходилось видѣть въ штатѣ Мэнъ. Остальная часть головы была подъ водой въ поискахъ за корнями водяныхъ лилій, и мнѣ пришла въ голову безумная мысль, что можно было бы направить челнокъ между концовъ огромныхъ рогъ и проѣхать между ними, не задевая ихъ, — такъ они были велики и широки. вмѣсто этого я быстро погналь лодку, и голова оленя вышла изъ воды, такъ, что, когда я прилежъ на дно челнока и сталъ его разсматривать, я былъ такъ близко отъ него, что могъ разглядѣть каждую смѣну выраженія на его огромной мордѣ и въ зоркихъ маленькихъ глазахъ, даже безъ помощи бинокля. Онъ тотчасъ же замѣтилъ меня, выпустиль изо рта вытященный имъ изъ воды корень, и изумленіе его было настолько велико, что у него даже отвисла нижняя челюсть. Причиной его крайняго изумленія былъ не столько я самъ, сколько вопросъ, какимъ образомъ я могъ такъ незамѣтно сюда пробраться. Онъ двинулся шага на два ко мнѣ навстрѣчу, и, настороживши уши и сверкая глазами, слѣдилъ за малѣйшимъ моимъ движеніемъ. Потомъ онъ не торопясь перешель рѣку, вышелъ на берегъ, довольно крутой въ этомъ мѣстѣ, и скрылся въ лѣсу. Когда онъ исчезъ, я пошелъ за нимъ слѣдомъ, догналь его, такъ что могъ видѣть, какъ онъ несъ свои огромные рога и высоко поднималь ноги, переступая черезъ валежники, словно шанхайскій пѣтухъ. Изъ всѣхъ оленей, которыхъ мнѣ когда-либо приходилось видѣть, это былъ единственный, у котораго голова казалось настолько тяжелой, что причиняла ему безпокойство. Онъ держаль ее низко опущенной и бережно проносиль свои гигантскіе рога между пнями и ольховыми кустами, стараясь не задѣть ими о нихъ. Они еще были мягки, и безъ сомнѣнія, цѣплявшіяся и хлеставшія его шершавыя вѣтки причиняли ему боль, когда онъ шель не остерегаясь. Наконецъ, увидѣвъ, что я слѣдую за нимъ по пятамъ, онъ обернулся еще разокъ взглянуть на меня, но я спрятался за дерево и дождавшись, чтобы онъ снова пошелъ впередъ, опять отправился за нимъ слѣдомъ. Это возбудило въ немъ подозрѣніе къ невѣдомому существу, такъ упорно шедшему по его слѣдамъ; а можетъ быть, дуновение вѣтерка донесло до него опасный запахъ, — во всякомъ случаѣ онъ заложилъ свои огромные рога назадъ на пле-

чи, по обыкновенію американскихъ оленей, и пошелъ по лѣсу поразительно быстрымъ ходомъ. Я представлялъ себѣ, какъ онъ скрежещетъ зубами, скашиваетъ глаза, когда какая-нибудь вѣтка хлестнетъ и царапнетъ его чувствительные рога, заставляя его глухо ворчать отъ боли; но ужасная погоня позади, и чувство страха передъ ней пересилили все остальное, и я быстро потерялъ его изъ виду въ тѣни и тиши дремучаго лѣса.

Мнѣ припоминается, что въ ту же ночь—въ моихъ запискахъ не отмѣчено перемѣны мѣста и времени, — мнѣ пришлось еще наслаждаться

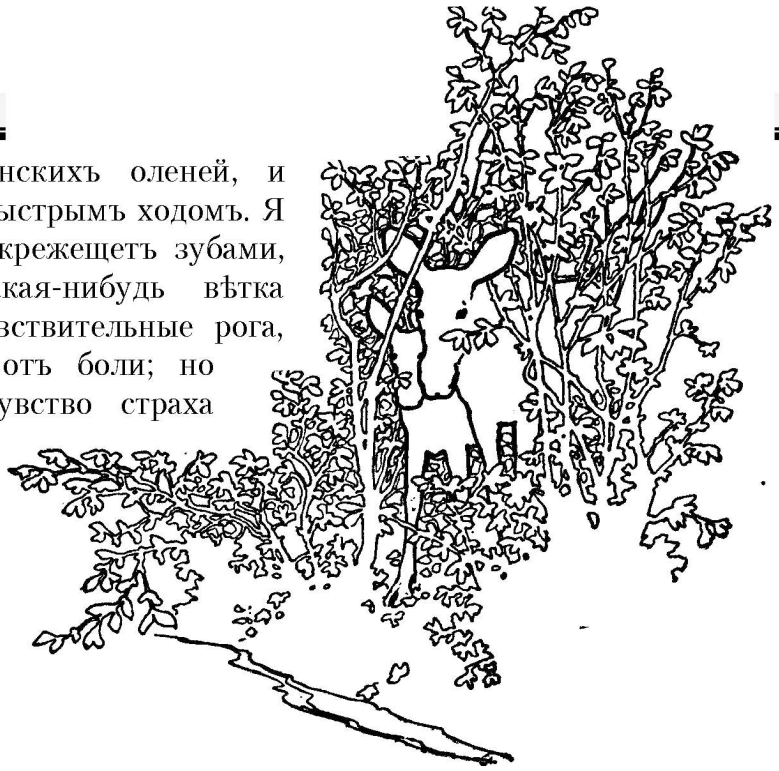
тѣмъ-же родомъ охоты, наполняющей душу мирной отрадой, и придающей охотнику какую-то необыкновенную способность проникать въ помыслы и побужденія лѣсныхъ жителей. Я скользилъ въ челнокѣ по гладкой поверхности рѣки на вечерней зарѣ, когда до моего слуха донеслось тихое криканье дикихъ утокъ. Я потихоньку протолкнулъ челнокъ въ первое ближнее болотце, лежавшее въ томъ направленіи, откуда раздавались звуки, и очутился такъ близко къ уткамъ, что не смѣлъ двинуться дальше ни на шагъ, а осторожно приподнявшись на ноги, взглянулъ черезъ стебли высокой травы. Въ этомъ мѣстѣ собралось около тридцати или сорока великолѣпныхъ птицъ, по крайней мѣрѣ четыре или пять выводковъ, и каждый выводокъ вела заботливая матка; вся эта стая собралась сюда изъ ближнихъ прудовъ, въ первый разъ послѣ того, какъ утята вывелись

изъ яицъ. Уже за два или за три дня до этого я замѣтилъ, какъ летали молодые выводки, упражняя крылья и готовясь къ длинному осеннему перелету. Теперь онѣ всѣ собрались на маленькой, высохшей глинистой площадкѣ, окруженной высокой травой, играя и очевидно заводя знакомство другъ съ другомъ. Посрединѣ площадки

возвышались два или три бугорка, на которыхъ трава была затоптана и примята. На каждомъ бугоркѣ сидѣло по уткѣ, а подъ бугоркомъ тѣснились еще четыре-пять птицъ, пытавшихся взобраться на него; но на вершинѣ бугорка могла помѣститься всего лишь одна утка, такъ что то и дѣло

раздавалось громкое криканье и завязывалась борьба изъ-за желаннаго мѣста; но все это дѣлалось мирно и дружелюбно. Очевидно, это была забава, потому что въ то время, какъ находившіяся подъ бугромъ птицы

старались вскарабкаться на него, стоявшая на вершинѣ утка употребляла всѣ усилія, чтобы спихнуть ихъ назадъ. Остальныя птицы прогуливались попарно съ одного конца площадки на другой, и тутъ я замѣтилъ любопытную процессію или пожалуй бѣгъ взапуски:— пять-шесть птицъ, ставъ въ рядъ, медленно пускались впередъ, а подъ конецъ бросались и ныряли головой въ траву на противоположномъ берегу. Тамъ и сямъ по концамъ этой

ныряли головой въ траву на противоположномъ берегу. Тамъ и сямъ по концамъ этой площадки для игръ старыя матки сидѣли на бугоркахъ и смотрѣли на игру съ довольнымъ видомъ, виляя хвостикомъ и изрѣдка вытягивая головку, какъ бы къ чему-то приглядываясь и прислушиваясь. Голоса игравшихъ птицъ были необыкновенно тихи и сдержаны, и сильно напоминали мнѣ когда-то видѣнныхъ мною индѣйскихъ дѣтей во время игры. Временами криканье производило такое впечатлѣнiе, какъ будто эти звуки издавалъ чревоушатель, словно они доносились откуда-то издалека; а потомъ оно совершенно затихало по первому знаку, данному, какой-нибудь заботливой маткой, хотя игра въ это время не прекращалась; точно также и во время игры онѣ не должны были забывать о врагахъ, повсюду подслушивающихъ и подстерегающихъ ихъ.

Поднявшись немного выше, чтобы посмотрѣть на ближайшихъ ко мнѣ птицъ, я

Спасся вплавъ по ледяной водѣ.

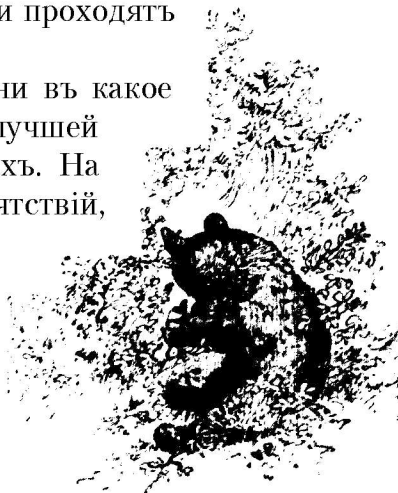
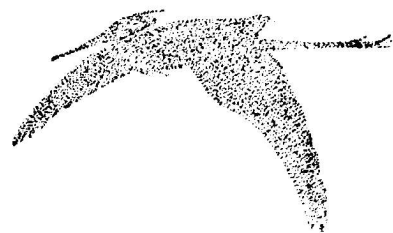

былъ заслоненъ высокой травой, но нога моя задѣла за весло, которое слегка застучало. Тотчасъ же раздалось отрывистое кряканье, совершенно не похожее на кряканье другихъ утокъ, и всѣ птицы замерли на мѣстѣ и, вытянувъ шею, стали прислушиваться. Одна изъ старыхъ утокъ, — я не могъ разглядѣть, которая, пока она не сошла съ своего бугра, — увидала меня и храбро заковыляла, направляясь ко мнѣ. Тутъ произошло нѣчто весьма любопытное, что мнѣ не разъ приходилось видѣть среди птицъ и животныхъ, живущихъ стадами, и чему я постоянно удивлялся. Данъ былъ сигналъ, но при этомъ слухъ мой не могъ различить ни малѣйшаго звука, который бы нарушилъ вечернюю тишину. Точно какое-то внезапное внушеніе, словно электрическій токъ, передалось каждой птицѣ въ многочисленной стаѣ. Въ ту же секунду всѣ утки присѣли и сдѣлали прыжокъ; взмахъ крыльевъ, и вся стая поднялась сразу, словно выпущенная изъ западни, и скрылась, зашуршавъ крыльями и хрипло крякая, какъ бы сообщая каждому живому существу на болотѣ, что надвигается опасность. Тамъ и сямъ послышалось хлопанье крыльевъ; завопили выпи; закаркали цапли; молодой олень засвисталъ и выскочилъ откуда-то вблизи; выхухоль погрузилась въ воду, ударивъ по ней хвостомъ и зашумѣвъ, какъ брошенный въ рѣку камень. Послѣ этого въ болотѣ опять водворилась тишина, и ни одинъ звукъ не выдалъ тайны того, что происходило среди лѣсныхъ обитателей въ эту тихую ночь, ни того, какому занятію или забавѣ они предавались.

Раньше на тѣхъ же водныхъ пространствахъ водились американскіе сѣверные олени; это любопытные звѣри, представляющіе большой интересъ для охотника безъ ружья; но много лѣтъ тому назадъ при чисткѣ лѣса свели всѣ лиственницы, которыми главнымъ образомъ питаются кочующіе американскіе сѣверные олени. Обыкновенные олени, которыхъ такъ много, что страна едва можетъ прокормить ихъ въ зимнее время, подчищаютъ всѣ остальные сѣдобные побѣги: и почки, такъ что сѣверные олени вынуждены переселяться въ Новый Брауншвейгъ, гдѣ много лиственницъ и большое изобиліе степного мха, который они могутъ откапывать изъ-подъ снѣгу. Еще лучше, если кто хочетъ охотиться по сѣвернымъ оленямъ, отправиться въ обширную пустыню сѣвернаго Ньюфаундлэнда, гдѣ эти животныя проводятъ лѣто и гдѣ съ вершины горы можно насчитать цѣлыя сотни этихъ красавцевъ, бродящихъ по всѣмъ направленіямъ.

Охотиться за ними безъ ружья, единственно съ цѣлью узнать тайны ихъ удивительной жизни, — почему, напримѣръ, каждое стадо часто выбираетъ себѣ особое мѣсто для погребенія; или почему сѣверный олень-самецъ любитъ часами колотить копытомъ и рогами гнилой пень, — это доставляетъ, по моему, гораздо больше удовольствія, нежели охота съ цѣлью получить ихъ рога, когда ихъ убиваютъ въ то время, какъ они идутъ по своимъ переселенческимъ тропамъ, тропамъ, которыя считались священными для безконечнаго ряда поколѣній; и стрѣляютъ ихъ, когда они проходятъ такъ же мирно, какъ домашній скотъ.

Для охотника безъ ружья нѣтъ запрета на дичь ни въ какое время года, и олени-самки съ дѣтенышами являются лучшей добычей, нежели олень съ десятью отростками на рогахъ. На водѣ или на сушѣ — охотникъ всегда наготовѣ; нѣтъ препятствій, которыя приходится одолѣвать на пути къ цѣли, нѣтъ трудностей, кромѣ тѣхъ, которыя онъ самъ захочетъ на себя возложить. Не можетъ быть и разочарованій, такъ какъ на ходу ли звѣрь или нѣтъ, дикъ ли, какъ воронъ въ пустынь, или любопытенъ, какъ голубая галка, охотникъ всегда найдетъ что сохранить въ своемъ

сердцѣ, гдѣ живутъ его лучшія воспоминанія. Всякая добыча для него хороша, и все, что привлекаетъ его вниманіе на сушѣ, на водѣ или въ воздухѣ, онъ считаетъ хорошей добычей. То это будутъ водяные пауки — забавляющіеся любопытной игрой въ травяныхъ стебляхъ, и у которыхъ еще болѣе интересные нравы, нежели у круглыхъ пауковъ. То вы видите выдру, играющую на поверхности воды съ своими дѣтенышами, которые, завидѣвъ васъ погружаются въ воду, а потомъ снова появляются у вашей лодки, и, высунувшись на половину изъ воды, чтобы лучше разсмотрѣть васъ, произносятъ вью...ю...ю! какъ крошечный тюлень, выражая этимъ свое изумленіе предъ удивительнымъ, плавающимъ въ водѣ предметомъ. То это самка нырка, берущая своихъ дѣтокъ къ себѣ на спину, какъ только они выведутся изъ яйца, и таскающая ихъ по озеру, чтобы лучше обсушить ихъ на солнцѣ, до тѣхъ поръ, пока она не нырнетъ въ воду и выскользнетъ тамъ изъ-подъ нихъ, погрузивъ ихъ въ рѣку въ первый разъ въ жизни; и вамъ долго придется себѣ ломать голову, прежде чѣмъ додумаешься, зачѣмъ она такъ поступаетъ. То это медвѣдица съ медвѣжатами. Я однажды наблюдалъ за троими въ теченіе цѣлаго часа, пока они собирали чернику. Сначала они срывали ягоды съ кустовъ вмѣстѣ со стеблями и листьями. Или, если находили хорошій низкорослый кустъ, сплошь усыянный ягодами, они откусывали его у самого основанія либо выдергивали прямо съ корнями, и, взявшись за стебли передними лапами, продергивали его между зубовъ отъ одного конца до другого, отрывая каждую ягоду и отбрасывая очищенный такимъ образомъ кустъ. Или они ударяли лапами по кусту и стряхивали градъ самыхъ спѣлыхъ ягодъ, потомъ тщательно сгребали ихъ въ одну кучу и пожирали однимъ глоткомъ. И когда, бродя въ поискахъ за хорошимъ кустомъ, какой-нибудь медвѣженокъ замѣчалъ, что братишка его трудится надъ необыкновенно удачной находкой, вамъ невольно вспоминалось собственное дѣтство при видѣ неуклюжаго звѣрька съ визгомъ бросавагося за своей долей ягодъ изъ страха, что онъ не поспѣетъ, и кустъ будетъ начисто обобранъ безъ него. Это была отличная охота. Сердце радовалось при мысли, что и этотъ рѣдкій и лѣсной бродяга мирно уйдетъ своей дорогой цѣлъ и невредимъ. И невольно приходятъ въ голову слова, которыя можно сказать про охотника безъ ружья: "Пустыня и глухая, необитаемая мѣстность радостно привѣтствуютъ его." Ибо кроткій духъ Франциска Ассизскаго почіетъ на немъ, ибо, удаляясь, онъ не оставляетъ за собой ни страданія, ни смерти, ни страха и ненависти къ человѣку.

